

КУ

**КУЙБЫШЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**КУЛЬТУРЫ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ
I ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ**

КУЙБЫШЕВ 1986

Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР

Куйбышевский государственный университет

КУЛЬТУРЫ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Межвузовский сборник статей

Куйбышев
1986

В сборнике рассматриваются проблемы раннесредневековой истории населения Поднепровья и Поволжья I тысяч.н.э., культурных связей различных археологических культур, например, именьковской, бытовавшей в Среднем Поволжье с V по VII вв.н.э., делаются попытки найти ее истоки среди культур Поднепровья.

Сборник адресован археологам, студентам исторических факультетов, всем интересующимся отечественной историей.

Редколлегия: проф. П.С.Кабытов, доц. Г.И.Матвеева (отв.ред.), доц. И.Б.Васильев, м.н.с. Н.П.Салугина.

Куйбышевский государственный университет, 1986

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборнике включены статьи, посвященные культурам рубежа и I тыс. нашей эры лесной и лесостепной полосы Европейской части СССР: зарубинецкой, ивевской, именьковской. Особое внимание уделено последней, так как она представляет собой одно из наиболее значительных этнокультурных образований Среднего Поволжья середины I тыс. н.э.

Вопрос о происхождении именьковской культуры — один из самых дискуссионных в археологии Среднего Поволжья. Первые ее исследователи считали, что она связана с предшествующей городищной, однако с накоплением материалов уже в начале 60-х годов стало ясно, что именьковская культура генетических связей с городищной не имеет. Начались поиски ее истоков за пределами Поволжья и Приуралья. Одна за другой появляются гипотезы: сначала о сибирском происхождении и торянской этнической принадлежности (В.Ф.Гаянц), затем об участии в ее формировании славянских племен, пришедших из лесостепного левобережья Днепра. Племена именьковской культуры считали финно-уграми, торями, уграми (мадьярами), славянами, смешавшимися с финно-уграми, балтами. Представляется, что попытки решить вопрос об этнической принадлежности именьковской культуры преждевременны. В настоящее время необходимо выяснить ее культурные истоки. Весь облик именьковской культуры: характер поселений и жилищ, сочетание грубой и лощеной слабо орнаментированной керамики и особенно обряд трупосожжения и бедность погребального инвентаря — все эти черты сближают именьковскую культуру с латенизированными культурами (зарубинецкой, шеворской) рубежа и начала н.э. Исследование в Среднем Поволжье памятников славкинского и лбищенского типов, в культурном отношении близких к именьковской культуре, позволило сократить хронологический разрыв между ней и латенизированными культурами.

В марте 1985 года в г.Куйбышеве на базе университета состоялись выездные заседания Ученого Совета Института археологии АН СССР, в которых участвовали как исследователи культур I тыс.н.э. Среднего Поволжья, так и специалисты, занимающиеся изучением культур Поднепровья: зарубинецкой, черняховской, явевской, пеньковской и др. Статьи, включенные в сборник, содержат основные положения, высказанные авторами в докладах на выездных заседаниях Института археологии АН СССР в г.Куйбышеве.

Особое место в сборнике занимает статья А.А.Бабринского, посвященная методике изучения форм глиняной посуды.

Сборник адресован специалистам-археологам, краеведам и всем интересующимся древней историей нашей Родины.

ПОЗДНЯЯ ФАЗА ЗАРУБИНЕЦКИХ МОГИЛЬНИКОВ

В связи с недавно предложенной гипотезой¹ происхождения именьяновской культуры Среднего Поволжья и Приуралья, согласно которой она генетически близка зарубинецкой культуре Припяти и Поднепровья, представляется немаловажным уточнение конечной даты последней, а также характеристика поздней фазы зарубинецкой культуры, ее основных признаков для возможности неопровержимого сопоставления обеих культур. По мнению Г. И. Матвеевой, именьяновская культура, не имеющая местных корней, наиболее близка полесскому варианту зарубинецкой, что особенно ярко проявляется в погребальном обряде. К тому же могильники дают надежные данные для хронологии. Поэтому интересующий нас вопрос должен рассматриваться, в первую очередь, на материалах могильников.

Зарубинецкая культура, возникшая на периферии кельтского мира и одна из наиболее удаленных от его ядра, принадлежит к кругу латенизированных культур "полей погребения" Средней, Северной и Юго-Восточной Европы, хронология которых основана на датировках кельтских древностей эпохи среднего и позднего Латена. Это культуры позднего предримского железного века в хронологической системе Р. Хахманна которая в своей основе является базой и для относительной периодизации зарубинецких памятников. В период, который по схеме Р. Хахманна и К. Гюдлоевского обозначается поздней фазой (III), или фазой A₃ по Р. Волонгевичу и А. Невенглавскому для оксидной и шневорской культур, а собственно кельтские культуры вступают в фазу Латена D₂² (причем не в начале этого периода, а скорее всего во второй его половине), на классических зарубинецких могильниках начинается последняя фаза развития - IV, по периодизации полесской группы³.

Обратимся к конкретным комплексам погребений каждого зарубинецкого региона. На рис. I представлены могильники полесской группы Велемичи I и II, Отвержичи, Семурадцы. Основными хронологическими индикаторами служат фибулы, аналогичные которым происходят из латенизированных и латенских культур. Среди зарубинецких фибул наиболее ранние экземпляры позднелатенской конструкции, близкие варианту М, И. Костшевского (вар. М₁ по нашей типологии⁴). Некоторые из них отличаются от западных слабой прогнутой спинкой, иногда нижней тетивой (рис. I, 102/1, 93/2, 76/4)⁵. Хронологически они близки ранним проволочным фибулам фазы Д₁ латенских культур⁶. В зарубинецких комплексах они появляются еще в фазе Шб, сочетаясь с фибулами зарубинецкого типа (ЗТ) III и IV вариантов по А. К. Амброзу (рис. I, 93/2, 3; 76/4, 5). Последние диагностируют фазу IV могильника Воронино (не представленного на рис. I), в одном из погребений (№ 29)⁷ сочетаясь с поздним вариантом среднелатенской схемы - маленькой фибулой разновидности вар. В по Костшевскому (вар. В₂ по типологии полесских фибул). Фибулы ЗТ IV использовались главным образом в фазе IV вместе со следующей генерацией фибул позднелатенской конструкции - вар. N₁ с проволочной спинкой (рис. I, 86/7, 8; 85/10, 11; 90/9; 69/12; 24/17).

В одном из полесских погребений (Отвержичи, погр. I) этот вариант находился вместе с длинной фибулой со слабо выгнутой ленточной спинкой, ornamentированной наколами и врезной линией. Подобные фибулы упомянутыми деталями отличаются от обычных вариантов N и выделены нами в вар. N₃. Они довольно редки в зарубинецкой культуре, появляются еще в конце фазы III, продолжая бытовать в следующей. Фибулы этого типа возникли у зарубинцев вероятнее всего под влиянием западных наухаймских, отличаясь от классического варианта последних большим размером и сплошным приемником вместо рамчатого. По этим признакам наши экземпляры особенно близки фибуле из пуховской культуры Словакии, относимой исследователями к типу наухаймских⁸. Родственные им фибулы вар. Z по Костшевскому в зарубинецкой культуре пока представлены одним экземпляром, который в погр. 20 могильника Семурадцы находился вместе с фибулой вар. N₂ (рис. I, 20/18, 19). Последние, фибулы с пластинчатой спинкой (рис. I, 61/13; 81/14), мы выделяем как позднейшую разновидность варианта N: в одном из комплексов такая фибула сочеталась с фибулами вар. O₁ ("прогнутыми", или фибулами "бойав"), типичными формами фазы Латена Д₂ и синхронными в латенизированных культурах. Вместе с вар. O (Семурадцы, погр. 12) они определяют заключительный отрезок фазы

IV на зарубинецких могильниках (рис. I, 81/14, 15; 47/16).

Наухаймские фибулы в латенских культурах диагностируют фазу D_1 и соответствующий отрезок времени — среднюю фазу позднего пред-римского периода или A_2 в ясторфской, пшеворской и др. культурах, а в охсенской их позиция несколько моложе — рубеж фаз A_{2b} и A_3 на основании совстречаемости с вар. N , ведущей формой следующей фазы (D_2 и A_3)¹⁰.

Аналогичная ситуация в Полесских могильниках: фибулы, близкие наухаймским (вар. N_3) и вар. Z , дважды встречались с фибулами вар. N_1 и вар. N_2 , т.е. использовались в фазах Шб и IVa.

Абсолютная хронология наухаймских фибул и фибул вар. Z и соответственно верхняя граница фазы D_1 являются предметом дискуссий.

У исследователей сложилось представление об их использовании в период между завоеванием Галлии Цезарем и новой организацией Галлии при Августе: наухаймских фибул не было найдено в Алезии, разрушенной в 52 г. до н.э., они многочисленны в Манхинге, существовавшем, как предполагалось, до 15 г. до н.э., найдены в Бибракте, оставленной в 5 г. до н.э. и отсутствуют в августовских военных лагерях¹¹. Таким образом, время употребления наухаймских фибул определялось второй половиной I в. до н.э. Сомнения в правильности этой датировки, не оставлявшие многих исследователей, в том числе и Р. Хахманна, вскоре нашли подтверждения, Р. Христляйн и П. Глюсинг¹² показали необходимость отказаться от традиционной версии о разрушении кельтского опидума Манхинг в связи с римской оккупацией земель по Верхнему Дунаю, а дата его гибели была удвоячена до 40-х гг. I в. до н.э. Соответственно снизилась и верхняя граница наухаймских фибул. Параллельно им и вслед за ними к близким выводам пришли и другие ученые¹³. Так, согласно периодизации могильников Северной Италии у Орнавассо, разработанной Е. Грау, II ступень их развития, среди ведущих форм которой наухаймские фибулы и другие типы фазы D_1 , по находкам монет может быть датирована первой половиной I в. до н.э. Исследователь заметил также, что отсутствие наухаймских фибул среди вещей из рва в Алезии, где были погребены галльские воины, объясняется тем, что эти фибулы, как указывал Й. Вернер, — принадлежность женского костюма¹⁴. Особенно убедительны результаты исследований С. Ринхофф, выделившей в рейново-дунайских областях переходный горизонт галло-римских форм (фаза D_2), который датирован 50-20 гг. до н.э. Пласт находок с наухаймскими фибулами соответственно отодвигается в предыдущий период¹⁵.

Таким образом, целый ряд убедительных аргументов позволяет отнести позднюю дату наухаймских и родственных им фибул к 50-60 гг.

до н.э. и весь комплекс находок фазы D_1 - к первой половине I в. до н.э. Однако новая датировка еще не всеми окончательно признана, хотя и принята многими исследователями¹⁶.

Вероятно, фибулы этого типа дальше бытовали вдали от своей исходной территории и ближайших к ней культурных центров, позднее проникли в некоторые латенизированные области (в оксывскую культуру). Еще позднее их производные появились на юго-восточной периферии латенского мира - в пуховской и зарубинецкой культурах.

Итак, фибулы вариантов N_1 , N_2 , O и O_1 , а также зарубинецкого типа IV варианта - ведущие формы IV фазы зарубинецких могильников являются позднейшими хронологическими индикаторами и определяют верхнюю дату поделок, которая опирается на хронологию аналогичных в латенских и латенизированных культурах. Фибулы вар. O_1 , характерные заключительный отрезок - подфазу IV в, вероятно, импорты из Подунавья. Они могли проникнуть к зарубинцам через Поднепровье¹⁷ из коньских памятников Паннонии и Чехии, а также из кельто-дакийской пуховской культуры Словакии. В этих регионах, особенно в Чехии, их находки многочисленны, они типичны для фазы D_2 , датируются рубежом эр и началом нашей эры, выходя затем из употребления¹⁸. На Поморье в оксывской культуре, получавшей импульсы из тех же земель (скорее всего, из Чехии), фибулы вариантов N и O , аналогичные позднейшим зарубинецким (в том числе близкие вар. N_2 с пластинчатой спинкой), перестают использоваться в IО-и годах н.э., сменяясь раннеримскими формами¹⁹.

Позднее, чем в других латенизированных культурах, завершается поздний предримский период в пшеверской. На заключительном отрезке ее позднелатенской фазы III (A_3) фибулы вар. N и O встречаются единично с раннеримскими фибулами А 236-237, А 67, А 45-46, А 75-77 и др., что не меняет позднелатенского стиля культуры в целом (особенно в керамике) вплоть до массового появления фибул А 68, т.е. до 40 г. н.э. **20**

Развитие зарубинецкой культуры, получившей изначально мощный латенский импульс, протекало самостоятельно, но в ритмах, близких другим латенизированным культурам. Она несколько отставала от них в некоторые периоды, предположительно, и на конечном этапе своего развития, возможно, аналогично пшеверской. Но в зарубинецких комплексах совершенно нет раннеримских импортов, и ее верхнюю дату продлевать за пределы 40-х годов н.э. нет достаточных оснований. Более того, можно допустить, что зарубинецкие могильники прекратили функциониро-

вать и несколько раньше, если учитывать датировки в Подунавье и на Поморье ближайших аналогов позднейших зарубинецких фибул, т.е. предполагать, что путь их проникновения в зарубинецкий ареал шел не через пшеворскую культуру, которая, по мнению исследователей, в этот период представляла собой изолированную военизированную общность²¹. Отмечено также, что зарубинецко-пшеворские контакты, несмотря на близкое соседство, незначительны. Лишь единичные зарубинецкие формы попадали в пшеворскую среду²² (не считая пограничных проникновений). Тем не менее, вероятно, и результатом контактов с соседями (или с ольвенской культурой Поморья?) следует отнести обичай подсыпки в ямные захоронения остатков погребального костра, встречаемый в поздней фазе наредни на Полесье и чаще в Верхнем Поднепровье.

В верхнеднепровском зарубинецком варианте поздняя фаза характеризуется главным образом фибулами, близкими вариантам М и N, как правило, отличающимися от последних меньшей прогнутостью спинки. На рис. 2 представлены наиболее типичные комплексы Чаплинского могильника²³. Интересно, что здесь при большом количестве фибул позднелатенской схемы (65 экз.) нет синхронных им фибул зарубинецкого типа IV варианта. В то же время в погр. 246 фибула вар. M/N сочеталась с редкой для зарубинецкой культуры разновидностью вар. B/N Костшевского (рис. 2, 246/9), которые в латенских и латенизированных культурах характерны для фаз D₁ и A₂.

Однако есть и другие фибулы этого же времени: из погр. 58 (рис. 2, 58/19) лучиновая подвязная I варианта, дата которой — первая половина I в. н.э., возможно, немного позднее. В погр. 25 (рис. 2, 25/15, 16) находилась прогнутая подвязная верхнеднепровской серии, I в. н.э. по А.К.Амброзу²⁴, в сочетании с вар. M/N, т.е. погребение могло быть совершено в первой половине века. Уникальная для зарубинецких памятников шипцовая фибула происходит из погр. 152 (рис. 2, 152/20). Она местного производства, железная, и является разновидностью фибул, распространенных в Подунавье и Порейнье, в Швейцарии, Италии и др. областях Центральной Европы. Они характерны для так называемого переходного горизонта 50-20 гг. до н.э., сопоставимого с фазой D₂²⁵.

Таким образом, поздняя фаза Чаплинского могильника по фибулам тоже не выходит за пределы середины I в. н.э.

Для продления верхней даты верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры часто приводится фрагмент сосуда, сделанного на гончарном круге, из жилища 9 Чаплинского городища, по которому П.Н.

Третьяков считает возможным реконструировать одноручный червяховский кувшин²⁶. М.Б.Шукин полагает, что этот же обломок можно реконструировать и как двуручный сосуд дакийского типа, близкий найденным в Поднестровье в Звенигородской группе памятников. Подобные сосуды в могильнике Гоша Гора встречались вместе с фибулами А68²⁷.

Такая же ситуация в Среднем Поднепровье на классических зарубинецких могильниках. К сожалению, эталонный могильник Пирогов все еще целиком не опубликован, что не дает возможности представить его позднюю фазу полностью²⁸. Известно, что там нет фибул или других материалов более поздних, чем в других зарубинецких регионах, имеется всего 7 экземпляров фибул позднелатенской схемы (в том числе 4 - во фрагментах). Из погр. 39 и 57 происходят фибулы вар.М Костявского (рис.3,39/2, 57/1). Зарубинецкий тип представлен в основном III вариантом (13-14 экземпляров, напр, рис.3, 19/5); три (или четыре) фибулы относятся к IV (рис.3,29/3; 38/6). Одна из последних в погр.66 сочеталась с фрагментом позднелатенской фибулы со сплошным приемником неопределимого варианта (рис.3,66/7,8).

В погр.61 находилась фибула, аналогичная варианту N₃ из полесских могильников (рис.3,61/4).

В одном из погребений найдена фибула подвязная, видимо, близкая чеплинской из погребения 25.

Для характеристики поздней фазы интересны комплексы могильника Девич-Гора, где представлены все те же типы фибул (рис.4).

Л.А.Цыдровская²⁹ выделяет здесь два этапа: I) конец II в. до н.э. - начало I в. н.э.; 2) вторая половина I в. н.э. - II в. н.э. Судя по представленному материалу, можно дать и более детальное членение этого могильника, выделив самые ранние погребения (с фибулой II варианта зарубинецкого типа и синхронные ему), а также поздние, связанные с постройкой и жертвенником, которые датированы по античной керамике I-II вв. н.э. (если они действительно составляют единый комплекс). Не вполне оправдано отнесение к разным этапам захоронений с близкими фибулами вар.М: погр.9 - к первому, а погр.17 и 21 - ко второму (рис.4,9/2, 17/4, 21/3). Думается, что различное местоположение на могильнике этих погребений еще не служит достаточным обоснованием этого. Полагаем, что на могильнике Девич-Гора можно выделить такую же позднюю фазу, как и на рассмотренных выше, с характерными для нее фибулами, которые наиболее надежно ограничивают верхнюю дату могильника - не позднее середины I в. н.э. Эта фаза (или переход к ней от предыдущей) характеризуется фибулами вар.М в погр. 9,17, 21, затем типичными для нее фибулами

следующей генерации - вар. № из погр. 22, а также подвижной лучковой из погр. 12 (рис. 4, 22/5; 12/6). Присутствие на могильнике античных материалов с широкой датой - I-II вв. н.э. - пока не дает уверенности для продления датировки классического зарубинецкого могильника Девич-Гора, в комплексах которого нет материалов позднее первой половины I в. н.э.

Для уточнения характера конечной фазы зарубинецкой культуры чрезвычайную важность приобретают материалы могильника Вишенки (61 погребение), пока еще не опубликованного. Однако по предварительным сообщениям и благодаря знакомству с коллекциями³⁰ уже можно говорить о том, что здесь лучше, чем где-бы то ни было в Среднем Поднепровье, представлена эта фаза с весьма характерными экземплярами фибул вариантов № и зарубинецких-III и, особенно, IV вариантов. Насколько нам известно, более поздних комплексов и здесь нет. Более того, можно предполагать, что данный могильник вообще не функционировал ни в раннезарубинецкое время, ни в средней фазе культуры, а был заложен, скорее всего, в период, соответствующий рубежу III и IV фаз полесских могильников, и не существовал позднее последних.

Итак, рассмотренные комплексы позволяют считать, что верхняя дата классических могильников зарубинецкой культуры всех трех вариантов по основным хронологическим индикаторам - фибулам - относится, самое позднее, к середине I в. н.э., а в Полесье, возможно, и к более раннему периоду.

Поздняя фаза характеризуется не только появлением нового набора фибул, но и изменением облика керамики. В Полесье³¹ еще в начале фазы III исчезают высокие лощеные горшки с суженной горловиной, отделенной уступчиком от выпуклого тулова, так называемые "поморские" и синхронные им большие низкие миски. На этой же фазе появляются и продолжают существовать на фазе IV горшки биконических форм почти без шейки, горшки лощеные, широкогорлые, с расширенным в верхней части туловом, слабопрофилированные горшки, приземистые, с широкой горловиной, большим дном, шероховатые и бугристые. На IV фазе преобладают биконические горшки и появляется новая форма - с широким развернутым горлом, отогнутым венчиком. Поздние миски характеризуются средними размерами, широким дном, почти равным диаметру отверстия, намечающимся ребром по средней части тулова. Типичны были поздней формы конические миски с отогнутым венчиком и маленьким дном. Только на фазе IV появилась новая форма мисок (найдено всего три экземпляра) - со слегка наклонной внутрь или почти прямой верхней частью, с прямым краем венчика, коническим туловом. С тече-

нием времени изменяется не только профилировка сосудов, но намечается тенденция ухудшения качества изготовления керамики. Вместо стройных пропорциональных и тщательно лощеных горшков все чаще появляются небрежно выполненные, с закраинами у дна, слабоощенные, асимметричные. То же самое касается и мисок. К фазе IV, хотя и не на всех могильниках, заметно уменьшается процент крупных сосудов. Хронологическому изменению подвержен и состав керамического комплекса погребений. Типичный зарубинецкий набор — горшок, миска и кружка преобладает в I и II фазах, вдвое реже встречаясь в следующих. Любопытна еще одна деталь: только на фазе IV на могильниках Валемичи II и Отвержици присутствуют керамические комплексы с выраженными чертами взаимного сходства, отражающие одновременность изготовления и, вероятно, их исключительно ритуальное предназначение.

Эволюция керамики верхнеднепровского региона прослеживается главным образом на мисках — ведущей категории сосудов Чаплинского могильника. На последней фазе преобладают ребристые миски с прямой верхней частью, горшки со сглаженным ребром на тулове. В этот же период в Чаплине увеличивается процент лощеных мисок³². Керамика могильников Среднего Поднепровья также претерпевает ряд изменений во времени: на поздней фазе пропадает характерный признак ранних горшков и мисок — многогранный край венчика, который становится закругленным или срезан только одной гранью. Тулово сосудов приобретает ребристость. Среди горшков появляются вытянутые округло-бонические формы, а также слабопрофилированные. На смену низким большим мискам приходят небольшие, с широким дном, ребристые, с отогнутым венчиком, с почти прямой верхней частью, а также маленькие миски с загнутым внутрь краем венчика. Здесь, как и в Полесье, на поздней фазе заметно ухудшается качество лощения поверхности сосудов³³.

Кроме эволюции зарубинецкой керамики, прослеживается тенденция к расширению ассортимента украшений, сопровождающих погребения. Наиболее богатые погребения Чаплинского могильника относятся к поздней фазе, среди них почти 50% содержат наконечники копий. В то же время в Чаплине, где много погребений с большим количеством бус, на последней фазе они найдены лишь в одном³⁴. В поздних погребениях Полесья увеличивается количество богато орнаментированных фибул и трапецевидных подвесок.

Наконец, при стабильности основных признаков погребального обряда нельзя не отметить отдельных изменений. По-прежнему ведущим типом остается ямный способ захоронения остатков сожжения. Незначи-

тельный процент урновых погребений в Полесье приходится главным образом на ранние фазы, но не является исключением и для последней. А вот обычай накрывания урн, встречающийся в полесском регионе, — прерогатива ранних захоронений. В Среднем Поднепровье, где урновых погребений больше, они встречаются на протяжении всего периода функционирования могильников, и даже в таком исключительно позднем, как Вилешня. В двух больших могильниках Полесья, Веленичи I и II прослеживается явная закономерность — процент длинных могильных ям уменьшается от I и IV фазе. На последней, как правило, ямы небольшие и округлые. Но в Отвержичах и Воронино такой закономерности нет. В Отвержичах вообще большинство ям округлой формы на IV фазе увеличивается процент маленьких ям. В Среднеднепровском регионе эволюции в устройстве могильных ям не наблюдается — почти 80% погребений, в том числе и самые поздние, производилось в длинных ямах.

В Чаплинском могильнике погребения в длинных ямах совершались весь период его существования, на II фазе исчезают погребения в круглых ямах диаметром больше 1 м и уменьшается процент погребений в ямах диаметром до 0,8 м.³⁵

К признакам поздней фазы зарубинецких могильников традиционно относят обычай подсыпки остатков погребального костра и трупосожжениям. Однако характер этих остатков различен. При дифференцированном его рассмотрении и сопоставлении с хронологией погребений оказывается, что для поздней фазы типичен только обычай перемешивать остатки костра с костями, а присутствие незначительных остатков в виде выщеленной золы и угольков, небольшие золо-угольные пятна рядом с костями является ритуалом, устойчивым во времени: такие погребения равномерно распределялись по фазам полесских могильников, незначительно возрастая в Отвержичах, а также в Чаплине. Сожжения, перемешанные с остатками костра, составляют там 44% и относятся исключительно к поздней фазе. Одновременно увеличивается процент погребений с вещами, имеющими следы пребывания на костре (в других зарубинецких регионах эти случаи вообще редки).

В Полесье обычай перемешивать кости с остатками костра встречается вдвое реже, преобладая в небольшом могильнике Семуради, где в одном из захоронений находилась фибула варианта 0 и почти в 50% погребений присутствовала битая керамика. Обычай помещать в могилу сожжение вперемешку с остатками костра связывается с влиянием оксидской и пшеворской культур, где в целом он был устойчив во времени.³⁶

Прослеженные по материалам могильников изменения некоторых

элементов зарубинецкой культуры не привели к нарушению ее структуры в целом. На известных нам полесских поселениях тоже не отмечено никаких-либо коренных перемен. Не удавливаются они и на материалах Чаплинского городища. Зарубинецкая культура прекратила свое существование не в результате внутреннего кризиса. Ее распад произошел достаточно внезапно, скорее всего, благодаря толчку извне. Как мы видели, на всех могильниках перестают совершаться захоронения не позднее 40-х гг. Пока нет памятников, достоверно датированных второй половиной I в. н.э. (как правило, дата имеющихся широкая - I-II вв. н.э.). Причина этого явления достаточно ясна только для Среднеднепровского региона. В период поздней фазы там наблюдаются существенные перемены - сооружаются новые городища, а на старых перестраиваются укрепления, что связано с усилившимся натиском сарматских племен. Их нашествие в конце I в. до н.э. - в начале I в. н.э. привело к гибели зарубинецких поселений и уходу сохранившегося населения³⁷. В середине I в. н.э. в Правобережном Среднеднепровье появляются уже сарматские могильники³⁸.

Прекращение существования классической зарубинецкой культуры сопровождается двумя явлениями: возникновением в Среднем Поднепровье надолговременных поименных поселений с культурой, близкой зарубинецкой, и появлением памятников, так или иначе с ней связанных, за пределами ее прежнего ареала. Хронологически оба явления приходятся на середину - конец I в. н.э. и начало II вв. н.э., сопоставляясь с конечной датой зарубинецкой культуры, тем более если принимать во внимание всекомплексные, но неоднократно встречающиеся находки на постзарубинецких памятниках. Однако пока ни на одном из них не прослежен процесс перерастания зарубинецкой культуры в так называемую позднезарубинецкую. Население, оставшееся на прежних местах и, особенно, переместившееся, изменило образ жизни, традиции, материальная и духовная культура этого постзарубинецкого населения трансформировались в новых социально-экономических и исторических условиях; изменяется топография поселений - они переместились в поймы рек; вместо больших могильников - редкие маленькие кладбища с несколькими (10-15) захоронениями; не соблюдаются характерные нормы обряда ни в ориентации ям, ни в сочетании двух форм, ни в расположении инвентаря, ни в наборе погребальных приношений. Теперь сожжения помещены в небольших округлых ямах, чаще с остатками костра, редко - с вещами; вместо ритуального керамического набора - обломки сосудов, иногда целые горшки, реже миски, в которых еще сохраняются зарубинецкие черты.

В начавшемся процессе образования новой культуры (киевской), в переходный период второй половины I - начала II в. н.э. (так называемый горизонт Рахны-Почеп) значительную роль играют влияния северных и западных соседей, выразившиеся в появлении глазчатых фибул, сильнопрофилированных фибул западных типов, различных элементов пшеворской и сарматской культур, штрихованной керамики, киевской и др. культур лесной зоны. Среди них зарубинецкие элементы уже улавливаются с трудом³⁹.

Наиболее значительной в этот период была миграция населения со Среднего Поднепровья на Десну, где образовалась печенская культура (или деснянский позднезарубинецкий регион), отсюда зарубинецкие элементы попадают дальше, на Левобережье.

Проникновение среднеднепровских зарубинцев в юго-западном направлении привело к возникновению в I в. н.э. жнебургской группы памятников (Несовцы, Марьяновка, Рахны), в материалах которой сочетаются зарубинецкие и пшеворские элементы с северопричерноморским импортом⁴⁰.

Ранние памятники новой культуры появляются и в Верхнем Поднепровье (Абидня). Но плавный переход к ним от зарубинецких пока не прослеживается. Хронологический разрыв не заполняют "поздние" чаплинские погребения, на которые ссылается К.В.Максимов⁴¹. Эти погребения 25 и 58 (о которых шла речь выше) и, возможно, 56 с фибулами прогнутой подвязной и лучковой подвязной, ни по составу комплекса, ни по характеру погребальных признаков не отличающиеся от остальных захоронений поздней фазы. Датировка их позднее середины I в. н.э. не оправдана. Неубедительной представляется ссылка на якобы поздние наконечники копий, и их сопоставление с копьем из Сунично, дата которого - вторая половина III в. н.э.⁴², не соответствует самим поздним датировкам чаплинских комплексов. Даже не все эти наконечники происходят из погребений поздней фазы, а кроме того, типологически они значительно ближе наконечникам копий позднелатенского времени оксидской и пшеворской культур, что уже неоднократно отмечалось⁴³.

В Полесском регионе до сих пор неизвестны памятники, непосредственно сменявшие зарубинецкие. В Полесье лишь в последней четверти II в. н.э. (а в микрорайоне основных могильников даже в III в.) появляются носители вельбарской культуры⁴⁴. Не исключено, однако, что полесских зарубинцев потревожили какие-то более ранние их передвижения (не оставившие археологических следов в Полесье) из Нижнего Повисленья на юго-восток. Как свидетельствует вероятность таких миг-

раций расценивается появления совсем далено, на Сейме, в Пересыпках, погребения конца I- первой половины II вв. н.э. одного из выходцев из ареала вельбарской культуры. Находки на Черниговщине шейных гривен-корок, характерных для Поморья и Повисленья, также говорят о проникновении населения того же культурного круга⁴⁵. Кроме того, и это, вероятно, основная причина - разгром сарматами зарубинецких поселений на Среднем Днепре не мог не отразиться на жизни родственных племен в Полесье. Какая-то их часть передвинулась и югу, в Верхнее Поднестровье. Этот путь через Волынь уже был им знаком: еще раньше сюда проникали отдельные зарубинецкие группы (Могиляны, Сапожники и др.). В середине I в. н.э. зарубинцы появляются на пшеворских памятниках Волыни (Гирка Положна II)⁴⁶. В это же время в Верхнем и Среднем Поднестровье они попадают в пшеворскую и липицкую среду. В результате образуется смешанная культура (волыно-подольская группа)⁴⁷.

Зарубинецкое население Полесья проникало и к западу от Западного Буга, на Люблинщину, где в последние годы обнаружены в ареале пшеворской культуры отдельные памятники с зарубинецкими материалами. Открыты четыре погребения (Путновица, Черничин), хозяйственные ямы и керамика на поселениях (Стжелце, Масломенч, Вербоковце-Котуров). Смешанная зарубинецко-пшеворская культура, образовавшаяся в междуречье Буга и Гучвы, названа черничинской группой⁴⁸. По мнению исследователей, сочетание поморских и зарубинецких элементов в керамике этой группы свидетельствует о ее возникновении в период, соответствующий раннему этапу зарубинецкой культуры. Присутствие же черт пшеворской культуры фазы 2а позднего предримского периода связано с продвижением последней в этот регион и с финалом черничинской группы, не исключена вероятность переживания некоторых ее элементов и позднее. Значительная часть известных нам материалов зарубинецкого характера Люблинщины аналогична древностям развитого этапа зарубинецкой культуры и ее последней фазы.

Инфильтрация зарубинецких племен на запад продолжалась, возможно, и позднее, что нашло отражение в появлении двух захоронений, совершенных по зарубинецкому обряду, рядом с пшеворскими на могильнике Гриневичи Вельни (ПНР, Белостокское воеводство). По глазчатым фибулам типа Альмгрен⁵⁸/⁵⁹ и они могут быть датированы скорее всего последней четвертью I в. н.э. в соответствии с разработками Р. Волонгевича хронологии вельбарской культуры, где подобные фибулы типичны для фазы B 2a⁴⁹. Не исключено также, что эти погребения относятся к позднейшей фазе развития черничинской группы.

Таким образом, после распада зарубинецкой культуры и в результате передвижений какой-то части населения, внутри ареала культуры и, особенно, за его пределами образуются смешанные группы, давшие начало новым культурам. Классическая зарубинецкая культура нигде не сохраняется позднее середины I в. н.э.

Тем не менее, в Среднем Поволжье и Приуралье возникает культура (именьковская) по ряду важных признаков, как убедительно показала Г.И.Матвеева, сходная с зарубинецкой. Главным образом речь идет о совпадении основных (но далеко не всех) норм погребального обряда, а также некоторых элементов в керамике и др. категориях вещей. При этом прослеживается близость именно с собственно зарубинецкой культурой, полесским вариантом особенно, а не с постзарубинецкими памятниками, сохранившими лишь ее отдельные черты. Хронологический разрыв между ними минимум 400 лет, даже если сопоставлять с зарубинецкой наиболее ранний лбищенский этап именковской культуры. Наибольшее же сходство прослеживается с памятниками VI-VII - первой половины VIII вв. н.э. В этом хронологическом несоответствии слабее звено гипотезы Г.И.Матвеевой. Переселение носителей зарубинецкой культуры, даже так далеко за пределы исходной территории, само по себе вполне допустимо, с учетом ситуации, сложившейся после ее распада. Непонятным пока остается, как и где могли сохраниться погребальные традиции собственно зарубинецких племен, которые не прослеживаются столь явно ни у прямых наследников, ни у дальних потомков зарубинцев (в мошинской культуре, в памятниках типа Шаньгове-Печенов, в наиболее удаленных от зарубинецкого ядра памятниках Днепровского Левобережья). Механизм процесса генезиса именковской культуры неясен и, вероятно, не будет раскрыт до тех пор, пока не появятся новые памятники, постзарубинецкие и предименьковские, которые, если не заполнят хронологическую лауну, то хотя бы сократят ее.

Примечания

1. Матвеева Г.И. О происхождении именковской культуры // Древняя и средневековая культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С.52-73.

2. Uspowski K. *Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. Część IV. Okres lateński w Europie*. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1977. S.118, 167; Woląiewicz R. *Kultury oksywska i wielbarska* // *Prahistoria ziem polskich, tom V, Półny okres lateński i okres rzymski*. - Warszawa, 1981. S.136; Niewęgłowski H. *Obzadek pogrzebowy ludności kultury przeworskiej na prołomie er (II wiek p.n.e. - II wiek n.e.)*, Wrocław etc., Ossolineum, 1981, S.17-21.

3. Каспарова К.В. Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья (по материалам могильников). Автореф. канд. дис. - Л.: ЛГУ, 1981. С. II, 17, 18; Она же. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1984. Вып. 25. С. 108-117.

4. Каспарова К.В. Хронология зарубинецкой культуры. С. 15.

5. Приняты дробные обозначения фибул: цифра в числителе указывает на № погребения, цифра в знаменателе соответствует номеру фибулы на рисунках (цифры в кружках)''':

6. Ujodowski K. Op. cit. S. 58, 59, tabl. VII, 6.

7. Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. Вып. Д1-29. М., 1961. Табл. 40, 27, 28.

8. Каспарова К.В. Зарубинецкая культура... С. 110. Рис. 2, 17-19; 3, 15-19.

9. Каспарова К.В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // СА. 1976. № 3. С. 136.

10. Wolagiewicz R. Cmentarzysko z okresu późnolateni-
skiego i rzymskiego w Warszowie, pow. Slanno // Mate-
rialy Zachodnio - Pomorskie. Szczecin, 1965. T. XI, S. 215, 241.
Tabl. XXIII, 1, 2; idem Kultura oksyroska... S. 136.

II. Hachmann R. Die Chronologie der jüngeren vorrö-
mischen Eisenzeit. 41. Bericht der Römisch - Germanischen
Kommission, 1960. Berlin, 1961. S. 252-257; Krämer W. Man-
ching II. // Germania, 1962, Jhrg. 40, S. 304-317.

12. Christlein R. Datierungsfragen der spätlatenzeitlichen
Brandgräber Südbayern. Bayerisches Vorgeschichtsblätter,
T. 29. S. 241-249; Uflüstung P. Frühe Germanen südlich
der Donau // Offa, T. 21/22, S. 7-20.

13. Ujodowski K. Op. cit. S. 60, 61.

14. Ufraue J. Die Ufräberfelder von Ornavasso // In.:
Hamburger Beiträge zur Archäologie, Beiheft 1, 1974,
S. 50, 102, 135, 139, 228. Abb. 55, Taf. 29, 2.

15. Rieckhoff S. Münzen und Fibeln aus dem
Vicus des Kastells Hüfenden // Saalburg Jahrbuch,
Bericht des Saalburg Museums, 1975. S. 26-32, 79-81.

16. Polenz H. Mittel- und spätlatenzeitliche Brandgräber aus Dietzenbach, Landkreis Offerbach am Mein // Studien und Forschungen, Neue Folge, 1971, Hf. 4, S. 39-41; Seyer P. Zur Besiedlungsgeschichte im nördlichen Mittel-~~elb~~-Havel-Gebiet um den Beginn unserer Zeitrechnung. // Schriften zur Ur- und Frühgeschichte, Nr. 29. Berlin, 1976, S. 14, 15, 46; Benadik B. Zur Datierung des jüngsten Horizontes der keltischen Flachgräberfelder im mittleren Donau-Gebiet // In: Symposium ... 1977, S. 18; Prähistoria ziem Półkisch, T.V. Okres lateński i rzymski, S. 53.

17. Цигилин В.М. Населення Верхнього Подністрів'я перших століть нашої ери.- Київ: Наукова думка. 1975. С.120-122. Рис.51: Свенников И.К. Могильники липицкой культуры в Львовской области // КСИИМК, Вып. 68, 1957, Рис. 21, 16; 22, 5, 15, 16; 23, 2, 8.

18. Pieta K. Zu Besiedlungsproblemen in der Slowakei an der Wende der Zeitrechnung // In: Symposium ... 1977, S. 287, 288, Abb. 2.

19. Wolagiewicz R. Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju // Archeologia Polski, 1970, T. XV, Z. 1, S. 208 - 247.

20. Liana T. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // WA, T. XXXV, Z. 4, 1970, S. 440, 458, 459; Dąbrowska T. Uwagi o początku okresu rzymskiego na Mazowszu wschodnim // WA, T. XXXVIII, Z. 2, 1973, S. 260; Niewęglowski A. Mazowsze na przełomie er. // Wrocław etc.: Ossolineum, 1972, S. 23-26.

21. Ufodłowski K. Strefy kulturowe w okresie rzymskim w Europie środkowej // Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace archeologiczne. Kraków, 1976, S. 21, 22, 30.

22. Dąbrowska T. Uwagi o początku ... S. 259 - 260.

23. См: Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (Могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника. 1973. С. 60-205.

24. Амброс А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ ДІ-30, 1966. С. 48, 57, 58. Табл. 9, I-5; II, I.

25. Pieckhoff S. op. cit. S. 30.

26. Третьяков П.Н. Чаплинское городище // МИА. 1959. № 70. С.124; Он же. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., Л., 1966. С.223. Рис.62.
27. Шуклин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп (статья в настоящем сборнике); Свешников И.К. Ун.соч. С.65. Рис.22, 10.
28. Кубышев А.И., Мансимов Е.В. Пироговский могильник // МИА. 1969. № 160. С.25-38; Кубышев А.И. Деякі підсумки дослідження Пироговського могильника (розкопки 1966-1967 гг.) // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, С.23-41.
29. Циндровська Л.О. Зарубинецькі Могильники Дівич-Гора // Археологія. 47. Київ, 1984. С.80-88.
30. Пачкова С.П. Могильники у с.Вишеньки и его место среди памятников зарубинецкой культуры: Тезисы докладов советской делегации на У Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С.37. Принесу автору благодарность за предоставление возможности ознакомиться с неопубликованными материалами.
31. Каспарова К.В. Хронология зарубинецкой культуры... С.13, 16, 17.
32. Обломский А.М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф. канд. дис. М., 1983. С.11-12.
33. Мансимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. С.11-19, 67, 69.
34. Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971. С.135, 172.
35. Обломский А.М. Ун.соч. С.13.
36. Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - I тысячелетии н.э. М., 1974. С.82, 144.
37. Мансимов Е.В. Ун.Соч. С.28, 75-78, 100-103.
38. Шуклин М.Б. Сарматские племена Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. 1972. Вып.14. С.43-48; Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981. С.52-69.
39. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985. С.51-59.
40. Мансимов Е.В. Ун.соч. С.10, 11, 28-30, 79, 115.
41. Там же. С.30, 153, 161.
42. Кухаренко Ю.В. Могильники Брест-Тришья. М., 1980. С.74.
43. Поболь Л.Д. Славянские древности. С.101-105, 168, 170, 172,

44. Кухаренко Ю.В. Могильник ... С.60-76.

45. Кухаренко Ю.В. Погребение у с.Пересыпки // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С.33-35.

46. Козан Д.Н. Волынь в первой половине I тыс.н.э.: Тезисы докладов советской делегации на У Международном конгрессе Славянской Археологии. М., 1985. С.28,29.

47. Козан Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністрів'ї і Західному Побужжі. Київ, 1984. С.46-61. *Stopek S. Kultura pomorska a kultura zarubinienska. Z badan nad schyłkowa fasa kultury pomorskiej we wschodniej Lublinszczyźnie // Memoires Archeologiques. Lublin, 1985, s. 93, 107.*

48. Czajewski L., Cyrba J. Najdalej na południowy zachód wysunięte stanowisko kultury zarubinienskiej // WA, XL1, 4, 1976, s.493, 494; Kokowski A. Stosunki kulturowe na Lubelszczyźnie od II w.p.n.e. do schyłku starożytności (w młodszym okresie przedrzymskim: wpływ rzymskich). // Archeologiczne Listy. Zakład Archeologii Polski UMCS. Lublin, n 4. 28 kwietnia, 1983. S.1-6.

49. Wołagiewicz R. Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulturze wielbarskiej // Studia Archaeologica Pomeranica, Koszalin, 1974, s.133, 134.

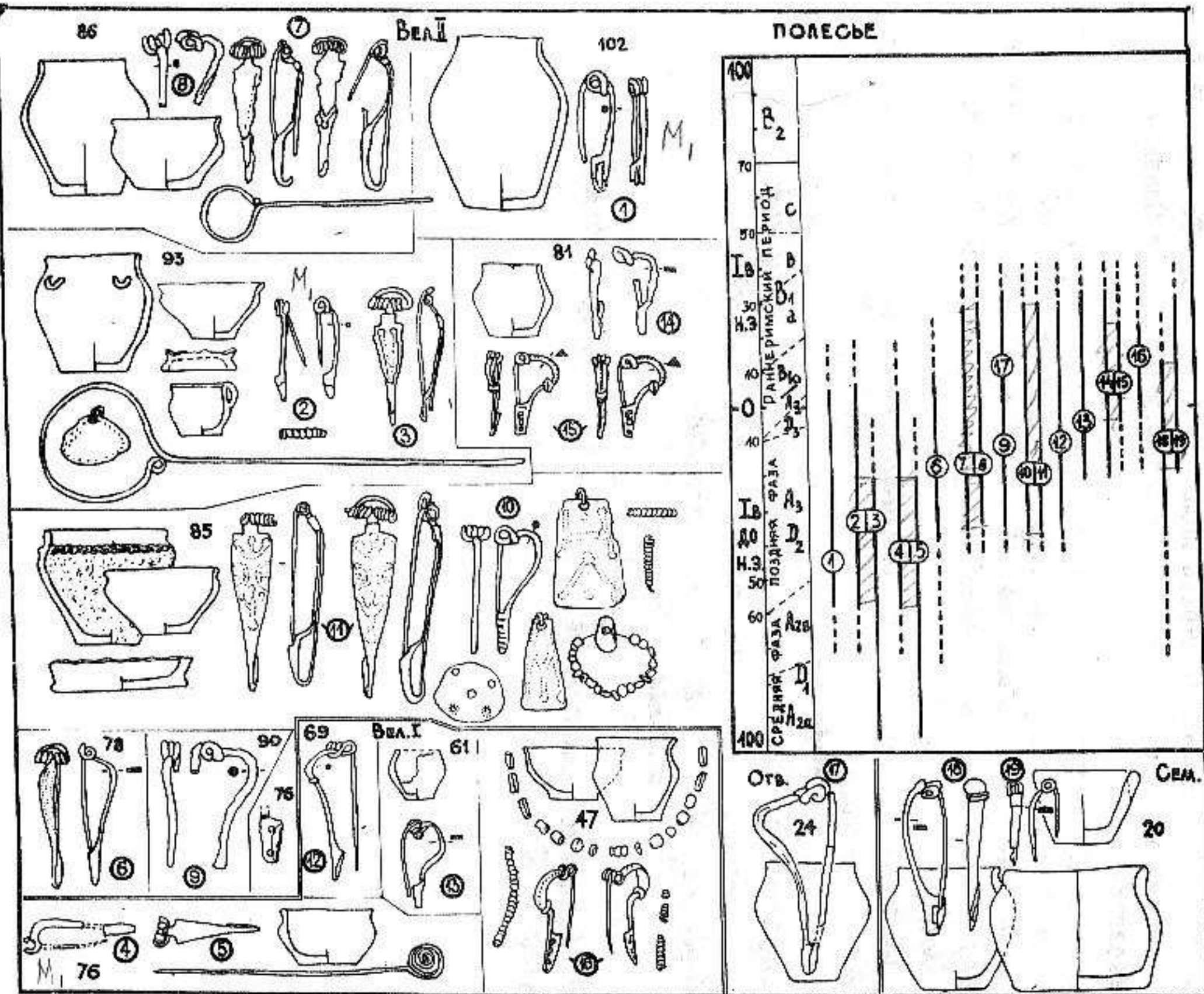

Рис. I. Комплексы погребений из могильников Полесья и хронологические позиции фибул (цифры в кружках - номера фибул, цифры без кружков - номера погребений). Сокращения Вел.П, Вел. I, отв. Сем. соответствуют названиям могильников: Велемичи П, Велемичи I, Отвержичи, Семурядцы

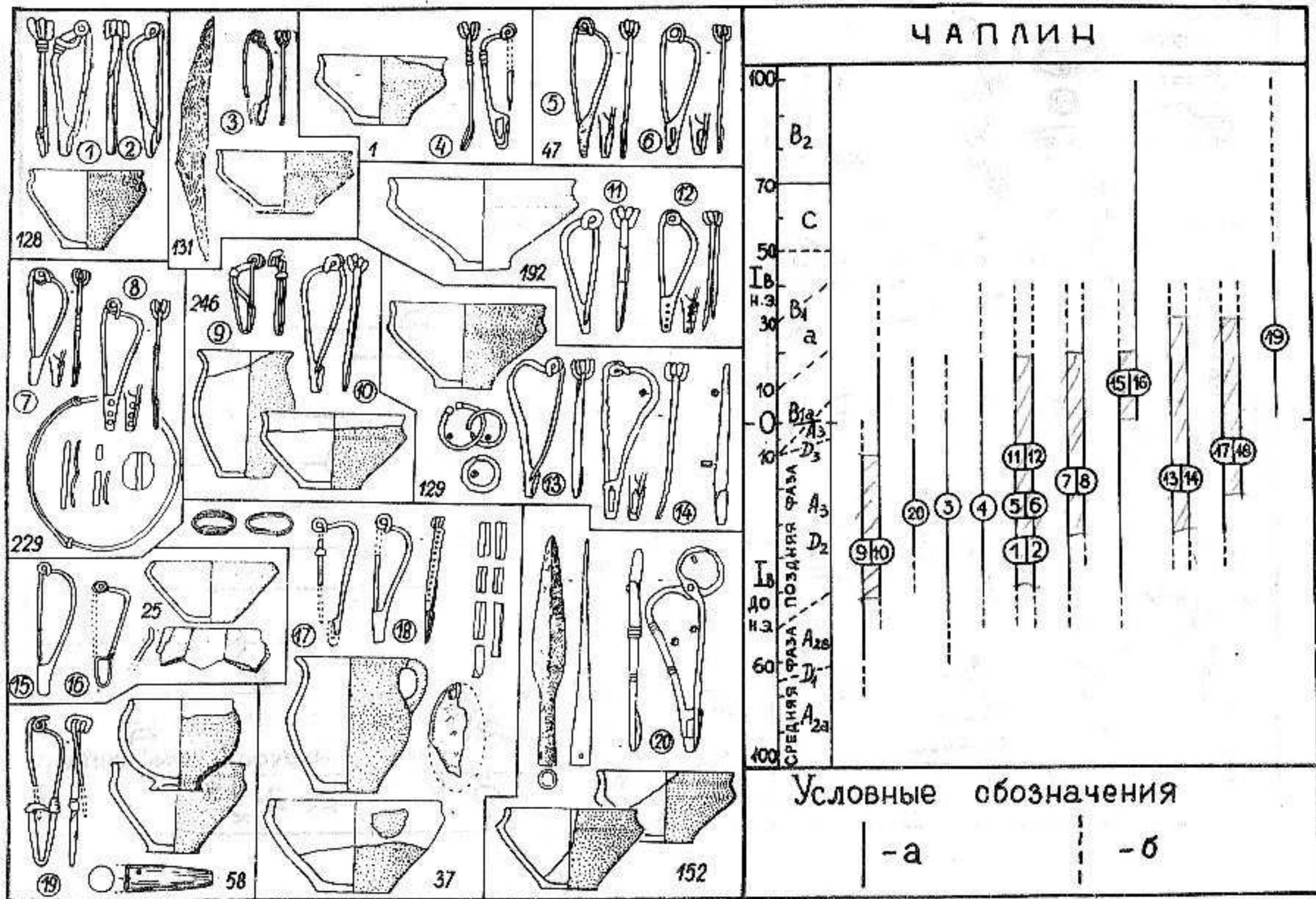

Рис. 2. Комплексы погребений Чаплинского могильника и хронологические позиции фибул:
 а - наиболее вероятный период бытования фибул; б - предполагаемая широкая датировка

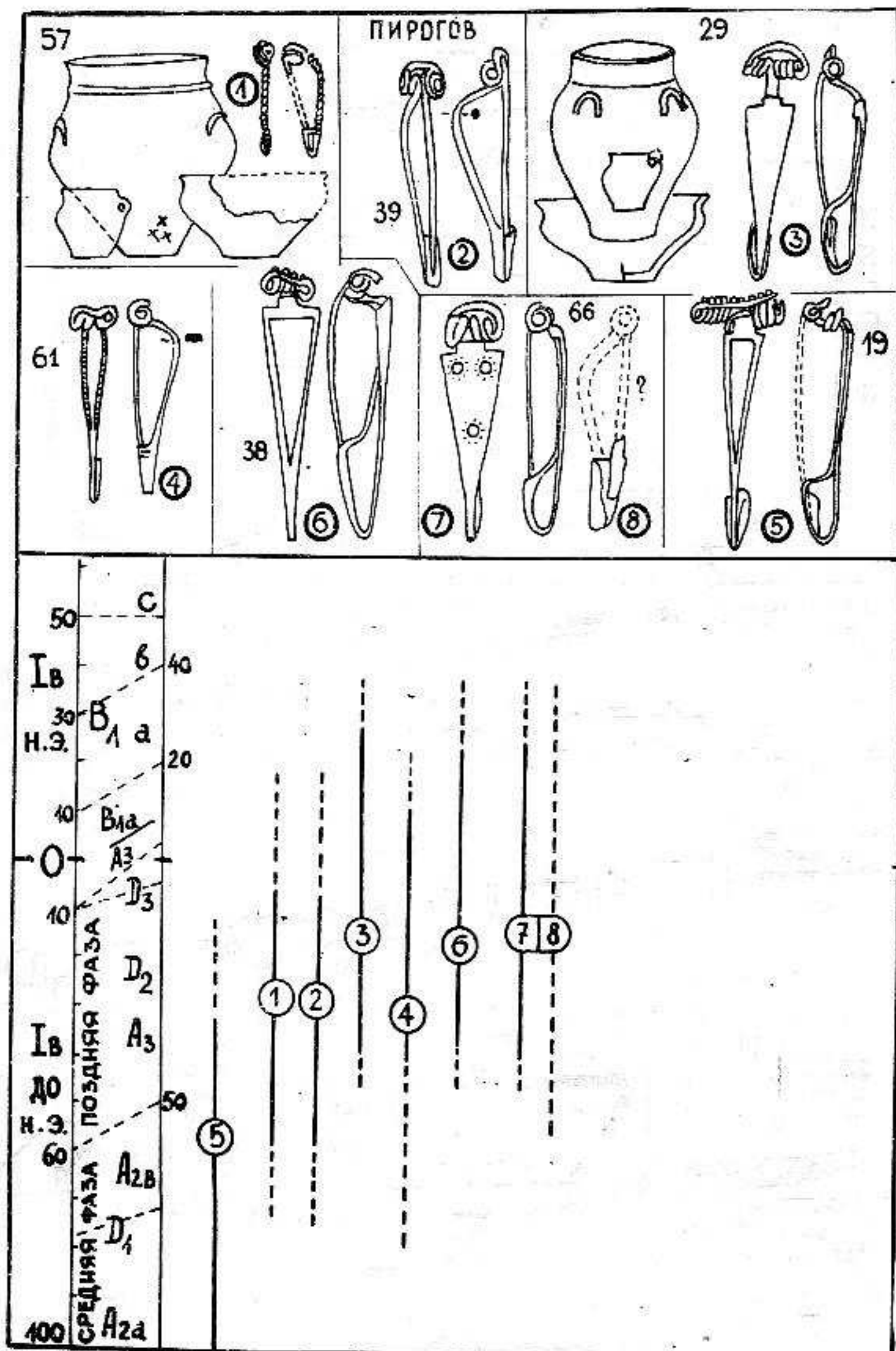

Рис. 3. Комплексы погребений Пыроговского могильника и хронологические позиции фибул:
 а, б - см. рис. 2; в - урна

ДЕВИЧ - ГОРА

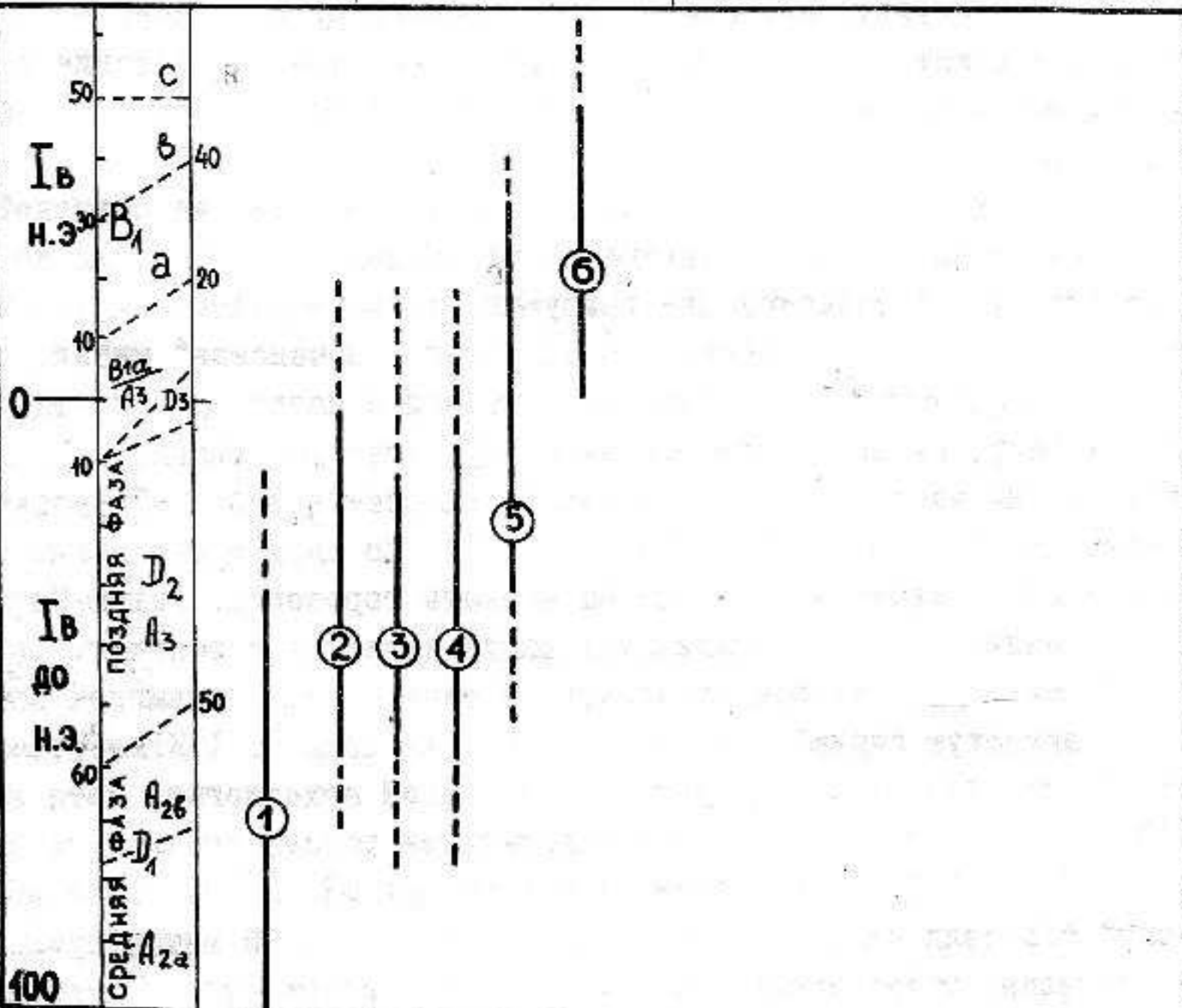
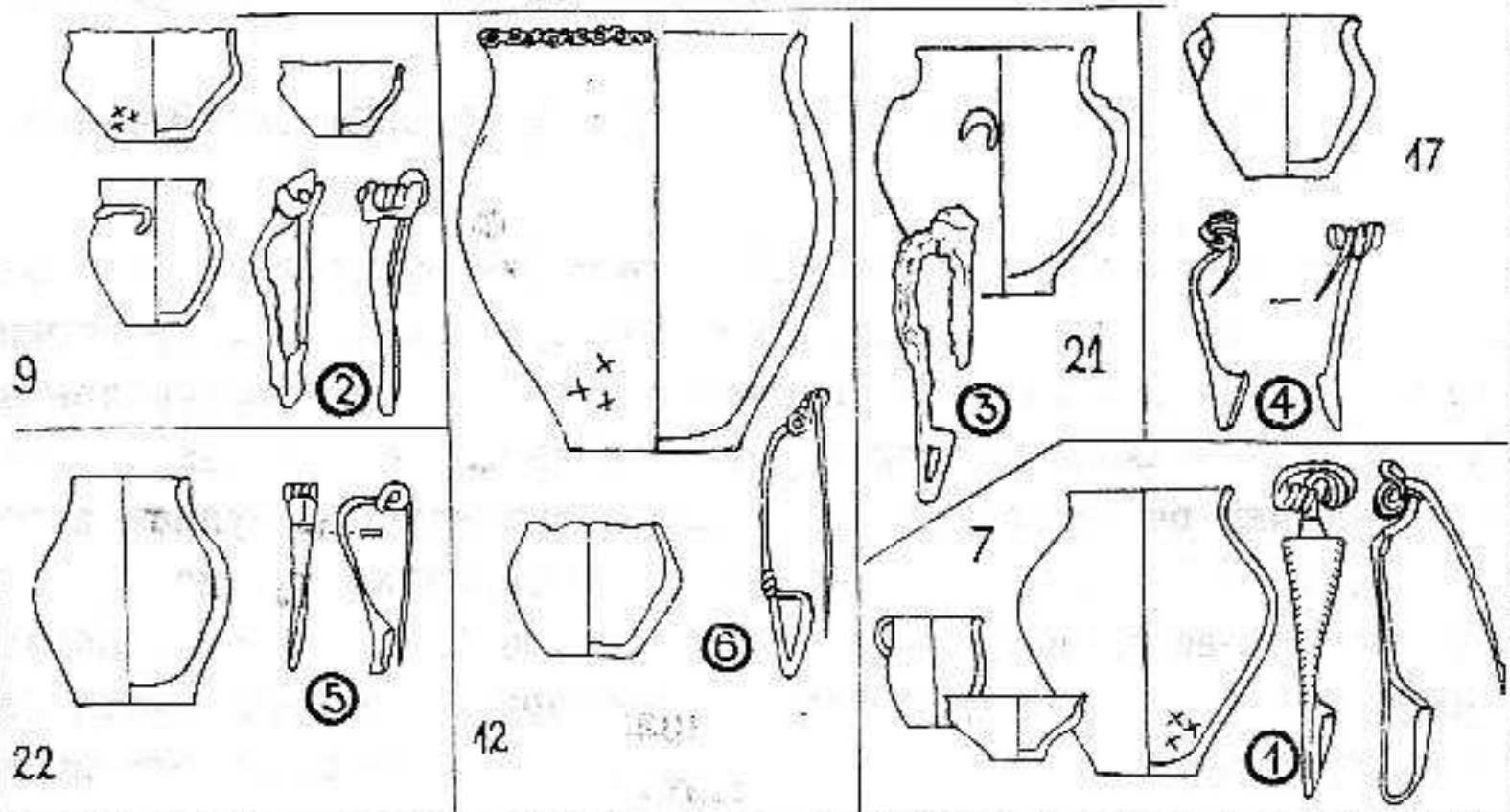

Рис. 4. Комплексы погребений могильника Девич-Гора и хронологические позиции фибул

ГОРИЗОНТ РАХНЫ-ПОЧЕП: ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Понятие горизонта как особого историко-археологического явления уже появлялось в литературе (Унтерзибенбрунн¹, Гроссромштедт², Духцов-Мюнзинген³). И каждый раз это археологическое явление соответствовало периодам политических и социальных потрясений, передвижений различных племен и племенных групп — гуннов и готов на рубеже IV—V вв., германцев-свевов в середине I в. до н.э., кельтов, завоевавших Северную Италию в начале IV в. до н.э. Памятники горизонтов рассеяны на большей территории и располагаются не столь компактно, как в археологических культурах, иногда вливаются в инокультурную среду, число интегрирующих типов не столь велико и охватывают они сравнительно узкие хронологические интервалы. Это — или неустоявшиеся, или несостоявшиеся археологические культуры.

Подобное явление можно наблюдать в I в. н.э. на обширной территории от Подесенья до Верхнего Поднепровья, от Путивля до Карпат (рис.1). В качестве интегрирующих типов в данном случае выступают цилиндрико-воинические чернолощенные "почепские" миски, груболепные выпуклобочные "зарубинецкие" горшки с насечками или зашипами по венчику, сильнопрофилированные "суботовские" миски, иногда с валиком на высоком поддоне, поздние глазчатые фибулы "прусской серии" и некоторые другие типы (рис.3). По двум самым ярким памятникам это явление можно было бы назвать горизонтом Рахны-Почеп.

Поздние варианты глазчатых фибул являются и основным хронологическим индикатором горизонта. В свое время О.Альмгрен датировал "прусскую серию" II в.⁴ Дата эта была принята А.К.Амброзем⁵ и с тех пор широко используется в советской археологии, хотя еще в 1964 г. Р.Ямке в большой и основательной работе уточнил их хронологию⁶. По Р.Ямке, застежки типа Альмгрен 53 (А 53) "основной серии" бытовали от второй четверти до конца I в. В интересующих нас памятниках такие найдены в Синькове⁷ и в погребении 7 могильника Рахны⁸. В "прусской серии" ранние А 57 появляются в середине I в. и исчезают в начале II в., а более поздние А 59, 60 и 62 бытуют в последней четверти I в. и в первой четверти II в., лишь иногда доживая до середины и третьей четверти этого столетия. Выходят за

пределы I в. лишь А 61, существовавшие в начале II в. и до его середины. Со второй половины II в. все глазчатые фибулы становятся большой редкостью⁹. Последние хронологические разработки Р. Веленгевича на материалах вельбарской культуры привели к аналогичным заключениям¹⁰. Подразделив ступень В₂ (70-170 гг.) на три фазы, он убедился, что глазчатые фибулы представлены лишь в ранней - В_{2a}.

Из других вещей, позволяющих сопоставлять древности горизонта Рахны-Почеп с европейской хронологической системой (рис. 2), следует упомянуть длинную пряжку типа U (по К. Раддату) из Почеп¹¹ ступени В₁, длившейся с 6 по 70 гг., и начала ступени В₂¹², а также фибулу А 236 из Марьяновки на Южном Буге¹³, которая относится по классификации И. Гарбова к варианту "с", бытовавшему на протяжении всего I в., но наиболее популярному во времена Тиберия-Клавдия¹⁴, т.е. с 14г. по 54г. С этого же поселения происходит и обломок фибулы А 69¹⁵. Фибулы типологического ряда А 67-69 очень широко распространены в Кворе и являются после раскопок римского лагеря в Кемитене одним из наиболее чутких хронологических индикаторов¹⁶. Лагерь был построен при Тиберии и оставлен при Домициане, т.е. существовал приблизительно с 14 г. по 96 г. Четыре слоя его датируются сплошными рядами монет. Наиболее ранние фибулы А 67 с длинным ажурным приемником сочетаются с монетами от 14 г. по 23 г., более поздние А 68, с круглыми дырочками на приемнике, бытовали в 40-70-х годах, а самые поздние - А 69, со сплошным приемником, носили легионеры Флавиев в 70-90-е годы. Переходная форма А 67/68 с квадратными отверстиями на иглодержателе приходится, вероятно, в основном, на 20-40-е годы.

Знакомством мастеров горизонта Рахны-Почеп с А 68 можно, вероятно, объяснить и появление круглых дырочек на приемниках фибул типа Почеп-Чаплин¹⁷. А тордированная спинка некоторых из них, возможно, является подражанием многовитковой подвязке сарматских лучковых фибул, одна из которых, раннего варианта - "I в. н. э.", возможно, больше его первой половины¹⁸ найдена в Почепе¹⁹.

Соединив подвязную конструкцию лучковых фибул с прогнутой спиной позднелатенских, эти же мастера создали застежки "верхнеднепровской серии", получившие широкое распространение в лесной зоне Восточной Европы²⁰. Одна из них тоже найдена в Почепе²¹. Начальная дата этих фибул определяется сочетанием их в погребении 25 Чаплинского могильника²² с позднелатенской варианта N /0, не позднее середины I в.²³, а верхняя дата - рассуждением А. К. Амброза, что на основе "верхнеднепровской серии" мастера юго-восточного побережья

Балтики выработали во второй половине II в. классические двухчастные застежки с подвижной ножкой²⁴. Сочетаемость же разного рода хронологических индикаторов в комплексах могильника Рахны показывает, что узкая дата его приходится на период от середины I в. до начала II в. (рис. 4).

Сложнее определить хронологию западных днепровских памятников горизонта. Исследованиями Д.Н. Козака здесь установлена следующая картина²⁵. В первом периоде жизни на поселениях в Пидберезцах (жилища I и I6), в Пасенах-Зубрецких (жилища I, 2 и 9), в Чижках, Комарно, Черепине и Поповичах наблюдается преобладание пшеворских форм посуды, сопоставимых с керамикой среднего и позднего этапов могильников позднего предримского времени в Польше, которые охватывают интервал от середины I в. до н.э. до середины I в. н.э. (римское время в Польше начинается с фибулами A 68²⁶). На втором этапе жизни тех же поселений (Пидберезцы, жилища 5, 6, 10, 11, 18; Пасени-Зубрецкие, жилища 10), а также на ряде новых (Пидбирцы, Зубра, Звенигород, Пидрижье, Бератын) значительно возрастает процент керамики горизонта Рахны-Почеп. Сколько долго существовали эти, изначально пшеворские, поселения до подселения в их среду носителей культуры горизонта, сказать трудно, но вряд ли этот промежуток был продолжительным, потому что слои поселений не мощные, вертикальной стратиграфии здесь наблюдать не удается, различия улавливаются лишь в наборе керамических находок из жилищ. В середине I в. в Верхнем Поднестровье функционировали и могильники типа Звенигород-Гринев²⁷ с фибулами A 67/68 и A 68. Могильники дают смесь элементов пшеворских, дакийских, сарматских и горизонта Рахны-Почеп (миска из погребения 17 в Звенигороде). Некоторые исследователи связывают их с бастарями Плиния²⁸. Первоначально звенигородские могильники относили к липицкой культуре, но сопоставление с некрополем в Верхней Липице показывает их асинхронность²⁹. Носители липицкой дакийской культуры, племена востобогов, появляются в Верхнем Поднестровье в самом конце I в., вызывая здесь и смену этнической ситуации. Поселения, заложенные смешанным пшеворско-почепским населением, приобретают липицкий характер³⁰.

Судьба обитателей днепровско-деснянской части горизонта была иной. Здесь уже с самого начала возникновения ощущается определенное воздействие северных соседей, носителей культуры штрихованной керамики. Во всяком случае, на целом ряде поселений - в Почепе³¹, Лутеже³², Змеевке³³ и других - найдены фрагменты характерной штрихованной керамики. На возникших во II в. поселениях типа Гриня-

Вовки она представлена еще обильней³⁴. Появляются и горшки "с рас-
чесами" — специфическим элементом других северных ооладей, носите-
лей днепро-двинской культуры Смоленщины, трансформировавшихся в это
же время, как считают, под воздействием тех же представителей гори-
зонта Рахны-Почеп, в средне-туземлянскую культуру³⁵. Такая керамика
становится затем характерным признаком сформировавшейся к III в. на
базе памятников Грини-Вовки ивевской культуры.

Итак, горизонт Рахны-Почеп как особое археологическое явление
существовал с середины I в. до начала II в. Не вызывает особых се-
мнений, что основную часть этого населения составляли потомки носи-
телей зарубинецкой культуры, но ареалы их не совпадают, интересую-
щие нас памятники распространены гораздо шире и при взгляде на кар-
ту невольно возникает ощущение, что потомки зарубинецкого населения
как бы "разбегаются" в разные стороны (см. рис. I), вливаясь при этом
разнородные элементы — ишеворские, сарматские, южновские и северные
— среднетуземлянские и ятрихованной керамики. На всех крупнейших
могильниках зарубинецкой культуры в середине I в. превращаются за-
хоронения³⁶. Полесье задуствует полностью. В Среднем Поднепровье
часть населения остается, но теперь поселки располагаются не бо-
льшей части в заболачиваемых поймах. В несколько более замедленном
темпе шел, вероятно, процесс разложения зарубинецкой культуры в
Верхнем Поднепровье. На могильнике в Чаплине найдены фибулы, анало-
гичные почепским³⁷, а на городище — фрагмент двуручного данийского
гончарного сосуда³⁸ вроде тех, что обнаружены в Звенигороде³⁹ вме-
сте с фибулами А 68. Но и здесь зарубинецкие древности вскоре ис-
чезают, а далее к северу, за Березиной, появляются памятники типа
Абидни⁴⁰.

Считать ли древности горизонта Рахны-Почеп заключительным
этапом зарубинецкой культуры или особым археологическим явлением —
вопрос спорный и не сугубо принципиальный. Во всяком случае, в се-
редине I в. зарубинецкое население переживает серьезные потрясения,
структура культуры нарушается. И причиной этих потрясений были, ске-
рее всего, набеги сарматов. Среднее Поднепровье было даже завоевано
ими — следы пожаров зафиксированы на городищах Каневщины, и в них
найден сарматские стрелы⁴¹. На зарубинецких землях появляются сар-
матские захоронения середины-второй половины I в.⁴² Именно под сар-
матской угрозой часть зарубинецкого населения вдоль Трубежа уходит
на северо-восток, в Брянские леса⁴³, часть укрывается в труднодо-
ступных для конников поймах, а часть движется на запад, вероятно,
под защиту дружин западной группировки бастарнов, представленной

памятниками типа Эвенигород-Гринев и враждебной вновь прибывающим с востока сарматам⁴⁴.

Проникновение сарматов в Среднее Поднепровье было лишь ответвлением более широкого движения кочевников на запад⁴⁵. Где-то в течение первой половины-середины I в. погибло самое северное из позднескифских городищ Нижнего Поднепровья - Знаменское, а на остальных тогда же спешно возводятся новые укрепления⁴⁶. Сарматские авангарды появились на Дунае еще в I в. до н.э. (Дион Кассий, L X, 30, 3)... Регулярное проникновение язгов в IО-I2 гг. н.э. в Добруджу наблюдал Овидий, а массовое передвижение сарматских племен на запад, произошедшее где-то между I7 г. и 79 г., фиксируется сопоставлением этнокарт Страбона (УП, 3, I7) и Плиния (IУ, 80-83)⁴⁷. Основные события разыгрались, вероятно, около 50 г. Царем Боспора тогда был Митридат, мечтавший возродить державу своего прапрадеда Митридата Квпатора, но его младший брат Кетис выдал эти планы римлянам. В Пантинане в 45г. высадился римский десант. Кетис стал царем, а Митридат бежал к варварам. Кто поддержали обитавшие на Северном Кавказе сираки. Римских войск было мало, всего несколько когерт, и тогда их командир Юлий Аввила обратился к другому сарматскому объединению, к аорсам. С помощью римской осадной техники в 49 г. была взята крепость Уопе, сираки потерпели жестокое поражение, а славившийся аорсам Матридат был отправлен в Рим (Тацит, Анналы XII, I5-I6). Аорсо-сиракский конфликт, возможно, окончательно, дестабилизировал ситуацию в степях, и волна сарматского нашествия понатилась на запад. В том же 49г. или в начале 50-х г. Ольвия, поддерживавшая Митридата⁴⁸, попадает под власть сарматского царя Фарзоя, который начинает чеканить здесь свои монеты⁴⁹. Судя по находкам монет, "держава" Фарзоя простиралась от Прута до Днепра и до района Бердичева на Севере. Массовое переселение кочевников с востока фиксируется и резким возрастанием сарматских памятников второй половины I в. в Молдавии⁵⁰.

Последним звеном в цепи перемещений сарматских племен на запад было переселение язгов, занимавших Северную Молдавию и Буковину, в Венгерскую пущу, где их и завет Плиний (IУ, 80). В 50 г. язги впервые зарегистрированы в Центральной Европе в связи с реальными историческими событиями (Тацит, Анналы XII, 29-30). Их конницу использовал Ванний, царь обитавших на территории Словакии квадов, в борьбе против двигавшихся с севера гермундуров из верхнего Поэльбы и "несметных сяд" лугиев, в которых исследователи видят носителей пшеворской культуры Польши. Свидетельства Тацита и археоло-

гические памятники пшеворской культуры в Верхнем Поднестровье, возможно, фиксируют два ответвления единого потока передвижения этих племен. А вызвано это движение могло быть теми бурными процессами, которые наблюдаются в это же время в Поморье. Здесь, начиная с 20-х годов I в., происходит трансформация оксневской культуры в вельбарскую за счет воздействия с запада, особенно со стороны соседней густовской группы в низовьях Одера, на острове Рюген и прилегающем побережье и за счет проникновения отдельных групп выходцев из Скандинавии⁵¹. Последние образуют внутри вельбарской культуры особую группу Одрн-Венсёры. Они во второй половине I в. занимают пустовавшее Кашубско-Крайенское поозерье и сдвигаются к югу, в район Познани, на пшеворскую территорию (Познань-Шелонг, Лютон), что совпадает со свидетельствами Иордана о переселении гетов из рода Амадов на континент (Гетика, 9-29). Это и могло вызвать движение пшеворцев к югу. Вероятно, не случайно на могильнике в Звенигороде и на пшеворских памятниках междуручья Варты и Вислы, т.е. в регионе, непосредственно примыкающем к зоне действий представителей группы Одрн-Венсёры, наблюдается один и тот же специфический обряд погребения - вбитое в дно могильной ямы оружие⁵².

Появление группы Одрн-Венсёры вызвало и смещение части окснско-вельбарского населения из низовьев Вислы к востоку, в Илавско-Ольштынское поозерье, в пустовавшую пограничную зону с культурой западнобалтских курганов⁵³ (рис. I). В то же время курганы, близкие западнобалтским, появляются в Центральной Литве, в пограничье с культурой интрихованной керамики⁵⁴. В последней тоже происходят аналогичные процессы - горит городище Лабенщина, меняется система застроек и укреплений, строятся новые городища, меняются формы керамики⁵⁵. Отдельные представители этой культуры проникают на юг, в горизонт Рахны-Почеп, а также на восток, на Смоленщину, что фиксируется городищем Церковище, где найдена интрихованная керамика и фибула "прусской серии"⁵⁶. Здесь же под воздействием представителей горизонта Рахны-Почеп и при участии вытесненного ими из Поддесенья окновского населения происходит трансформация днепродвинской культуры в среднетушемлинскую.

Таким образом замыкается круговорот передвижений различных племен и групп населения, круговорот бурных социальных процессов и политических событий, вызванный двумя одновременными толчками - сарматским на юго-востоке и готским на северо-западе. Мы не знаем всей последовательности событий и степени их взаимосвязанности, но все они происходят в рамках середины - второй половины I в., и вза-

имозависимость их не исключается. А если это так, то именно центре-
 стремительные силы этого круговорота могли выбросить какие-то груп-
 пы зарубинецкого населения далеко на восток, что и привело в даль-
 нейшем к появлению памятников типа Лбище и именьковской культуры.
 Не была ли часть населения Полесья депортирована сарматами на дале-
 кое северо-восточное побережье аорской конфедерации? Политика та-
 кого рода издавна практиковалась в восточных деспотиях. Тогда объяс-
 нилось бы сохранение некоторых элементов еще классической заруби-
 нецкой культуры в именьковском погребальном ритуале. Переселенцы не
 успели пережить фазу Рахны-Почеп.

В реальный ход событий мы пока проницать не можем, переселе-
 ние жителей Поднепровья могло произойти и позже, на рубеже II-III вв.,
 когда движение вельбарского населения, достигавшего и Посеймья
 (Пересница)⁵⁷, вызвало в среде жителей этого региона, представлен-
 ных в это время памятниками типа Грини-Вовки, новне потрясения. Сей-
 час основная задача для разрешения проблемы днепровско-волжских
 связей заключается в поиске промежуточных звеньев, хронологических
 и территориальных.

Примечания

1. Geisslinger H. Frühvölkerwanderungzeitliches Zaumzeugzube-
 hör von Dahmker, Kreis Herzogtum Lauenburg // *Offa*, Bd. 17/18,
 1959/1961, S. 175-180.
2. Peschel K. Der Horizont von Grossromstadt im Rahmen der
 Eisenzeit des südlichen Mitteldeutschland // *ZfA*, 2, 1968,
 S. 192-202.
3. Kruta V. Duchzov-Münsingen: nature et affusion d'une phase
 laténiennne - Colloque-International "Les Mouvements celti-
 ques du Ve au I^e siècle avant notre ère. Nice 1976" Paris, 1979.
 P. 81-115.
4. Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten
 nachchristlichen Jahrhundert mit Berücksichtigung der provin-
 zialrömischen und südrussischen Formen // "Mannus-Bibliothek"
 Nr. 32. Leipzig, 1923.
5. Амброз А.В. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып.
 А I-30, 1966. С. 35-36.
6. Jamka R. Fibule typu oczkowanego w Europie środkowej ze
 szczególnym uwzględnieniem ziem polskich // *MS*, t. X, 1964.
 S. 56-75.

7. Амброс А.К. Указ.соч., Рис.7,15.

8. Хавлюк, П.І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. ІВ. 1975. Рис.7,7.

9. Jamka R. Op. cit. Rys. 53,55.

10. Wołagiewicz R. Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulturze wielbarskiej // *Studia Archeologica Pomoranica*, Koszalin, 1974, S. 129-152.

11. Заверняев Ф.М. Почепское селище // МИА. № 160. 1969. Рис.

14,23.

12. Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gurtelteile und Körperschmuck // "Offa-Bücher". Bd. 13. 1957. S. 24-30.

13. Хавлюк П.І. Указ.соч. Рис.7,1.

14. Garbsch J. Die norisch-pannonische Frauentracht im I. und 2. Jahrhundert. München, 1965. S. 29-32.

15. Хавлюк П.І. Указ.соч.Рис.7,2.

16. Kossack G. Frühe römische Fibeln aus dem Alpenvorland und ihre chronologischen Kulturverhältnisse // *Aus Bagerns Frühzeit. Festschrift Fr. Wagner*. München, 1962.

17. Заверняев Ф.М. Указ.соч. Рис.15,3,5; Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск, 1973. Рис.63.2.

18. Амброс А.К. Фібулы... С.48.

19. Заверняев, Ф.М. Указ.соч. Рис.15.1.

20. Амброс А.К. Фібулы... Табл.ІІ,1-3; 23,1, с.57-59.

21. Заверняев Ф.М. Указ.соч.. Рис.15,2.

22. Поболь Л.Д. Указ.соч. Рис.19,3,4.

23. Каспарова К.В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Пелесья // СА. 1976. № 3. С.139.

24. Амброс А.К. Фібулы... С.60-62.

25. Козак Д.Н. Шеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ, 1984.

26. Łiana T. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // *WA. T. 35*, 1970. S. 429-491;
Dąbrowska T. Początek okresu wpływów rzymskich w Polsce wschodniej // *ZNUJ. T. CCCXXII. Prace archeologiczne. Z. 22*, 1976, S. 153-169.

27. Свешников И.К. Могилины липицкой культуры в Львовской области (раскопки у сел Звенигород и Болотное) // *КСИИМК. Вып. 68*, 1957. С.63-74; Козак Д.Н. Eine Bestattung aus dem ersten nachchristlichen Jahrhundert am Oberlauf des Dnjestr // "Germania". Bd. 60. 2. Halbband. 1982. S. 533-545.

28. Щукин М.Б. О бастарнах и венедах Плиния-Тацита и о проблеме их отождествления с археологическими памятниками: Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980. С.28-31.

29. Щукин М.Б. Кельто-дакийские памятники рубежа нашей эры и линицкая культура // Кельты и кельтские языки. М.1974.

30. Цигилин В.М. Населения Верхнего Подністров'я перших століть нашої ери. Київ, 1975. С.154-156.

31. Заверняев Ф.М. Указ.соч. Рис.12,15-17.

32. Бидзеля В.И., Пачкова С.П. Зарубинецкое поселение у с.Лютеж // МИА. № 160. 1969. С.64. Рис.10,6,7.

33. Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-IV вв. Киев, 1984. Рис.24,10-24.

34. Горюнов В.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.,1981. С.108-109. Рис.10; Максимов К.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1984. Табл.ХХУП; Терпиловский Р.В. Указ. соч. Рис.28.

35. Шмидт К.А. Некоторые особенности культуры городищ верхнего течения Днепра во второй половине I-го тысячелетия до н.э. // МИСО. Вып.IV. 1961. С.355; Третьяков П.Н., Шмидт К.А. Древние городища Смоленщины. М.,Л., 1963. С.11-25; Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.,Л., 1966. С.230-234.

36. Каспарова К.В. Указ.соч. С.128-140; Щукин М.Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. Вып.14. 1972. С.43-59.

37. Поболь Л.Д. Указ.соч. Рис.63,2.

38. Третьяков П.Н. Финно-угры ... Рис.62. Возможна иная реконструкция сосуда.

39. Свешников И.К. Указ. соч. Рис.22,10.

40. Поболь Л.Д. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С.205-217; Поболь Л.Д. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья // Древности Белоруссии. Минск, 1969; Поболь Л.Д., Наумов В.Д. О некоторых предметах материальной культуры селища Абыдня // Доклады к XI конференции молодых ученых БССР. Минск, 1967. С.424-441.

41. Максимов К.В. Указ.соч. С.97-103.
42. Шунин М.Б. Сарматские памятники ...
43. Максимов К.В. Указ.соч. С.123-126; Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982. С.57-59.
44. Свидетельства этой враждебности имеются в эпитафии Плавтия Сильвана, легата Мезии. В 62 г. он подавил "волнения сарматов" и возвратил царям бастарнов, роксоланов и даков их сыновей и братьев, захваченных врагами (CIL, XIV, 3608).
45. Шунин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днестра и некоторые события I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе (в печати).
46. Шунин М.Б. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСТЭ. Вып.12. 1970. С.54-68.
47. Шунин М.Б. Сарматы ...
48. Белтунова А.И. К надписи IРВ. П. № 400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 173-176.
49. Каршковський П.Й. З історії греко-скіфських відносин у північно-західному Причорномор'ї // АП УССР. Т.ХІ.1962. С.102-122; Каршковський П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С.66-83; Каршковський П.О. Ольвия и Рим в I в. н.э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С.6-28; Шунин М.Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СТЭ. Вып.47. 1982. С.35-38. Именно с сарматами Фарзоя и союзными им скифами воевал скорее всего Плавтий Сильван в 62 г.
50. Гросу В.И. Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья // АИМ. 1977-1978. Кишинев, 1982. С.4-27; Гросу В.И. Новые сарматские памятники на территории Молдавии // АИМ. 1979-1980. Кишинев, 1983. С.28-53.
51. Woźniakiewicz R. Kultury oksywska i wielbarska // P.Z.P. T.V. 1981. S. 135-190; Woźniakiewicz R. Kultura wielbarska-problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981. S. 79-107.
52. Свешников И.К. Указ.соч. С.65; Рис.24. Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы. М., 1974. С.89-90. Рис.71.

53. Wołagiewicz R. *Kultura wielbarska...*, S. 85-86
54. Michelbertas M. *Vienragiu pilkapyno tyrinejmal 1977 metais*
// *Istorija, XX (1 sąsiuvinis)*. Vilnius, 1980. S. 110-132.
55. Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии (УП-УІ в. до н.э. - УШ в. н.э.). Минск, 1978. С.10-28.
56. Седев В.В. Горедище Церковище // КСИА. Вып.102. 1964. С.70-74.
57. Кухаренко Ю.В. Погребение у с.Пересыпки // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С.33-35.

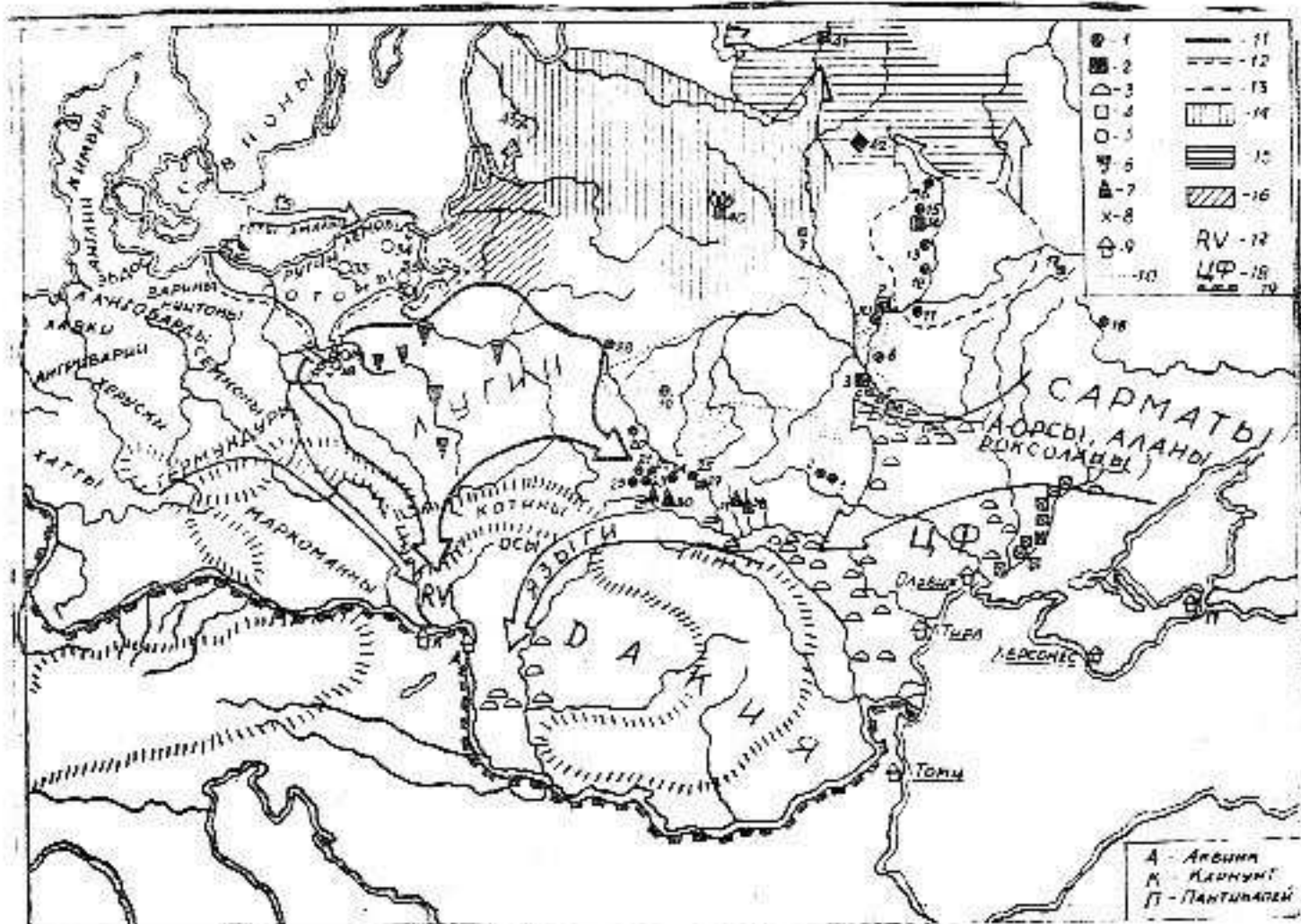

Рис. I. Этнополитическая ситуация в Восточной и Центральной Европе в середине I в.н.э.:

1-памятники горизонта Рахны-Почеп; 2-памятники горизонта Рахны-Почеп с отмеченными находками штрихованной керамики; 3-сарматские погребения; 4-позднескифские городища; 5-вельбаркские памятники группы Одр-Венсёры (готынамады Иордана); 6-пшеворские погребения с вбитым в землю оружием; 7-пшеворско-дакийско-сарматские памятники звенигородской группы (бастарны Плиния); 8-западнобавтские курганы жемайтйского типа; 9-античные центры; 10-границы классической зарубинецкой культуры; 11-границы пшеворской культуры; 12-границы вельбаркской культуры и густовской группы; 13-границы южновской культуры; 14-культура штрихованной керамики; 15-днепро-двинская и среднетушемлинская культуры; 16-культура западных бавтов; 17-царство Ванния; 18-царство Фарзоя.

Лангобарды - расселение племен Германии-Свевии по Тациту.
Пункты: 1-Рахны; 2-Марьяновка, 3-Лютеш, 4-Оболонь, 5-Ходосовка, 6-Девич-Гора, 7-Абидня, 8-Борки, 9-Змеивка, 10-Киселевка, 11-Старая Бутровка, 12-Чулатово, 13-Гремяч, 14-Почеп, 15-Синьково, 16-Хотылево, 17-Картамышево, 18-Новодоновка, 19-Пидрижье, 20-Белз, 21-Пидбирцы, 22-Подберезцы, 23-Пасеки-Зубрецькие, 24-Чивки, 25-Зубра, 26-Ремизовцы, 27-Майдан-Гологирский, 28-Гриневичи Вельки, 29-Звенигород, 30-Гринев, 31-Лучна, 32-Монастыриха, 33-Гжибница, 34-Венсёры, 35-Одры, 36-Лутом, 37-Бабимост, 38-Познань-Шелонг, 39-Слопаново, 40-Лабенщина, 41-Церковище, 42-Тушемля, 43-Венрагий

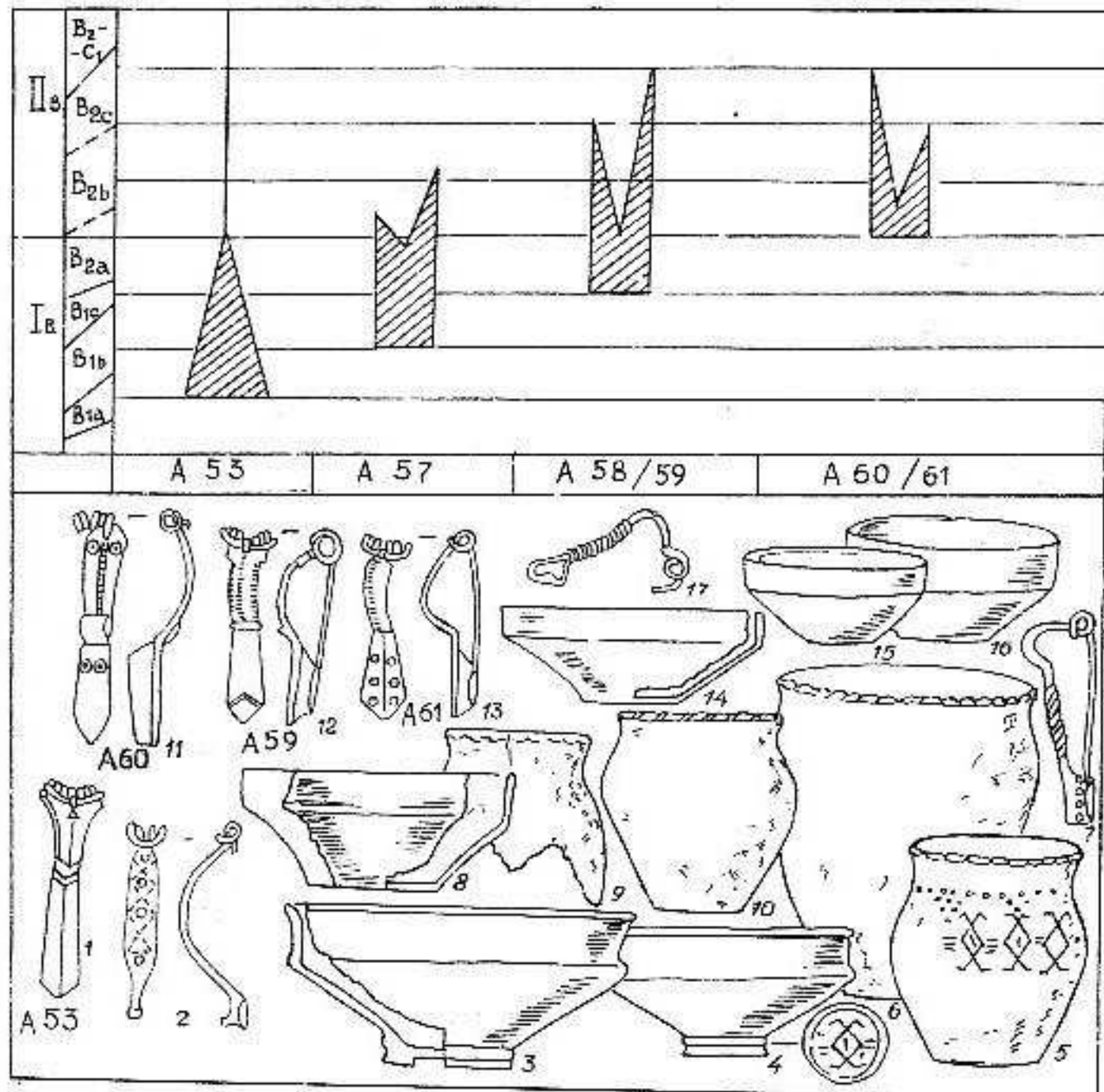

Рис. 2. Интегрирующие типы вещей горизонта Рахны-Почеп и хронология поздних глазчатых фибул по Р.Ямке:
 1, 11, 12, 13 - глазчатые фибулы (Синьково, Рахны, Гриневичи, Вельки); 2 - фибула с кнопкой на ножке (Марьяновка); 3, 4 - "суботонские" миски (Рахны, Почеп); 5 - "зарубинецкий" горшок с ижмовским фестонным орнаментом (Почеп); 6, 9, 10 - "зарубинецкие" горшки (Ремизовцы, Лятеж, Почеп); 8, 14, 15, 16 - "почепские" миски (Ремизовцы, Марьяновка, Почеп); 7 - фибула типа Почеп-Чапели (Почеп); 17 - фибула "верхнеднепровской серии" (Почеп)

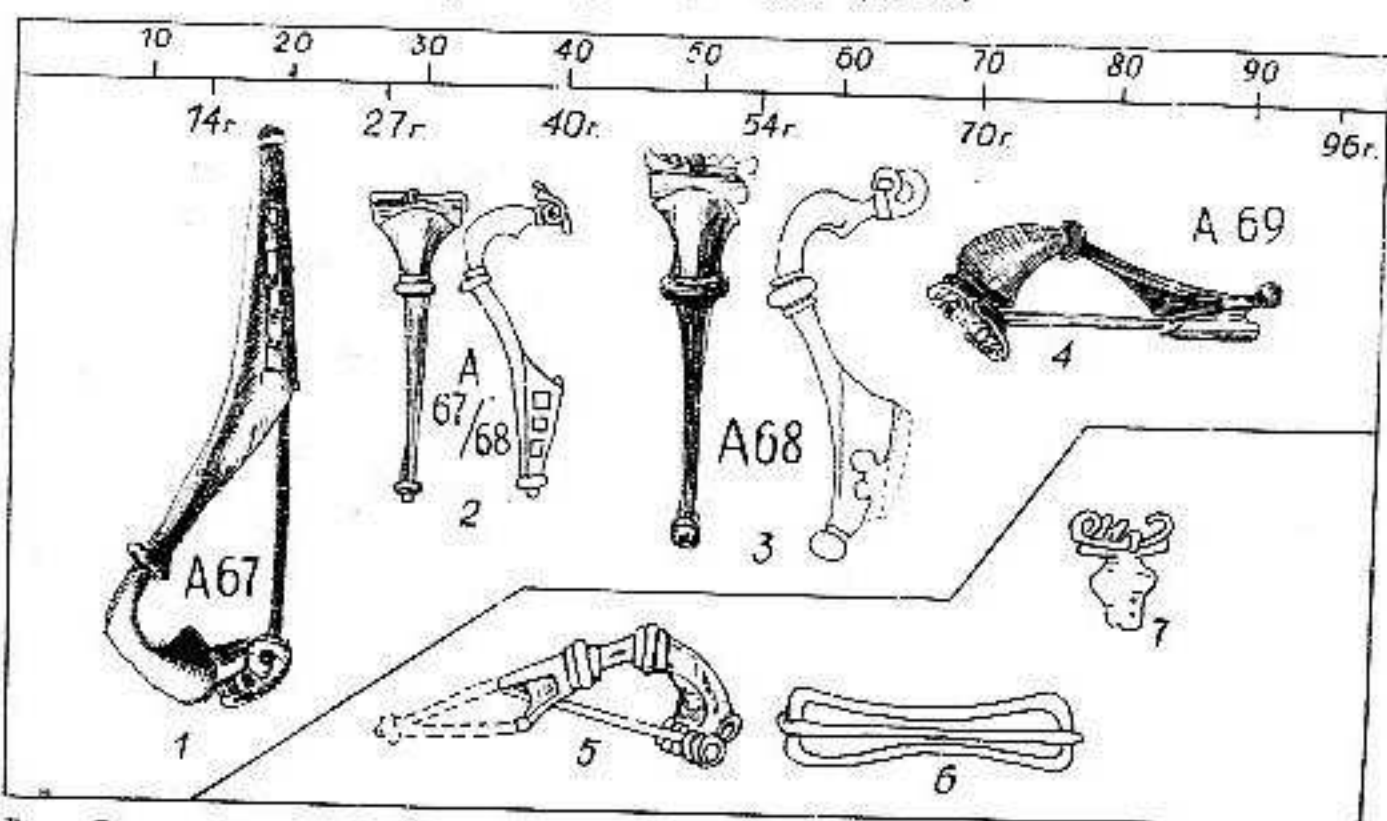

Рис. 3. Некоторые датированные вещи горизонта Рахны-Почеп (5-7) и хронология фибул типологического ряда Альмгрен 67-69 (1-4):
 5 - фибула Альмгрен 236 (Марьяновка); 6 - "маркоманнская" пряжка (Почеп); 7 - обломок фибулы Альмгрен 69 (Марьяновка)

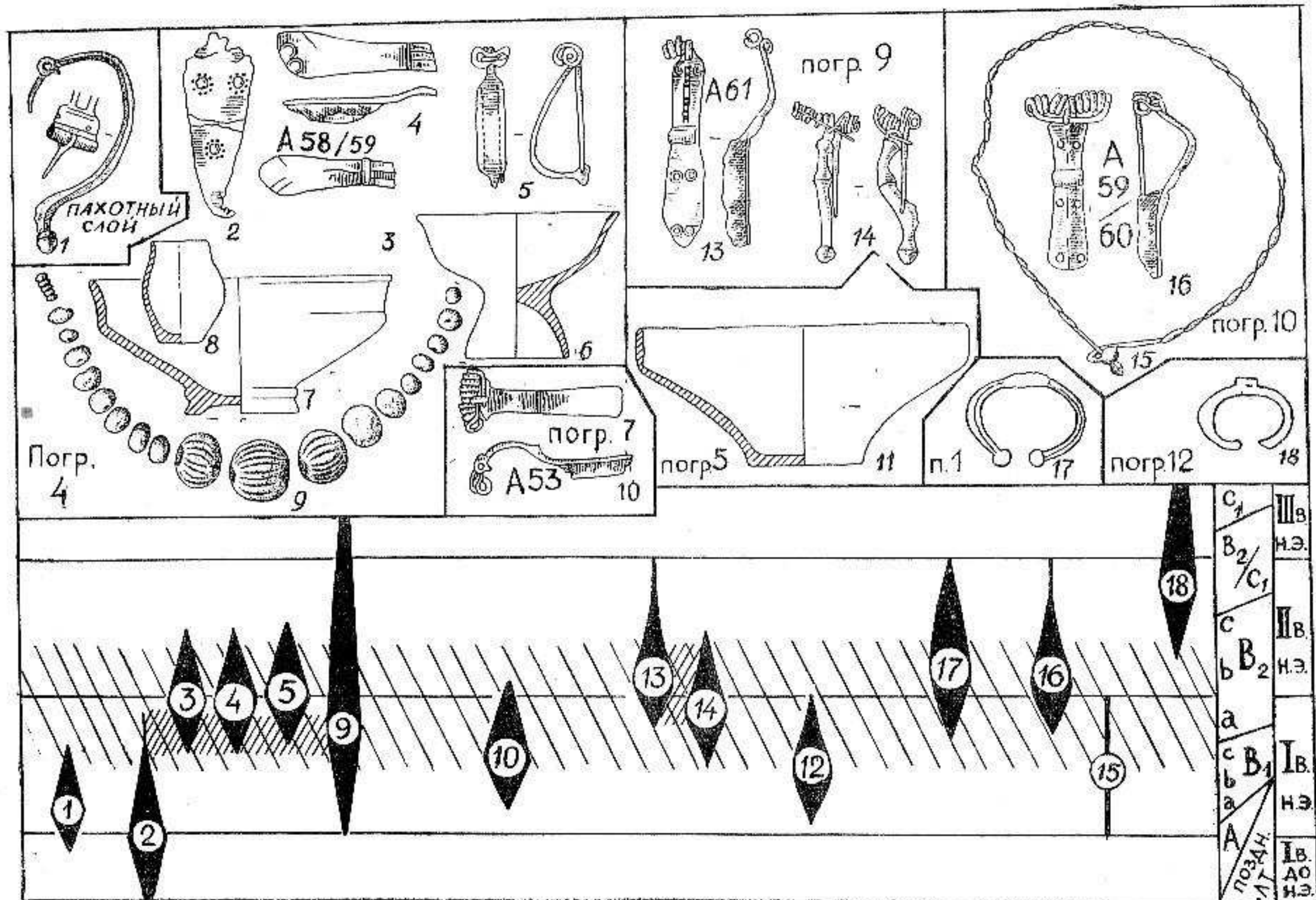

Рис. 4. Хронология могильника Рахны. Номера на хронологической таблице в кружочках соответствуют номерам рисунков вверху

КУЛЬТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ПОЗДНЕЗАРУБИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОДЕСЕНЬЯ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ С ДЕСНИНСКИМ ВАРИАНТОМ КИКВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Первые памятники второй четверти I тыс. н.э. Подесенья, впоследствии получившие название "памятников деснинского варианта киевской культуры", были открыты в 1962-1970 гг. Результаты их исследования опубликованы П.Н.Третьяковым и Б.А.Герюновым в 1974 г.¹ К настоящему времени в изучении киевских памятников Подесенья достигнуты существенные успехи: многие из них раскопаны, определены основные черты, характеризующие данную археологическую общность, разработана абсолютная и относительная хронология, предпринимаются попытки выяснения места этих памятников среди археологических культур лесостепи и юга лесной зоны I тыс.н.э. Тем не менее, в ходе изучения древностей 2-й четверти I тыс. н.э. Подесенья возник ряд вопросов, на которые пока еще нет достаточно аргументированных ответов. Одной из наиболее дискуссионных проблем является их происхождение.

В современной историографии по этому вопросу оформились три основных точки зрения. Первое направление представлено работами П.Н.Третьякова, который считал, что культура 2-ой четверти I тыс. н.э. Подесенья непосредственно вырастает из позднезарубинецких древностей печепского типа, относящихся к I-II вв. н.э.² Противоположную концепцию предложила И.П.Русанова. По ее мнению, позднезарубинецкие печепские материалы являются типологически иным образованием, чем памятники второй четверти I тыс. н.э. На последних обнаруживаются лишь отдельные позднезарубинецкие черты, исчезающие к середине I тыс. Памятники второй четверти формируются на основе традиций "балтских" культур раннего железного века (днепровской, рихновской, штрихованной керамики) под влиянием позднезарубинецких древностей³. Отрицает преемственность между печепскими и киевскими древностями Подесенья и Г.Н.Пронин. Он считает появление последних следствием "новой волны балтской колонизации, скорее всего из областей Верхнего Поднепровья"⁴. Предположение о смене населения Подесенья между финалом печепской культуры и серединой I тыс. н.э. высказывал и А.К.Амброз⁵. Третья точка зрения заложена в работах Б.В.Максимова и Р.В.Терпиловского. В своей последней моногра-

Фня К.В.Максимов указывает, что киевская культура формировалась (во всех регионах ее распространения) на позднезарубинецком субстрате, однако она не является прямым продолжением зарубинецкой культуры, а представляет собой особое образование, процесс формирования которого был достаточно сложным⁶. По мнению Р.В.Терпиловского, киевская культура Подесенья возникает в целом на позднезарубинецкой почепской основе, при участии племен Верхнего и Среднего Поднепровья⁷.

Обзор различных мнений по проблеме происхождения киевской культуры Подесенья свидетельствует, что этот вопрос разрешим лишь путем сопоставления (типологического и хронологического) позднезарубинецких и киевских древностей исследуемого региона.

В чем же причины существования столь противоположных взглядов на одну и ту же проблему? На наш взгляд, их несколько. Во-первых, почти все исследователи (кроме К.В.Максимова и Р.В.Терпиловского), анализировавшие соотношение позднезарубинецких и киевских памятников⁸, пользовались материалами лишь Верхнего и части Среднего Подесенья. Нижнее Подесенье было обследовано сравнительно недавно экспедицией К.В.Максимова и Р.В.Терпиловского (1974-1976 гг.) в параллельно проводившимися разведками Черниговского Исторического музея. Работы в низовьях Снова в 70-е гг. производил В.А.Горюнов, а Среднее Подесенье полностью было обследовано лишь в 1980-1983 гг. разведочным отрядом Новгород-Северской экспедиции АН СССР под руководством А.В.Григорьева и автора статьи. В результате работ перечисленных экспедиций данные, полученные в 50-60-х гг. по Верхнему Подесенью, оказались существенно дополнены: были уточнены карты почепских и киевских памятников, появилась возможность выделить новую культурно-хронологическую группу поселений римского времени (типа Гриней), а также при анализе соотношения позднезарубинецких и киевских материалов оперировать данными не отдельных изученных районов, а, практически, всего Подесенья. Во-вторых, надежность сопоставления киевских и позднезарубинецких памятников Подесенья вплоть до последнего времени снижалась из-за отсутствия периодизации киевских поселений, которая лишь совсем недавно была предложена Р.В.Терпиловским⁹ и В.А.Горюновым¹⁰ и дала возможность сравнивать с позднезарубинецкими не все киевские материалы, взятые в общем (что снижало качество выводов), а лишь наиболее ранние. В-третьих, в настоящее время практически отсутствует полная, осознанная на однозначно трактуемых признаках, типология почепской и киевской керамики. Классификация Амброза учитывает лишь немногие признаки сосудов: форму шейки,

венчика, иногда плечика горшка или миски, орнаментацию, некоторые технологические особенности¹¹. Г.Н.Пронин добавляет к этому явно недостаточному для сопоставления керамических комплексов различных культур списку признаков лишь некоторые пропорциональные характеристики (высота расположения наибольшего расширения тулова сосуда и соотношение диаметров венчика и наибольшего расширения)¹². Ф.М.Зверяев, описывая посуду Почепского селища, выделяет две ее группы по способу обработки поверхности (нелощеная и лощеная), даже не пытаясь дать более подробную классификацию¹³.

Классификация сосудов Подесенья I тыс. н.э., предложенная К.А. Горюновым и уточненная для киевской культуры Р.В.Терпиловским¹⁴, достаточно детальна. В статье она используется в варианте Р.В.Терпиловского, конкретизируются лишь некоторые особенности форм сосудов отдельных типологических разрядов.

Учитывая сказанное, попытаемся сопоставить почепские материалы Подесенья с ранними киевскими.

В табл. I приводится типология форм почепских сосудов. Классификация составлена по материалам поселений Синьково, Синьково-Дмитрово, Парни-II, Колодезный бугор, Фаськовка, Чулатов, Киселевка-III, Почеп, Партизанское, Железное. Из коллекции Синьковского селища в системе классификации не используется керамика из жилищ 3 и 4, близкая к киевской, по определению А.К.Амброза (автора раскопок)¹⁵, а также из нескольких хозяйственных ям с подобным материалом. Из керамики многослойного поселения Колодезный бугор в классификацию включены лишь лощеные миски¹⁶. Все они имеют прямые аналогии на почепских поселениях, в то же время на селище Колодезный бугор они ни разу не встречены в одних стратиграфических условиях с керамикой, аналогичной раннекиевской. К закрытым комплексам киевской культуры можно отнести сосуды, происходящие с полов жилищ I и 2. Фрагменты лощеных мисок найдены в заполнении жилищ, а также на дне ямы В, в которой отсутствуют киевские материалы. На городище Полужье основная масса находок относится к IV-III вв. до н.э.¹⁸ Керамика верхнего слоя городища (за исключением нескольких обломков лощеных мисок) близка к происходящей из построек 3 и 4 Синьково¹⁹ и поэтому при составлении типологии почепских сосудов не используется.

К сожалению, материала по памятникам I-III вв. Подесенья и окрестных территорий пока накоплено недостаточно для формализованной обработки. В этой связи классификация керамики может быть лишь описательной, а сравнение керамических комплексов проводится по ка-

чественным признакам, без учета количественного распределения сосудов. При типологии форм сосудов выделяются четыре уровня классификации. Основным признаком класса является форма наибольшего расширения тулова, типа — общая структура профиля сосуда, варианта — форма его венчика; разновидности определяются по некоторым пропорциональным характеристикам (соотношение диаметра венчика и диаметра наибольшего расширения тулова, иногда по месту положения наибольшего расширения тулова на том, или другом участке высоты сосуда). Варианты и разновидности выделяются не всегда, а лишь в том случае, когда внутри одного типа сосуда имеют различную форму венчика или различные (перечисленные выше) пропорциональные признаки. В противном случае все эти признаки (и формы венчика и пропорциональные) включаются в тип.

При анализе пропорций сосудов используются соотношения $D_1:D_2$, $D_2:H_2$, $D_3:H_2$, $D_3:H_1$ и $D_4:H_1$. Расположение основных измерений сосуда на его профиле показано на рис. 2, б. Сравнение пропорций сосудов разных культурных групп проводится отдельно по каждому соотношению²⁰.

При описании донора сосудов используются признаки орнаментации и способа обработки поверхности (лощенная, нелощеная, штрихованная). Для удобства описания формы различные участки профиля сосуда обозначены буквами (рис. 2, а). В таком виде они фигурируют во всех типологических таблицах.

Итак, по форме горшки почепской культуры делятся на четыре типа, а миски — на пять (табл. I, рис. 3, 4). Большинство горшков — нелощенные с гладкой поверхностью. Имеется лишь один специфический тип лощенных горшков — I/2 (рис. 3, 5). Нелощенные горшки очень часто орнаментируются пальцевыми зажимами или насечками по краю венчика. Значительно реже (по мнению А. К. Амбруса, только в ранних комплексах²¹) встречается орнамент поясами (иногда в сочетании с треугольными фестонами) вдавленый по тулову сосуда (в районе шейки или плечика). Крайне редки нелощенные горшки, орнаментированные расчесами, нанесенными гребнем или крупнозубчатой щеткой (Смильково, жилище 23, Парня II, культурный слой, Почеп²²). Иногда, как на лощенной, так и нелощеной посуде, встречаются выгравированные изображения особых знаков — "ромбов с крючками" (рис. 4, II)²³. Почти все миски (за редким исключением) имеют лощеную поверхность. Кроме горшков и мисок, в керамический комплекс почепской культуры входят также миниатюрные сосуды (рис. 4, II).

Ранний керамический набор киевской культуры Подесенья выделяется в памятниках начальной фазы киевской культуры по периодиза-

циям К.А.Горюнова и Р.В.Терпиловского. В целом обе схемы относительной хронологии близки между собой. Различия касаются деталей. К.А.Горюнов в выделенную им "первую хронологическую группу" памятников I тыс. н.э. Подесенья объединил поселения Лавриков Лес, Киреевка, Феростовичи. Предположительно сюда же включены и материалы из Вишенов. Р.В.Терпиловский перечисленные памятники относит к ранней фазе киевской культуры²⁴. Поселение Колодезный Бугор он считает "предкиевским", однако в типологическом ряду древностей I-II вв. помещает его непосредственно перед памятниками с раннекиевскими материалами²⁵. Думается, что это не совсем верно. Основная масса груболепных сосудов Колодезного Бугра относится к виду III варианта I, виду I варианта 2, видам II и IV по классификации Р.В.Терпиловского. Подобный набор посуды характерен для всех ранних поселений Киевской культуры²⁶. Видимо, единственным критерием отнесения керамического комплекса Колодезного Бугра к "предкиевской" эпохе явилось наличие на этом поселении фрагментов лощёных мисок. Но, как отмечалось, они не имеют непосредственной связи с киевскими материалами. Представляется, что наборы груболепных сосудов из жилищ I и 2 нужно отнести не к "предкиевскому", а к раннекиевскому периоду.

Абсолютные даты "первой хронологической группы" К.А.Горюнов определяет широко: в рамках III - начала V в. Р.В.Терпиловский, анализируя хронологию черняховского импорта из комплексов киевской культуры поздней фазы, приходит к выводу, что поздние киевские памятники датируются IV - первой половиной V в. Дату ранней фазы он, соответственно, определяет в рамках III - первой половины IV вв.²⁷

Итак, для сравнения с почечскими материалами привлечена керамика ранней фазы киевской культуры Подесенья (табл.2) по Р.В.Терпиловскому (Лавриков Лес, Киреевка, Феростовичи), а также закрытых комплексов Колодезного Бугра (под жилища I, под и хозяйственная яма в полу жилища 2, заполнение ямы Б).

По формам в раннекиевском керамическом наборе выделяется 7 основных типов горшков (рис.5, I-9). Подавляющее большинство сосудов - нелощёные. Известно всего 3 лощёных горшка (Колодезный Бугор, яма Б - рис.5, 9²⁸, Лавриков Лес, под жилища 4 и заполнение ямы восточнее жилища 4²⁹ - рис.5, 8). Фактически, только ими представлены типы 2 и 3 вида IV. Нелощёные сосуды, как правило, неорнаментированы. Крайне редко встречается орнаментация их венчиков насечками³⁰, на некоторых фрагментах обнаружены расчесы, нанесенные гребнем или крупнозубчатой щеткой³¹.

На поселениях Феростовичи и Лавриков Лес найдены также немно-

гочисленные фрагменты лощенных мисок типов III/1 и III/2 варианта в (возможно, а) ³² по почепской классификации. Связь их с киевскими материалами проблематична. В Форостовичах киевская керамика и обломки лощенных мисок происходят, преимущественно, из жилищ, но не с их полов, а из заполнения, т.е. синхронность мисок и нелощенных горшков под вопросом ³³. Обстоятельства нахождения фрагментов мисок на поселении Лавриков Лес ни по публикации, ни по отчетам не ясны, однако традиции использования лощеной посуды в раннекиевский период еще не исчезают. Об этом свидетельствует находка лощеного горшка типа III/2 на полу полуземлянки № 4 киевской культуры на этом селении ³⁴.

Кроме горшков и, возможно, мисок, на ранних поселениях киевской культуры известны диски-снороводки (со слабо намеченным бортиком и без него — рис. 5.10), а также миниатюрные сосуды.

Сопоставим между собой почепскую и киевскую керамику. Среди форм нелощенных горшков некоторый параллелизм наблюдается в сосудах типа I/I варианта в разновидности а почепских памятников и вида II киевских. Сходство есть и между почепскими горшками типа II/I и киевскими вида IУ типа I, правда, первые крайне редки на почепских памятниках, а на некоторых (Киселёвня-III, Парня-II, Железное) нет не только ребристых горшков, но и нелощенных черепков с ребристым изломом профиля. Прочие формы — различны. Изредка раннекиевские сосуды украшаются, как и почепские, насечками по венчику, правда, в отличие от последних, основная масса горшков на киевских памятниках неукрашена. Аналогии немногочисленным лощеным мискам с киевских поселений известны на памятниках почепского типа, однако связь этих мисок с комплексом раннекиевской нелощеной посуды, как уже отмечалось, сомнительна. В целом, лощеная посуда на почепских поселениях гораздо более разнообразна и встречается значительно чаще, чем на киевских.

На рис. 6 показаны графики некоторых пропорциональных соотношений раннекиевских и почепских горшков. Из-за небольшого количества почепских целых форм приходится сопоставлять лишь пропорции верхних частей сосудов. Однако и они достаточно показательны: на графиках видно, что пропорции киевских и почепских горшков совпадают лишь частично. Почепские сосуды гораздо разнообразнее по пропорциям, чем ранние киевские. Как отметил Г.Н.Пронин ³⁵, в почепском керамическом комплексе совершенно отсутствует такая характерная для киевских поселений категория посуды, как диски-снороводки.

Однако это сопоставление делается по почепской керамике в це-

лом, без учета развития культуры. Поскольку печенская группа памятников существует минимум 200 лет (общепризнанные рамки хронологии - I-II вв. н.э.³⁶), не исключено, что комплекс керамики претерпел изменения. Некоторое представление о наборе поздних печенских сосудов может дать материал жилища 20 поселения Синьково. Раскопанный участок постройки 20 представляет собой западную часть "длинного дома"³⁷. В зольном слое участка сгоревшей стены жилища обнаружен обломок фибулы печенского типа³⁸, т.е. по условиям залегания фибула явно относится ко времени сооружения или функционирования постройки как жилого комплекса. Дужка фибулы винтообразно закручена³⁹, что является типологическим признаком развитых печенских фибул, датируемых второй половиной I-II вв. н.э.⁴⁰. Этим временем следует датировать и само жилище. После превращения жилища в постройку 20 в западной части ее котлована (постройка углублена в материю на 35-60 см⁴¹) отложилось несколько слоев свалки мусора. Из верхнего линзовидного темного слоя свалки⁴² (наиболее позднего по стратиграфии занесенная жилища) происходит множество фрагментов керамики, из которых даже наибольшего расширения тулова реконструируются 4 горшка и I ложечная миска⁴³. Учитывая дату жилища, а также то, что линза темного слоя свалки образовалась уже после того, как оно было заброшено, можно предположить, что керамический комплекс свалки датируется II в. н.э.

Из темного слоя свалки происходят два сосуда типа I/I варианта а разновидности а, по одному горшку разновидности б того же варианта и варианта б типа I/I. Миска относится к типу III/2 варианта а. В комплексе представлены сосуды наиболее употребительных на печенских памятниках форм. Следовательно, выводы о сходстве и различии горшков и мисок, сделанные по материалам керамического набора в целом, без учета его изменения во времени, справедливы и для позднего периода существования памятников печенского типа.

Горшки жилища 20, орнаментированные защитами и насечками по венчику, представляют основные виды печенской орнаментации недощенных сосудов. Их пропорции, как показано на рис. 6, "разбросаны" почти по всей печенской "пропорциональной шкале". Следовательно, параметры основных пропорциональных соотношений горшков, выведенные для печенской керамики в целом, справедливы и для ее позднего этапа.

Таким образом, сходство раннего киевского и позднего печенского керамического комплекса - минимальное. Прототипов большинства форм киевских сосудов Подесенья III - нач. IV в. н.э. нет среди печенского керамического набора. Различия в формах сосудов, в их де-

норе, в пропорциях настолько велики, что для предположения об эволюции почепского керамического комплекса в деснинский раннекиевский нет достаточных оснований. Это различные явления, мало связанные друг с другом.

На почепских поселениях Подесенья прослежены два основных типа жилища. Первый тип представлен "длинными домами" со стенами столбовой конструкции (защелки бревен между опорными столбами). Размеры жилища I типа примерно 20 x 6 м, оно частично углублено в землю, причем часть помещения у одной из его торцевых стен опущена в материк несколько глубже. В центре дома располагался обширный овальный открытый очаг⁴⁴. Этот тип жилища не получает дальнейшего развития в Подесенье. С исчезновением почепской культуры традиция сооружения "длинных домов" в этом регионе прекращается⁴⁵.

Ко второму типу относятся полуземлянки, углубленные в грунт до 0,8 - 1 м, размерами около 4 x 4 м, с открытыми очагами в центральной части котлована (иногда следы очагов не прослеживаются) и со столбовыми ямами, расположенными вдоль стен постройки. В центре постройки также обычно находится опорный столб. В некоторых случаях его следы отсутствуют⁴⁶. Аналогичные полуземлянки являются основным типом жилых построек на раннекиевских поселениях. Сходство их с почепскими по планировке, конструктивным особенностям и типу отопительного сооружения подробно проанализировано П.Н.Третьяковым⁴⁷.

Бытовой инвентарь и предметы вооружения как почепских, так и киевских памятников лишены локальной специфики. Такие вещи, как ножи с горбатой спинкой, серпы типа I варианта Б по Р.С.Миносяну⁴⁸, железные иглы с ушком, пробойники, зубильца, рыболовные крючки, трехлопастные черешковые и двушипные ступчатые стрелы имеют слишком широкий территориальный и хронологический диапазон распространения и являются скорее этапными, чем культурными показателями. Тем не менее, некоторое отличие между почепским и раннекиевским комплексом бытовых изделий имеется. Г.Н.Провиным отмечено, что на памятниках киевской культуры совершенно отсутствуют глиняные цилиндрические и конические грузила для сетей, постоянно встречающиеся на почепских поселениях⁴⁹. К сожалению, нет возможности сравнивать почепский и киевский погребальные обряды: могильники почепской культуры в Подесенье пока не известны.

Таким образом, сопоставление почепских и раннекиевских материалов показывает, что при некотором сходстве форм, пропорций и декора горшков керамический комплекс двух культурных групп по общему

набору форм и категорий сосудов различен. Имеются различия и в бытовом инвентаре. В то же время основной тип жилищ киевской культуры аналогичен печепским явдратным полуземлянкам. Можно сделать вывод, что печепская и киевская культуры Подесенья не могут быть связаны прямой эволюционной цепочкой, а, видимо, принадлежат, хотя и к родственному в культурном отношении, но различному по происхождению населению.

Этот вывод подтверждается и наблюдениями за картографированием печепских и киевских памятников. К настоящему времени в Подесенье произведены стационарные раскопки 14 памятников печепского типа и 16 киевской культуры (рис. 7)⁵⁰. Материалы обоих периодов обнаружены лишь на четырех или пяти из них (Колодезный бугор, Чулатово⁵¹, Феськовна⁵², Деснянка и, возможно, Белопамянка⁵²). Следовательно, большинство печепских поселений по данным раскопок не позже конца II в. н. э. (максимальный допустимый предел существования печепской культуры) были заброшены, а киевские — не раньше начала III в. н. э. (дата возникновения киевской культуры) основывались на новых местах. Перенос поселений при этом явно не диктовался изменениями в хозяйстве, поскольку большинство памятников I-II вв., а также памятники III-IV вв. находятся в одних и тех же топографических условиях. Они занимают края первых надпойменных террас, возвышения в пойме, сниженные участки коренных берегов рек. Высота поселений над поймами рек и ручьев обыкновенно колеблется в диапазоне 1-8 м⁵⁴.

Не совсем так же совпадает и общая концентрация памятников I-II и III-IV вв. в Подесенье. Большинство поселений печепской культуры находится в верхнем течении реки, приблизительно начиная с широт г. Новгород-Северского и выше. Ниже по Десне обнаружены лишь отдельные печепские памятники, довольно далеко отстоящие друг от друга (рис. 8). Видимо, постоянного населения в Среднем и Нижнем Подесенье в I-II вв. не было. Киевские памятники, наоборот, занимают территорию Нижнего и Среднего Подесенья, заходя в Верхнее лишь частично (см. рис. 8). Массовое исчезновение приблизительно на рубеже II-III вв. печепских памятников и появление киевских, а также изменение общей локализации населения Подесенья, можно объяснить, на мой взгляд, лишь сменой населения в этом регионе.

Второй позднезарубинецкой культурной группой, памятники которой известны в Подесенье, являются так называемые "поселения типа Гриней". Мысль о выделении этого особого типа памятников принадлежит Р. В. Терпиловскому⁵⁵, однако комплексная характеристика их пока не производилась. В настоящее время на Украине открыто 6 подобных

поселений, разбросанных на довольно обширной территории. Это Гриней I и II в устье р. Тетерев, Рашетки на левом берегу среднего течения Днестра, Вовки в бассейне р. Ворсклы, Мена-5 и Змеевна в Среднем Подесенье (см. рис. 8). Основой для их объединения в общий тип памятников служат особенности их керамического комплекса. Классификация форм горшков памятников типа Гриней приводится в табл. 3, образцы форм - на рис. 9, график пропорций - на рис. 7. Наиболее распространенными являются горшки типа I/2 разновидности б и типа II/I варианта а. Прочие встречаются значительно реже. Корреляционная табл. 4 показывает, что все формы горшков синхронны, так как встречены в одних и тех же закрытых комплексах. Преобладают горшки с гладкой поверхностью, однако очень часты сосуды, покрытые расчесами, нанесенными гребнем от шейки до дна горшка. Статистические данные по всем памятникам типа Гриней не известны. На поселении Мена-5 (раскопки автора, 1983 г.) количество штрихованных черепков от общей массы керамики по различным слоям заполнения хозяйственных ям и жилищ 2 колеблется от 3% до 40%, но, как правило, составляет 17-27%. Керамика с расчесами характерна для всех поселений типа Гриней, в то время, как на памятниках почепской и киевской культур Подесенья она встречается лишь в виде исключения. Венчики горшков на памятниках типа Гриней украшаются пальцевыми заплатами и насечками, верхний край некоторых венчиков покрыт параллельными бороздами, нанесенными, видимо, гребнем, служившим в качестве орудия для ornamentации расчесами.

Жилых построек, с которыми можно достоверно связать охарактеризованный керамический комплекс, известно пока всего три (жилище I Гриней I, жилище VI Вовков и жилище 2 Мена-5). На прочих поселениях материалы типа Гриней происходят из хозяйственных ям или культурного слоя. Все жилища являются полуземлянками, углублены от 40 до 90 см в землю. Постройки из Вовков и Гриней I - четырехугольные в плане, имеют размеры соответственно 3,4 x 2,6 м⁵⁶ и 3,1 x 3,2 м⁵⁷. Жилище 2 поселения Мена-5 было пятиугольным (рис. II, 2), размерами 3,1 x 3,2 x 2,1 x 3,2 x 3,2 м. Все постройки отапливались печами, входы к которым хорошо фиксировались⁵⁸. Все три жилища имели опорные столбы в центре котлованов.

Лощеная керамика встречается редко и не на всех памятниках (обнаружена лишь в Гринях I, Рашетках, Змеевне и Мена-5). Аналогии формам лощеных горшков и мисок происходят с позднезарубинецких памятников. Миски из жилища I Гриней I (рис. 10, I, 3) укладываются в

почепскую классификацию и относятся к типу Ш/1 разновидности а и Ш/2 варианта б. Миски, аналогичные найденной в культурном слое поселения Решетки (рис. 10, 2), часто встречаются на позднезарубинецких памятниках Побужья (Марьяновка, Носовца, погребение 5 могильника Рахны)⁵⁹, которые, как и почепские, датируются I-II вв.⁶⁰ Аналогии горшку из Эмеевки (рис. 10, 4) имеются в Чаплинском могильнике, где подобные сосуды бытуют вплоть до его финала. В некоторых погребениях они обнаружены вместе с фибулами I в. н.э.⁶¹ ("воинскими одностепенными", по А.К.Амброзу, или варианта П/Р-по модифицированной классификации Ю.В.Кухаренко)⁶².

Для установления "узкой" хронологии памятников типа Гриней пока нет достаточных оснований. Широко их хронологические рамки можно определить раннеримским временем по находкам фрагментов позднезарубинецких лощёных сосудов. Немногочисленные датирующие вещи, происходящие из поселений этого круга с территории Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья, подтверждают эту датировку. В культурном слое поселения Вовки обнаружен обломок бронзовой фибулы (рис. 10, 6), которая относится к типу "сильнопрофилированных с гребнем на дужке и высоким приемником" и датируется II - нач. III вв.⁶³ Автор раскопок поселения К.А.Гермонов на основании стратиграфических наблюдений связывает фибулу с материалами типа происходящих из жилища У1 и относят ее к "дониевскому" горизонту (по его терминологии)⁶⁴. Из линзы культурного слоя, отлежившегося вокруг жилища I Гриней I, происходит фрагмент античной краснолаковой чашечки (рис. 10, 5)⁶⁵. Подобные чашечки, по Т.Н.Книпович, датируются концом I-II в.н.э.⁶⁶

Иная картина складывается в Подесенье. Здесь памятники типа Гриней существуют, очевидно, и в позднеимское время. Основанием для этого заключения послужили материалы жилища 2 поселения Мена-5. Обратимся к их анализу. Контуры жилища 2 были прослежены на материке. Глубина котлована постройки - 78-90 см. На профиле (рис. II, I) отчетливо читаются пять слоев заполнения. Первые два слоя (считая сверху - черный гумусный и золистый до глуб. 28 см.) содержали обломки лепных сосудов роменско-волынецовского круга и средневековых амфор. В третьем горизонте (глуб. от 20 до 42 см.), представлявшем собой слой серого гумусированного суглинка, обнаружены неопределимые фрагменты лепных сосудов и отдельные черепки с расчесами. Из четвертого горизонта (светло-серый слабогумусированный суглинок глуб. от 37 до 66 см) происходит отчетливый керамический комплекс типа Гриней. Здесь найдены крупные обломки горшка типа I/2 разновид-

ности 2 с зашипами по венчику, несколько мелких фрагментов венчиков от других лощённых сосудов (рис. I2, 5, 6), фрагменты горшков с расчесами. Из этого же горизонта происходят железные фибула (рис. I2, I4), серп (рис. I2, I5), обломок ножа (рис. I2, I6) и бивоническое пряслице (рис. I2, I7). Пятый стратиграфический горизонт представляет собой слой серо-желтого суглинка, начинающегося от глуб. 50 см и доходящего до пола жилища. К этому же горизонту отнесены материалы с пола постройки, из заполнения топочной камеры печи и ямы 3 (рис. II, 2), поскольку здесь были обнаружены фрагменты тех же сосудов, что и в пятом слое заполнения котлована. Как правило, они подвдлеивались. В пятом стратиграфическом горизонте найдены фрагменты четырех сосудов: типа I/2 разновидности 2 (рис. I2, 4), II/2 (рис. I2, I), характерные для памятников типа Гриней, нижней части краснолощеного горшка (рис. I2, 3) и верха желто-серой лощёной миски (рис. I2, 2). Кроме того, обнаружен обломок миниатюрного сосуда (рис. I2, I8), несколько черепков с расчесами.

В связи с находкой фибулы в IV горизонте жилища 2 возникает вопрос, может ли она датировать древности типа Гриней на поселении Мена-5? Поскольку фибула происходит из заполнения, а не с пола постройки, эта проблема требует специального анализа. На профиле жилища (рис. II, I) видно, что яма № 2 вшита в заполнение постройки после того, как жилище было заброшено, и перерезает IV и V горизонты его заполнения. В то же время сама яма перекрывается III стратиграфическим горизонтом заполнения жилища. В заполнении ямы № 2 обнаружена керамика, относящаяся к тому же культурному кругу, что и материалы из IV-V горизонтов жилища (фрагменты сосуда типа I/I, черепки с расчесами, венчики с насечками и зашипами, а также параллельными концентрическими бороздками, нанесенными гребнем по верхнему краю сосуда, фрагменты лощёной острорезерной миски - рис. I2, 7-13). Керамика ямы № 2 не могла быть вторично перетолжена и попасть сюда из заполнения жилища: по мелким индивидуальным особенностям (тесто, примеси, обжиг, характер нанесения расчесов) ни один из черепков заполнения ямы № 2 не относится к сосудам из IV - V горизонтов постройки. Таким образом, фибула из горизонта IV жилища 2 оказывается как бы "стратиграфически зажата" между материалами горизонта V и ямы № 2. Поскольку и те и другие относятся к древностям типа Гриней, то фибула может служить надежной хронологической опорой при их датировке на поселении Мена-5.

Фибула из жилища 2 относится к группе "двучленных прогнутых

подвязных II серии" (с полуциркульной спинной), по А.К.Амброзу⁶⁷, или в группе VI, по О.Альмгрену⁶⁸. Типологические наиболее близкие экземпляры и фибулы из Мены-5 (с пластинчатой спинной и ножкой, орнаментированными различными гравированными композициями, без выемки над пружиной) происходят из некоторых могильников Черняховской культуры (Каборга IV, погр. 2I, Ружичанка, погр. I9⁶⁹).

А.К.Амброз датирует подобные фибулы III-IV вв. н.э.⁷⁰ Недавно Ю.В. Кухаренко, ссылаясь на новейшую хронологическую литературу Средней Европы, попытался передатировать фибулы группы VI по О.Альмгрену концом II - началом IV вв.⁷¹ Какая же дата более оправдана для территории Восточной Европы? Рассмотрим датированные комплексы с этими фибулами, опубликованные после выхода работы А.К.Амброза (т.е. после 1966 г.). В могильнике Брест-Тришин типологически ранняя фибула группы VI О.Альмгрена была обнаружена в погр. I7 с обломком гребня I группы типа B по С.Томас⁷². Гребень датируется второй половиной II - второй половиной III вв. н.э.⁷³ Другая подобная фибула происходит из погр. 5I. Здесь же найден обломок гребня типа I варианта I по С.Томас⁷⁴. Погребение по гребню датируется концом II-IV вв., преимущественно, III-началом IV вв.⁷⁵ В черняховском могильнике Каборга IV, как уже было указано, фибула группы VI О.Альмгрена, более близкая к найденной в Мены-5, происходит из погребения 2I. В том же комплексе обнаружен набор бус⁷⁶, состоящий из монохромных изделий типов I6 (IV в. до н.э. - IV в. н.э.)⁷⁷, I49 (эллинизм - первые вв. н.э.)⁷⁸, I28 (I-IV вв. н.э.)⁷⁹, I35 (II-IV вв. н.э.)⁸⁰, I05 (I-III вв. н.э.)⁸¹, I09 (первые вв. н.э.)⁸², 57 (I-IV вв.)⁸³, а также гребень⁸⁴ типа I варианта 2, по Г.Ф.Никитиной (III-IV вв.)⁸⁵. По соотношению датировок бус и гребня погребение может быть отнесено к III в.

В могильнике Ружичанка фибула группы VI по О.Альмгрену обнаружена в погр. I9 вместе с фибулой⁸⁶ "двучленной прогнутой подвязной с узкой ножкой варианта I серии I" (датируется концом II-III вв.)⁸⁷ и гребнем⁸⁸ типа I варианта I, по Г.Ф.Никитиной (датируется III-IV вв.)⁸⁹. По соотношению датировок фибулы и гребня погребение относится к III в.

В погребении 44 того же могильника фибула группы VI О.Альмгрена найдена вместе с гребнем⁹⁰ типа I варианта I б, по Г.Ф.Никитиной, который датируется III-IV вв. н.э.⁹¹ По массивности заготовки фибула из погр. 44 стоит ближе к менской, чем из погр. I9.

Таким образом, находки фибул группы VI по Альмгрену в дати-

рованных комплексах лесостепи и юга лесной зоны Восточной Европы, опубликованные после выхода работы А.К.Амброза, подтверждают скорее дату Ю.В.Кухаренко, чем А.К.Амброза: большинство погребений относится к III в., максимум — началу IV в.

Находки У стратиграфического горизонта заполнения жилища 2 Мена-5 позволяют еще более сузить дату фибулы, происходящей из этой постройки. В У слое заполнения жилища, как уже упоминалось, были обнаружены фрагменты верхней части лепной лощеной миски (рис.12, 2). Форма этой миски не находит прямых аналогий в комплексе зарубинецкой лощеной посуды: такие детали, как резкий перегиб в месте соединения венчика и бочка, в сочетании с очень выпуклым плечом, на котором отчетливо видны две концентрические горизонтальные грани, не характерны для мисок позднезарубинецкого периода. Некоторые аналогии форме мисок из жилища 2 имеются на могильниках черняховской культуры, например в Черняхове⁹², Лохвице⁹³, Косанове⁹⁴. Специфика форм черняховских гончарных мисок, подобных сосуду из Мена-5, состоит в том, что грани у них выделены резко. Если миска из жилища 2 является лепным подражанием гончарным мискам черняховской культуры, то она не могла попасть в заполнение постройки ранее появления черняховских памятников на ближайших к Среднему Подесенью территориях. Фибула, в свою очередь, может датироваться либо периодом попадания миски в заполнение жилища 2, либо более поздним, поскольку происходит из более верхнего, чем миска, IV горизонта заполнения. Как убедительно доказал М.Б. Щукин, на территории Среднего Поднепровья (ближайшая к Среднему Подесенью зона распространения черняховских древностей) черняховская культура появляется не раньше середины III в. н.э.⁹⁵, следовательно, и фибула из Мена-5 не могла попасть в заполнение жилища 2 раньше этого периода. Таким образом, наиболее вероятная дата фибулы — середина III — начало IV вв. н.э.

Поскольку на поселении Мена-5 с фибулой связан керамический комплекс типа Гриней, то можно утверждать, что древности этой культурно-хронологической группы существуют в Подесенье минимум до середины III в., а скорее всего, и несколько дольше. По этой причине памятники типа Гриней в Подесенье оказываются частично (или, может быть, полностью) синхронны древностям начального этапа местного варианта киевской культуры. Следовательно, ранние памятники киевской культуры Подесенья не могут являться дальнейшим этапом развития древностей типа Гриней; синхронизация материалов этих двух групп противоречит предположению об их эволюционной связи. В случае эволюции киевские памятники на Десне были бы более поздними, чем по-

селения типа Гриней, сменяли бы их во времени. Племена, оставившие памятники типа Гриней, являются особой группой позднезарубинецкого населения Подесенья, отличной от носителей киевской культуры.

Итак, типологическое сравнение поздних материалов первой, печепской, группы позднезарубинецких памятников Подесенья с ранними киевскими древностями этого региона показало, что при некотором сходстве между ними имеются и существенные различия, не позволяющие связывать их в единую эволюционную цепочку. Материалы второй группы позднезарубинецких памятников Подесенья "типа Гриней" частично синхронны древностям киевской культуры, что также не дает оснований предполагать наличие между ними эволюционной взаимосвязи. Памятники киевской культуры, таким образом, появляются в Подесенье в уже сформировавшемся виде. Очевидно, область их формирования лежит за пределами рассматриваемой территории. Наблюдения за картографией печепских и киевских памятников Подесенья дают возможность утверждать, что в этом районе на рубеже II и III вв. или в начале III в. произошло большое передвижение населения, видимо, связанное с проникновением носителей киевской культуры.

Примечания

1. Третьяков П.Н. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974; Горюнов К.А. Некоторые древности I тыс. н.э. на Черниговщине // Там же.

2. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Наука, 1966. С.264,265. В то же. Древности... С.63-74.

3. Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. М.: Наука, 1976. С.72-74.

4. Пронин Г.Н. Некоторые вопросы изучения памятников печепского типа // СА. 1979. № I. С.59-62.

5. Амброз А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тыс.н.э. // СА. 1964. № I. С.70.

6. Максимов К.В. Зарубинецкая культура на территории УССР: Киев: Наукова думка, 1982. С.152-153.

7. Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев: Наукова думка. 1984. С.57,58.

8. Во избежание терминологической путаницы необходимо отметить заранее, что в настоящей статье обозначение "позднезарубинецкие" применяется для памятников I-II вв. Подесенья и смежных территорий. К ним отнесены поселения печепской культуры, типа Гриней, та-

на Марьяновна-Рахны на Побужье. Термин "киевские" применяется для памятников III-У вв. Среднего Поднепровья и Подеселья на основании работы К.В. Максимова и Р.В. Терпиловского (Максимов К.В., Терпиловский Р.В. Поселения киевского типа близ Чернигова // Проблемы этногенеза славян. Киев: Наукова Думка, 1978. С.98-100), а также К.А. Горюнова (Горюнов К.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. С.37-41), доказавших, что они принадлежат к одной культуре. Исключением является поселение Мена-5, типологически близкое к памятникам типа Гриней.

9. Терпиловский Р.В. Ранние славяне... С.38-42.

10. Горюнов К.А. Ранние этапы ... С.16-23.

11. Амброс А.К. К истории ... С.59-63.

12. Пронин Г.Н. Некоторые вопросы ... С.57-59.

13. Заверьяев Ф.М. Почепское селище // МИА. 1969. № 160. С.107-109.

14. Горюнов К.А. Ранние этапы... С.18,19; Терпиловский Р.В. Ранние славяне... С. 19-24.

15. Длинные дома Полужского городища IV-III вв. до н.э. // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С.39.

16. Третьяков П.Н. Древности ... Рис.16, № 19-23.

17. Там же. С.94-98.

18. Амброс А.К. К истории... С.59.

19. Там же.

20. Подробно о методике такого расчета пропорций см.: Обломский А.Д. "Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры по материалам Чаплинского могильника // Советская археология. 1985. № 1.

21. Амброс А.К. Указ.соч. С.61-63.

22. Заверьяев Ф.М. Почепское селище. Рис.12, № 15,16.

23. Амброс А.К. К истории... С.68,69.

24. Горюнов К.А. Ранние этапы... С.19; Терпиловский Р.В. Ранние славяне... С.42.

25. Терпиловский Р.В. Ранние славяне... С. 53-55.

26. Там же. С.39.

27. Там же. С.38-42; Горюнов К.А. Ранние этапы... С.20,21.

28. Третьяков П.Н. Древности ... С.98.

29. Там же. С.108,109.

30. Там же. Рис.18, № 3,7,10; 28, № 1,16,17.

31. Там же. Рис.28, № 9.

32. Там же. Рис.19, № 1,2,7; 23, № 18.

33. Там же. С.99,100.
34. Там же. С.109.
35. Пронин Г.Н. Некоторые вопросы ... С.61.
36. Амброз А.К. К истории... С.62, 63. Третьяков П.Н. Финно-угры... С.228.
37. См : Амброз А.К. Отчет о работах Верхнеднепровской экспедиции ИИМК АН СССР 1957 г. // Архив ИА АН СССР. р-1 № 1658. Рис.20.
38. Там же. С.10.
39. Там же. Рис.на с.17 альбома, № 2.
40. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в.до н.э. - IV в.н.э. // САИ. Вып.Д1-30. М.: Наука, 1966. С.24.
41. Амброз А.К. Отчет за 1957 г. С.7.
42. Там же. С.8-10.
43. Материалы хранятся в фондах ИА АН СССР.
44. Амброз А.К. К истории ... С.65.
45. Попытку Г.Н.Пронина интерпретировать полуземлянку 2 поселения Колодезный бугор с окружающими ее ямами, как остатки "длинного дома" с углубленной частью (Пронин Г.Н. Некоторые вопросы... С.53, рис.2, № 6) следует признать неудачной. На полу полуземлянки 2 и в хозяйственной яме, выкопанной внутри жилища, обнаружены два сосуда вида I по классификации раннекиевской керамики Подесенья (Третьяков П.Н. Древности... С.96, рис.15, № 5,7). Подобные сосуды ни разу не встречены на почепских памятниках и являются характерными для киевской культуры Подесенья вплоть до ее позднего этапа. Так, например, они происходят с поселений Ульяновка и Ромше из комплексов с черняховскими материалами (Максимов К.В. Терпиловский Р.В. Поселения... С.94-98, рис.2, № 22; 3, № 17). Таким образом, полуземлянка 2 относится к киевской культуре. В реконструкцию длинного дома Г.Н.Пронина, кроме полуземлянки, входит и ряд окружающих ее ям, в том числе и яма В, которая интерпретируется, как угловая юго-восточная столбовая яма наземной части жилища (Пронин Г.Н. Некоторые вопросы... Рис.2, № 6). Со дня ямы происходит развал типичной почепской миски (тип П/1 вариант в - Третьяков П.Н. Древности... С.98, рис.16, № 20), то есть яма В явно относится к более раннему периоду существования поселения Колодезный бугор, чем полуземлянка 2, и, совершенно очевидно, не является столбовой.
46. Третьяков П.Н. Древности... С.58.
47. Там же. С.59-60.
48. Миносая Р.С. Классификация серпов Восточной Европы Желез-

ного века и раннего средневековья // АСБГЭ. 1978. № 19. С. 78, рис. 3, №№ 13, 14.

49. Пронин Г.Н. Некоторые вопросы ... С. 61.

50. Карта составлена по материалам Г.Н.Пронина (Пронин Г.Н. Некоторые вопросы ... Рис. I) и К.В.Максимова - Р.В.Терпиловского (Максимов К.В., Терпиловский Р.В. Поселения ... Рис. I) с дополнениями автора.

51. Горюнов К.А. Поселение у с. Чулатова // ВСИА. 1971. № 125.

52. Работы автора 1982 г. Материалы не опубликованы, хранятся в Менском краеведческом музее.

53. Третьяков П.Н. Древности ... С. 51.

54. Там же, с. 50. Третьяков П.Н., Шмидт В.А. Древние городища Смоленщины, М.: Л. Наука, 1963. С. 135, 136.

55. Терпиловский Р.В. К сложению памятников киевского типа // Актуальные проблемы археологических исследований на Украине. (Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых. Киев, апрель 1981). Киев, 1981. С. 94.

56. Горюнов К.А. Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда ЛОИА АН СССР в 1977 г. // Архив ИА АН УССР. № д. 1977/55. Рис. 4.

57. Максимов К.В. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. 1969. № 160. С. 39.

58. Там же. Рис. I, № I и Ia; Горюнов К.А. Отчет за 1977 г. Рис. 4.

59. Хавлон П.І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. 1975. № 18. Рис. 4, №№ 8, 13, 14; 5, №№ 1, 3, 4, 9; Его же. Памятники зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. 1971. № 4. Рис. 4, № 6.

60. Шуклин М.Б. К предистории черняховской культуры. Тринадцать оеквений // АСБГЭ. 1979. № 20. С. 74.

61. Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Т. II. Минск: Наука и техника. 1973. Рис. 49, №№ 8, 10.

62. Обломский А.М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА. 1983. № I. С. 107, рис. 3, № 7.

63. Амброз А.К. Фибулы юга ... С. 38, табл. 7, № 13.

64. Горюнов К.А. Ранние этапы ... С. 58.

65. Максимов К.В. Новые зарубинецкие памятники ... С. 37, 38.

66. Книпович Т.Н. Краснооляковая керамика первых вв н.э. из раскопок Боснерской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 303, 304.

67. Амброз А.К. Фибулы юга ... С. 67.

68. Almgren O. Studien über Nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923. Tab. VII, № 158, 162.

69. Магомедов Б.В. Каборга IV (раскопки 1973-1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1979. Табл. XIV № 6; Винокур И.С. Ружичанский могильник // Там же. Рис. 12, № 12.

70. Амброз А.К. Фибулы пра ... С. 67.

71. Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. М.: Наука, 1980. С. 46.

72. Там же. Табл. IX, погр. 17, а, б.

73. Там же. С. 54, 55.

74. Там же. Табл. XVI, погр. 51, б, в.

75. Там же. С. 56.

76. Магомедов Б.В. Каборга IV ... Табл. XIV, № 9-16, описание - с. 46, 60.

77. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. VI-12, ч. II, М.: Наука, 1978. С. 16.

78. Там же. С. 71.

79. Там же. С. 70.

80. Там же. С. 70.

81. Там же. С. 69.

82. Там же.

83. Там же. С. 67.

84. Магомедов Б.В. Каборга IV ... Табл. XIV, № 7.

85. Никитина Г.Ф. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № I. С. 158.

86. Винокур И.С. Ружичанский могильник. Рис. 12, № II.

87. Амброз А.К. Фибулы пра ... С. 62, 63.

88. Винокур И.С. Ружичанский могильник. Рис. 12, № 6а.

89. Никитина Г.Ф. Гребни ... С. 154.

90. Винокур И.С. Ружичанский могильник. Рис. 18, № 3.

91. Никитина Г.Ф. Гребни ... С. 154.

92. Петров В.П. Черняховский могильник (по материалам раскопок В.В. Хвойки в 1900-1901 гг.) // МИА. 1964. № II 6. Рис. 4, № I, 2.

93. Березовец Д.Т., Петров В.П. Дехвицкий могильник // МИА. 1960. № 82. Рис. 5.

94. Кравченко Н.М. Косаневский могильник (по материалам раскопок В.П. Петрова и Н.М. Кравченко в 1961-1964 гг.) // МИА. 1967. № 139. Табл. У, № 5, 7.

95. Шунин М.Б. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепрья // КСИА. 1970. № 21. С. III.

Класс и его признаки	Тип и его признаки	Вариант и его признаки	Разновидность и ее признаки
I	2	3	4
Классификация горшков почечной культуры по форме			
I. Перегиб "г" округлый	1. Дуга "в" - выпуклая; участок "д" - прямой, слегка вогнутый или слегка выпуклый	а) "а" изогнут, отогнут наружу, перегиб "б" - плавный б) "а" - прямой, вертикальный; перегиб "б" - плавный или острый (рис. 3, № 4) в) "а" - прямой, отогнутый наружу, перегиб "б" - плавный, диаметр "а" $\leq$ диаметру "г" (рис. 3, № 5, 6).	а) закрытые (диаметр "а" $\leq$ диаметру "г" (рис. 3, № 1) б) открытые (диаметр "а" $>$ диаметра "г" (рис. 3, № 2, 3)
II. Перегиб "г" имеет форму сглаженного ребра	2. "а" - прямой, отогнутый наружу, перегиб "б" - плавный или острый, участки "в" и "д" - прямые. Диаметр "а" $\leq$ диаметра "г" (рис. 3, № 7) 1. "а" изогнут, отогнут наружу, перегиб "б" - плавный, участок "в" - прямой, форма дуги "д" не ясна: известен всего один целый сосуд (рис. 3, № 8) 2. Те же признаки, кроме формы участка "в". Он - вогнутый		а) закрытые, диаметр "а" $\leq$ диаметру "г" (рис. 3, № 9) б) открытые, диаметр "а" $>$ диаметра "г"
Классификация мисок почечной культуры по форме			
I. Перегиб "г" - округлый	1. "а" в форме отсутствует. Край миски сформован на участке "в". Он - округлый. Участок "д" прямой или слегка выпуклый. Диаметр края всегда больше диаметра "г" (рис. 4, № 1) 2. "а" изогнут, отогнут наружу, перегиб "б" - плавный, дуга "в" - выпуклая (иногда почти прямая). Форма дуги "д" не ясна: всего один целый экземпляр.		а) закрытые, диаметр "а" $\leq$ диаметру "б" (рис. 4, № 2) б) открытые, диаметр "а" $>$ диаметра "г" (рис. 4, № 3)
II. Перегиб "г" имеет форму сглаженного ребра	1. "а" отогнут наружу, изогнут, перегиб "б" - плавный, дуга "в" вогнутая, участок "д" прямой		а) закрытые, диаметр "а" $\leq$ диаметру "г" б) открытые. Диаметр "а" $>$ диаметра "г" (рис. 4 № 4)
III. Перегиб "г" имеет форму острого ребра	1. Кроме формы перегиба "г", все признаки как у класса II типа I 2. "а" в форме отсутствует, "в" - прямой, на нем сформован край, участок "д" - прямой или вогнутый	а) "в" прямой, гладкий, дополнительных признаков нет б) ребро "г" выделено в форме треугольного в сечении валика, на внутренней стороне края миски - одна, река две грани. Диаметр края $\geq$ диаметра ("г" рис. 4 № 5)	а) закрытые. Диаметр "а" $\leq$ диаметру "г" (рис. 4 № 5) б) открытые. Диаметр "а" $>$ диаметра "г" (рис. 4 № 6) в) закрытые. Диаметр "а" $\leq$ диаметру "г" (рис. 4 № 7) б) открытые. Диаметр "а" $>$ диаметра "г" (рис. 4 № 8)
		в) то же, но без граней на внутренней стороне края (рис. 4, № 10) г) на внешней стороне края миски - небольшой валик, остальное - то же, что и у варианта "в" (рис. 4, № 12). д) "в" - прямой, гладкий, без граней, на месте ребра - зашиелора.	

Классификация по форме гершков ранней фазы илевской культуры

Конечный типологический разряд по Р.В. Терпиловскому	Тип и его признаки
	<u>Перегиб "г" - округлый</u>
Вид II	I. "а" изогнут, отогнут наружу, перегиб "б" - плавный, участок "в" - выпуклый, участок "д" - прямой или слегка выпуклый, диаметр "а" $\leq$ диаметру "г", он расположен в средней части высоты сосуда (рис. 5, № 2).
Вид I вариант I, 3	I. Признаки те же, кроме места расположения диаметра "г" на тулове сосуда. Он находится в верхней части его высоты (рис. 5, № 3, 4)
Вид I вариант 2	I. "а" изогнут, отогнут наружу, перегиб "б" - плавный, участок "в" - прямой или неопределенной формы (может быть различным с разных сторон сосуда), участок "д" - прямой или слегка выпуклый, диаметр "а" $>$ диаметра "г", последний расположен в верхней части высоты сосуда (рис. 5, № I)
Вид III	I. "а" изогнут, отогнут наружу, перегиб "б" - плавный, стенки участков "в" и "д" - неопределенной формы, диаметр "а" обычно $\leq$ диаметру "г", иногда чуть больше последнего (рис. 5, № 5)
Вид УП	I. "а" и "б" отсутствуют, край венчика сформован на участке "в", стенки участка - выпуклые. Диаметр венчика меньше диаметра "г", перегиб "г" - округлый. Форма "д" не ясна: целых сосудов нет (рис. 5, № 6)
	<u>Перегиб "г" имеет форму сглаженного ребра</u>
Вид IV	I. "а" изогнут, отогнут наружу, перегиб "б" - плавный, участок "в" - прямой, "д" - прямой или слегка вогнутый (рис. 5, № 7).
	<u>Перегиб "г" имеет форму острого ребра</u>
	2. "а" изогнут, отогнут наружу, перегиб "б" плавный, участок "в" - вогнутый. Форма участка "д" не ясна: всего I целый сосуд. Диаметр "а" меньше диаметра "г" (рис. 5, № 8).
	3. Кроме форм перегиба "г" все признаки аналогичны типу I (рис. 5, № 9)

Классификация горшков памятных типа Гриней по форме

Класс и его признаки	Тип и его признаки	Вариант и его признаки	Разновидность и ее признаки
I. Перегиб "г" округлый	<p>1. "а" изогнут, отогнут наружу, перегиб "б" - плавный, участок "в" выпуклый, форма участка "д" не ясна (плохая сохранность сосудов), вероятно, прямой или слегка выпуклый. Диаметр "а" $\geq$ диаметру "г" (рис. 8, № 1)</p> <p>2. "а" изогнут, отогнут наружу, перегиб "б" - плавный, форма "в" неопределяема: может быть различной с разных сторон сосуда. Участок "д" прямой или слегка вогнутый</p>	<p>а) "а" изогнут, отогнут наружу, его диаметр $\geq$ диаметру "г". Перегиб "б" - плавный (рис. 8, № 4)</p> <p>б) "а" прямой, вертикальный, перегиб "б" - плавный (рис. 8, № 5)</p>	<p>а) закрытые. Диаметр "а" $<$ диаметра "г" (рис. 8, № 2)</p> <p>б) открытые. Диаметр "а" $>$ диаметру "г" (рис. 8, № 3).</p>
II. Перегиб "г" имеет форму сглаженного ребра	<p>1. Дуга "в" - вогнутая, участок "д" - прямой или слегка выпуклый</p> <p>2. "а" изогнут, отогнут наружу, перегиб "б" - плавный, участки "в" и "д" - прямые, диаметр "а" $\leq$ диаметру "г" (рис. 8, № 5)</p>		

Корреляция форм горшков типа Гриней в закрытых комплексах

Памятники и комплексы	Типологические разряды форм горшков					
	Тип I/I	тип I/2 раз.б	тип II/I вар. а	тип I/2 раз.в	тип II/I вар.б	тип II/I
Грини-I, жил. I		+	+	+		+
Грини-II, скопление керамики		+	+	+		
Вовки, глиняная вымостка		+	±			
Вовки, жил. IV			+		+	
Мева-5, 1981, г., яма № I		+	+	+		
раск. 6, жил. 2, У стратиграфический горизонт		+				+
"- раск. 6, яма № 2	+	+				

Рис. 1. Карта сплошных обследований территории Подесенья.

Зоны разведок: I - Черниговско-го исторического музея; II - разведывательного отряда НСЭ; III - А.К.Амброза, Г.Н.Пронина, Ф.М.Заверняева; IV - П.Н.Третьякова, Е.А.Горюнова

- - I
- - II
- - III
- //// - IV

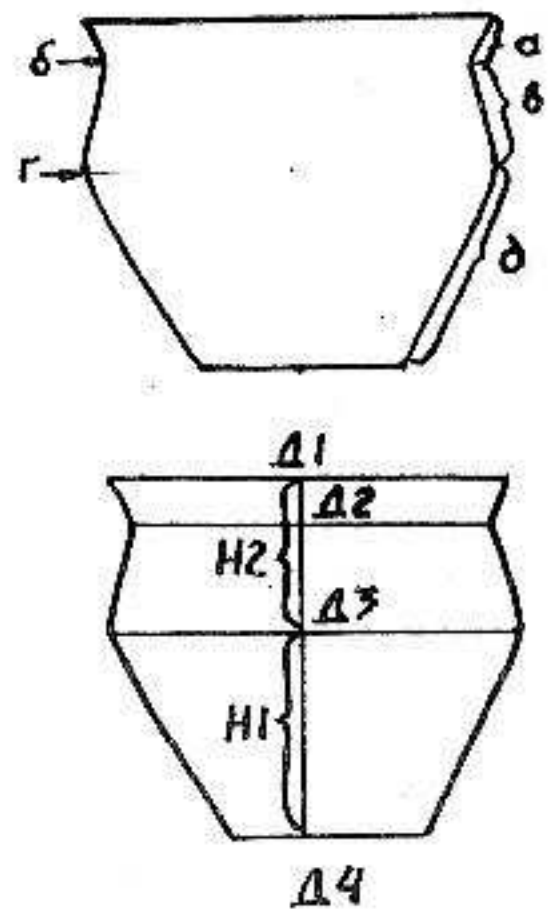
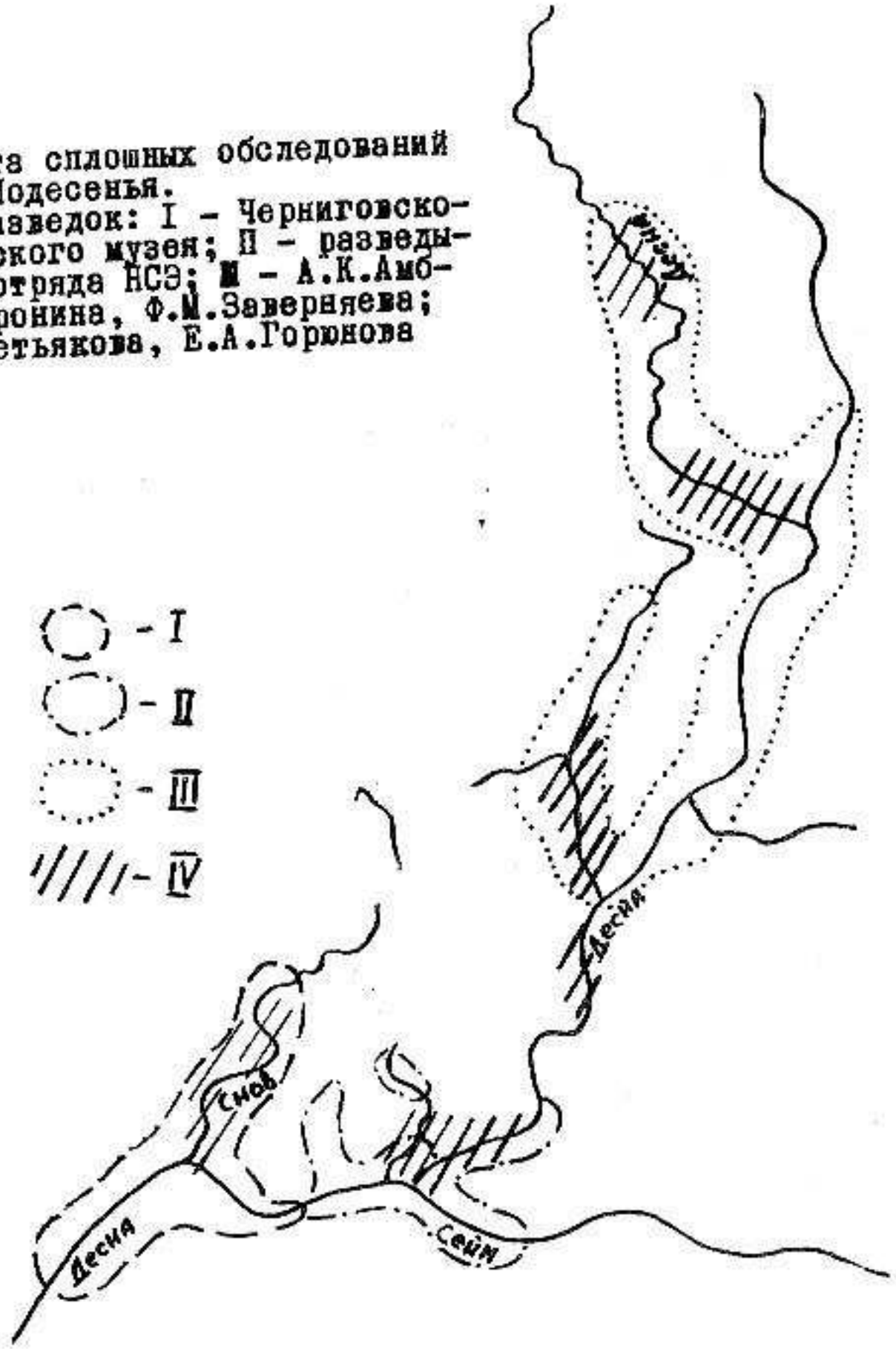

Рис. 2. Обозначение частей профиля и основные измерения сосудов: А - для описания формы; Б - для расчета пропорций

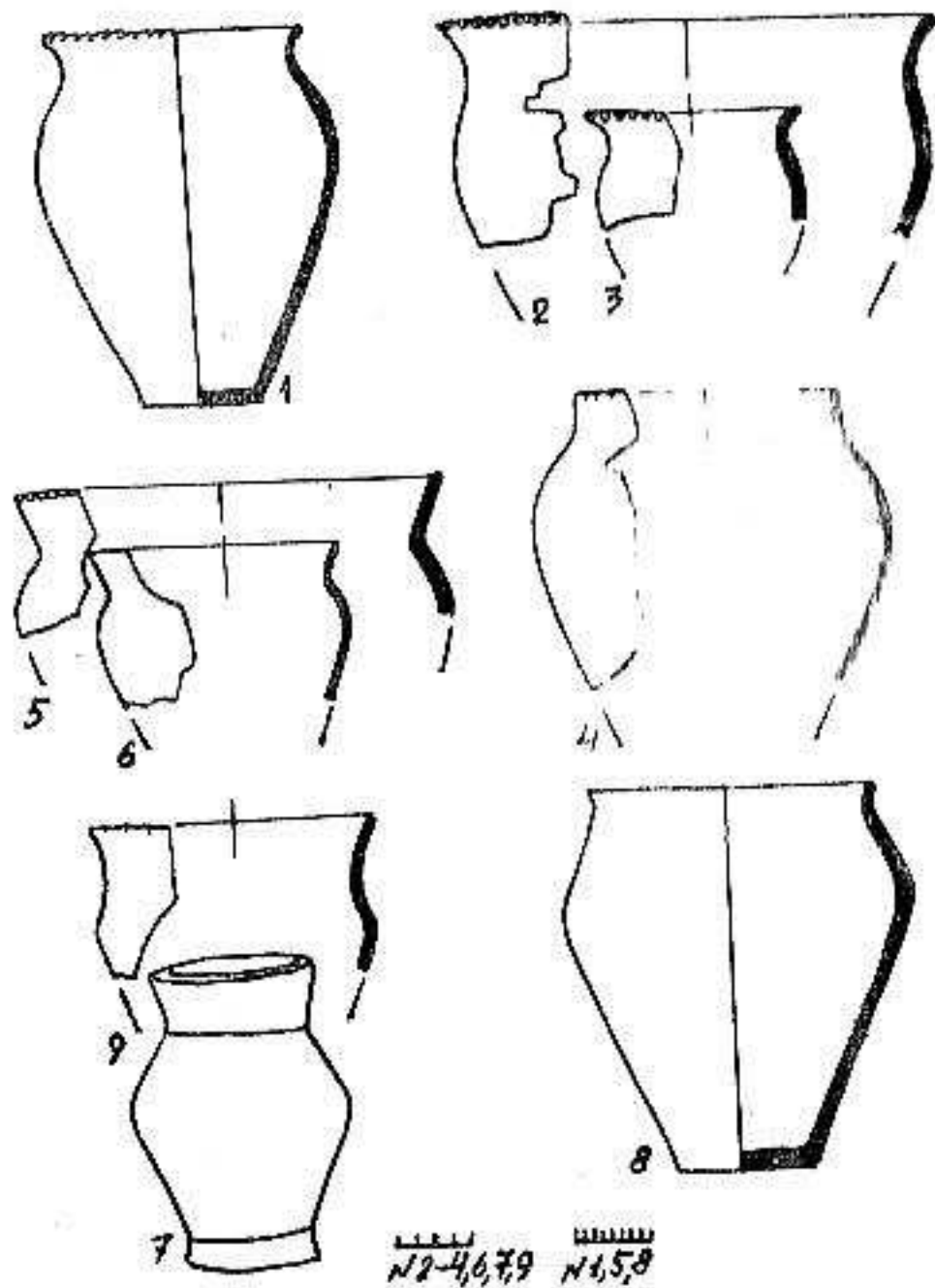

Рис. 3. Классификация горшков почепской культуры по форме: I - тип I/I вариант а разновидность а; 2, 3 - тип I/I, вариант а разновидность б; 4 - тип I/I вариант б; 5, 6 - тип I/I, вариант б; 5, 7 - тип I/2; 8 - тип II/I; 9 - тип II/2 разновидность а:

I - Партизанское; 2 - Синьково-Дмитриево; 3-5, 9 - Синьково; 6 - Киселевка-III; 7, 8 - Почел

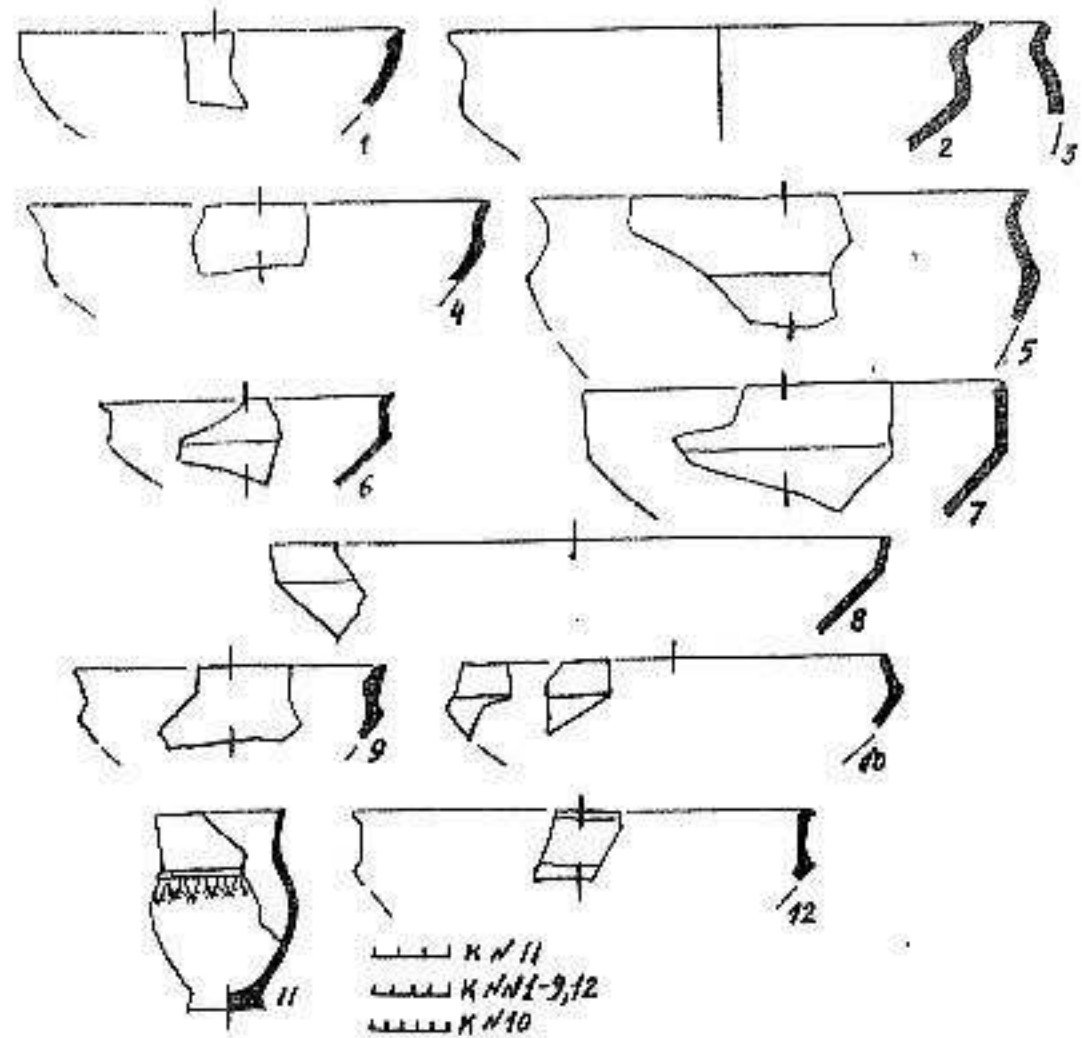

Рис. 4. Миски (классификация по формам) и миниатюрные сосуды почепской культуры:

I - тип I/I; 2 - тип I/2, разновидность а; 3 - тип I/2, разновидность б; 4 - тип II/I, разновидность б; 5 - тип III/I, разновидность а; 6 - тип III/I, разновидность б; 7 - тип III/2, вариант а, разновидность а; 8 - тип III/2, вариант а, разновидность б; 9 - тип III/2, вариант б; 10 - тип III/2, вариант б; 11 - миниатюрный сосуд; 12 - тип III/2, вариант г;

1, 7, 11 - Синьково; 2, 5, 8 - Киселевка-3; 6 - Полужье; 9, 12 - Чулатово; 10 - Колодезный бугор

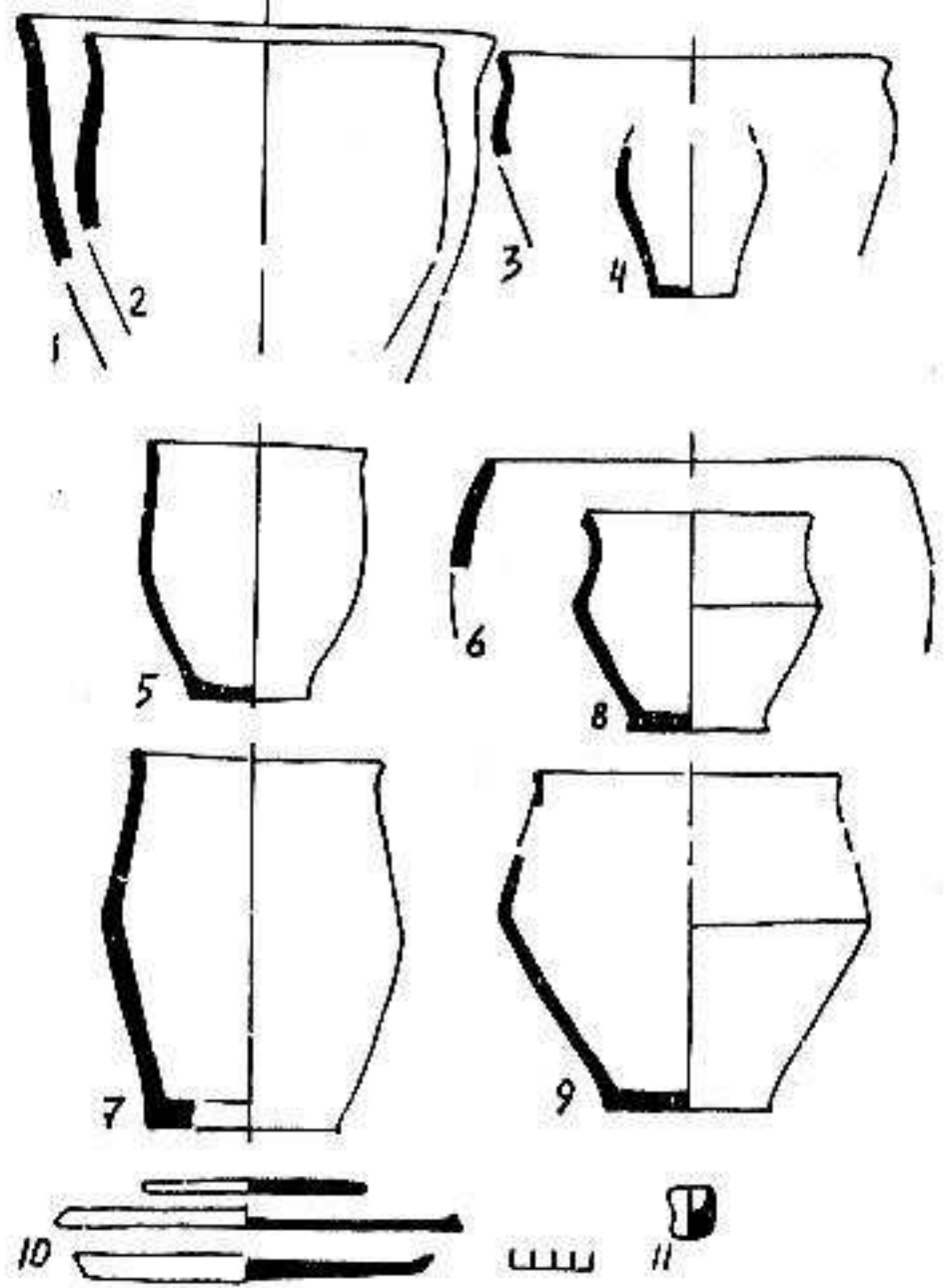

Рис. 5. Керамический комплекс ранней фазы киевской культуры Подесенья:
 I - вид I вар.2; 2 - вид II; 3-4 - вид I вар. I, 3; 5 - вид III; 6 - вид УП; 7 - вид IУ тип I; 8 - вид IУ тип 2; 9 - вид IУ тип 3; IС - диски-"крышки"; II - миниатюрный сосуд; I, 2, 7, 8, II - Лавриков Лес; 3, 6, IО - Форос-оличи; 4, 5, 9 - Колодезный Бугор

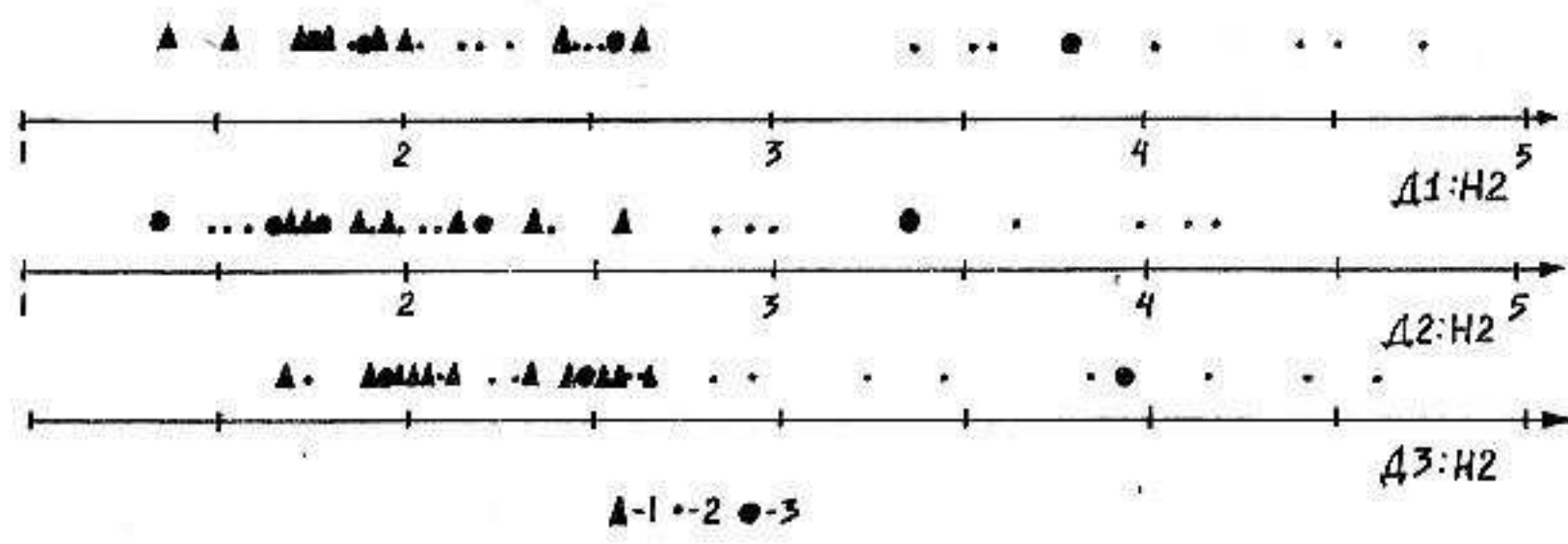

Рис. 6. Графики сопоставления пропорций ранних киевских и почепских горшков:
 I - сосуды киевской культуры, 2 - сосуды почепской культуры. 3 - почепские сосуды из верхнего горизонта заполнения жилища 20 поселения Синьково

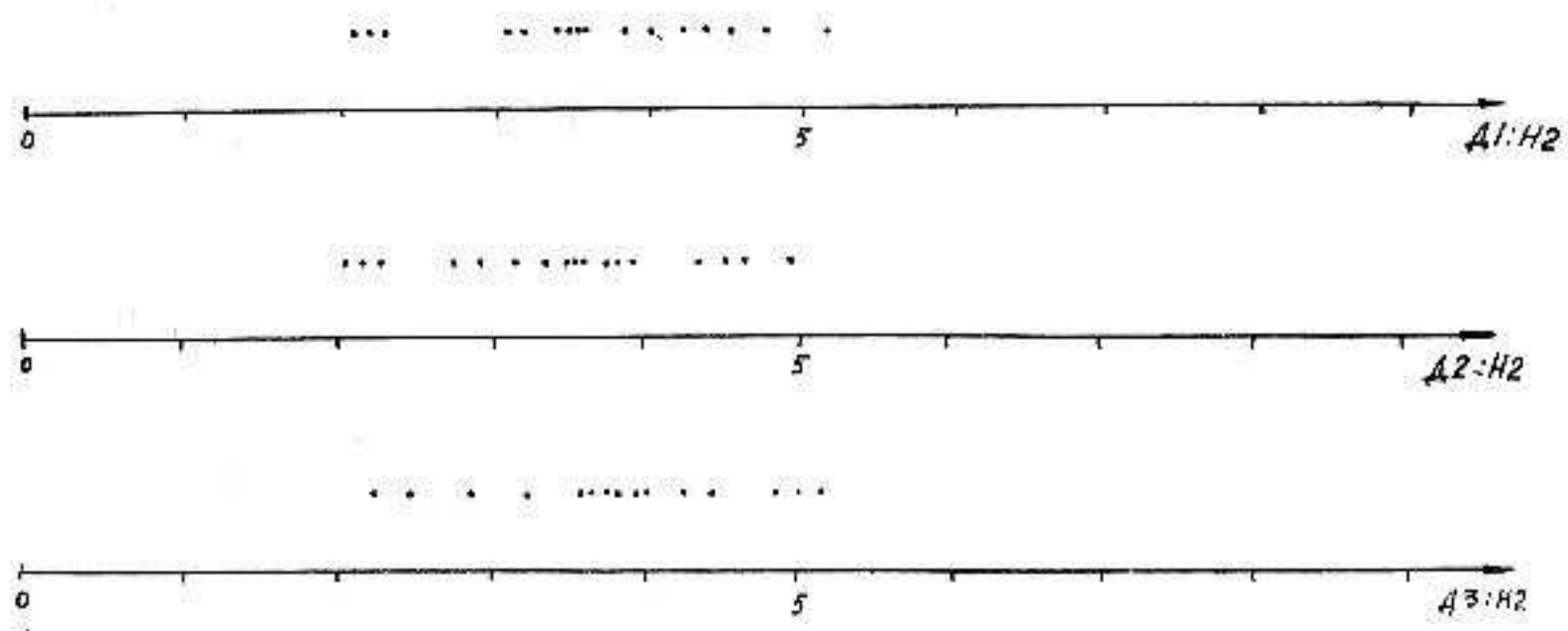

Рис. 7. Пропорции горшков на памятниках типа Гривей

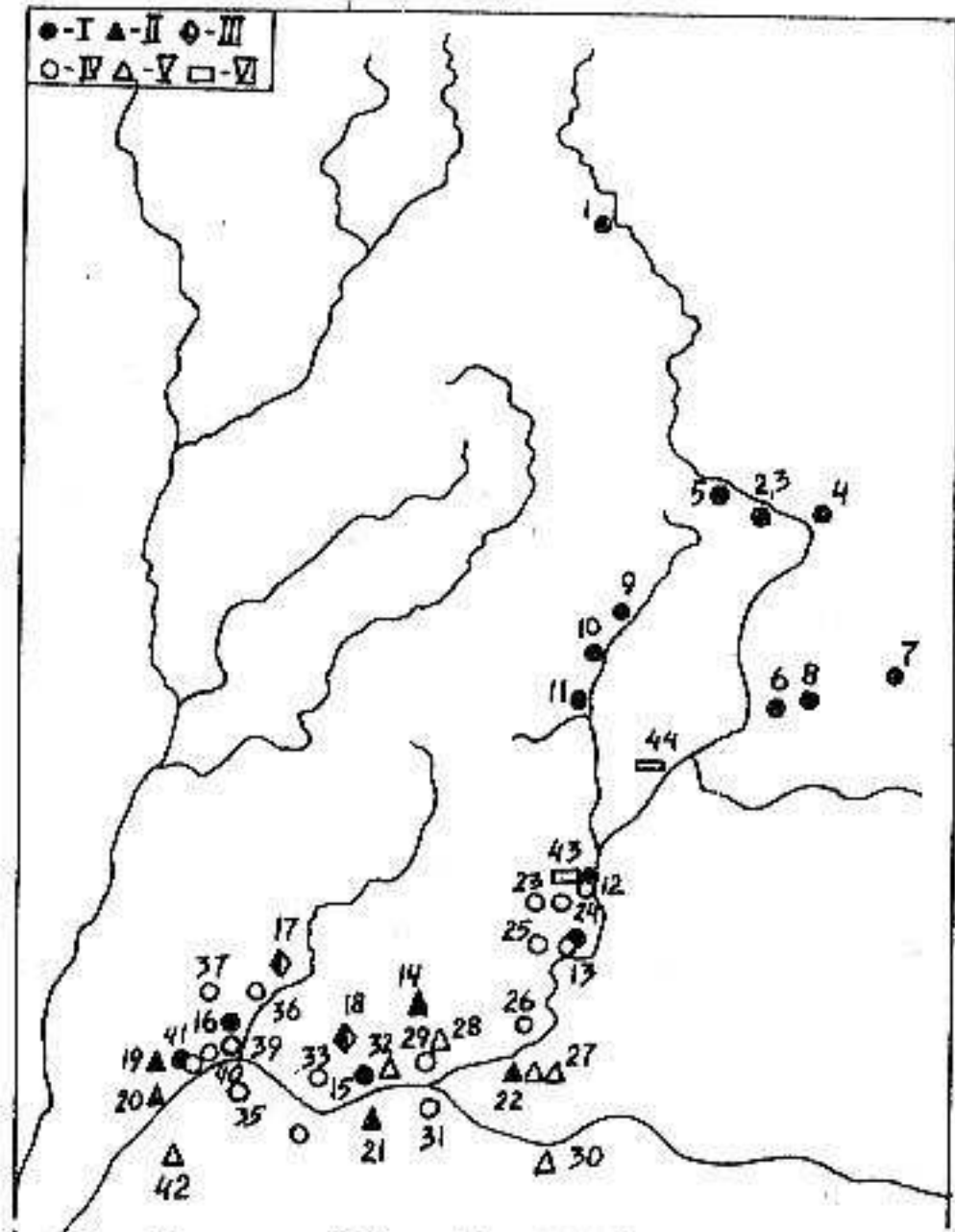

Рис. 8. Памятники I-U вв. Подесенья:

I - неукрепленные поселения почепской культуры, исследованные раскопками; II - памятники I-II вв. с неясной культурной атрибуцией; III - памятники типа Гриней; IV - поселения киевской культуры, исследованные раскопками; V - поселения киевской культуры по данным разведок; VI - могильники киевской культуры.

1 - Спартак; 2, 3 - Хотылево; 4 - Белокаменка; 5 - селище в устье р. Гасомы; 6 - Партизанское; 7 - Железное; 8 - Парня; 9 - Синьково; 10 - Дмитрово-Синьково; 11 - Почеп; 12 - Колодезный Бугор; 13 - Чудатово; 14 - Козлянич; 15 - Феськовка; 16 - Киселевка-3; 17 - Змеевка; 18 - Мена-5; 19 - Очеретяна гора; 20 - Табеевка; 21 - Старая Бугонка (Чубкова гора); 22 - Корол, сыравод; 23 - Форостовичи; 24 - Целиков Бугор; 25 - Лавриков Лес; 26 - Вишенки; 27 - Лукново; 28 - Кудровка; 29 - Киреевка; 30 - Обмачев-1; 31 - Долинское; 32 - Куковичи-3; 33 - Первомайское; 34 - Салтыкова Девича; 35 - Выбли; 36 - Макиши; 37 - Рошце; 38, 39 - Киселевка-1, 2; 40 - Узяновка; 41 - Чериггов (Деснянка); 42 - Золотинка; 43 - Смич; 44 - Кветунь

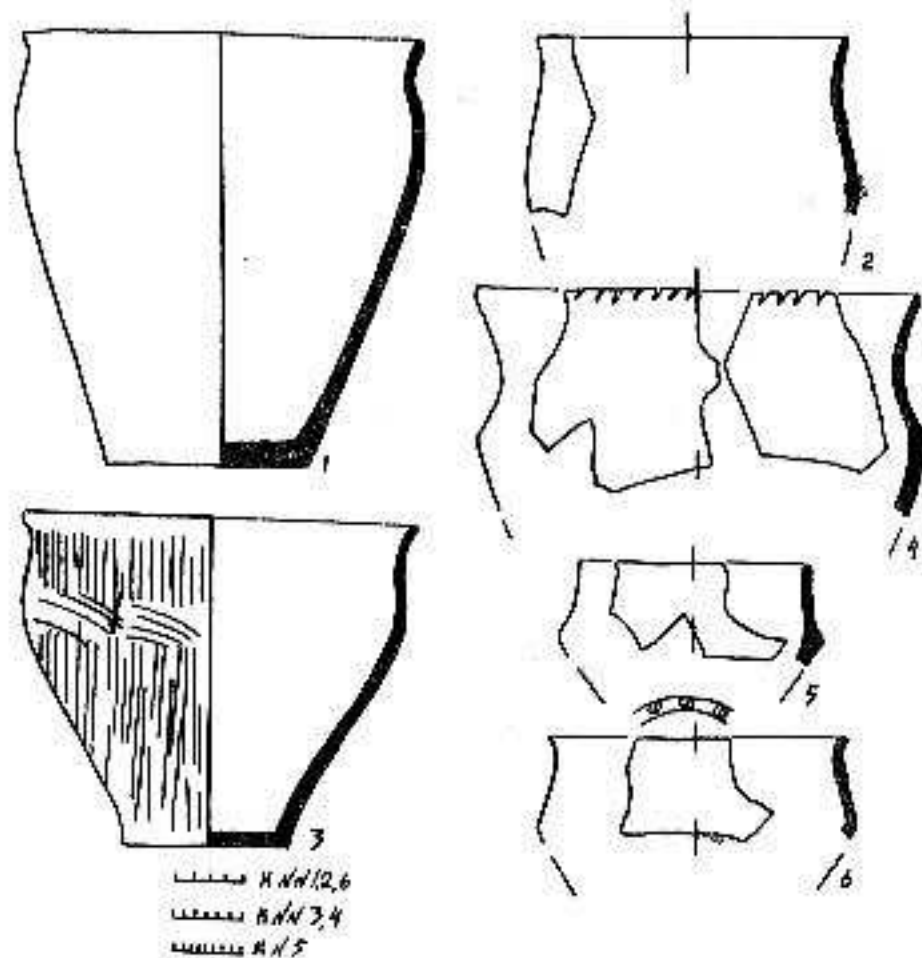

Рис. 9. Классификация горшков памятников типа Гриней по форме:

I - тип I/I; 2 - тип I/2 разновидность а; 3 - тип I/2 разновидность б; 4 - тип II/I, вариант а; 5 - тип II/I, вариант б; 6 - тип II/2; 1 - Решетки; 2, 6 - Грини-1; 3-5 - Возки

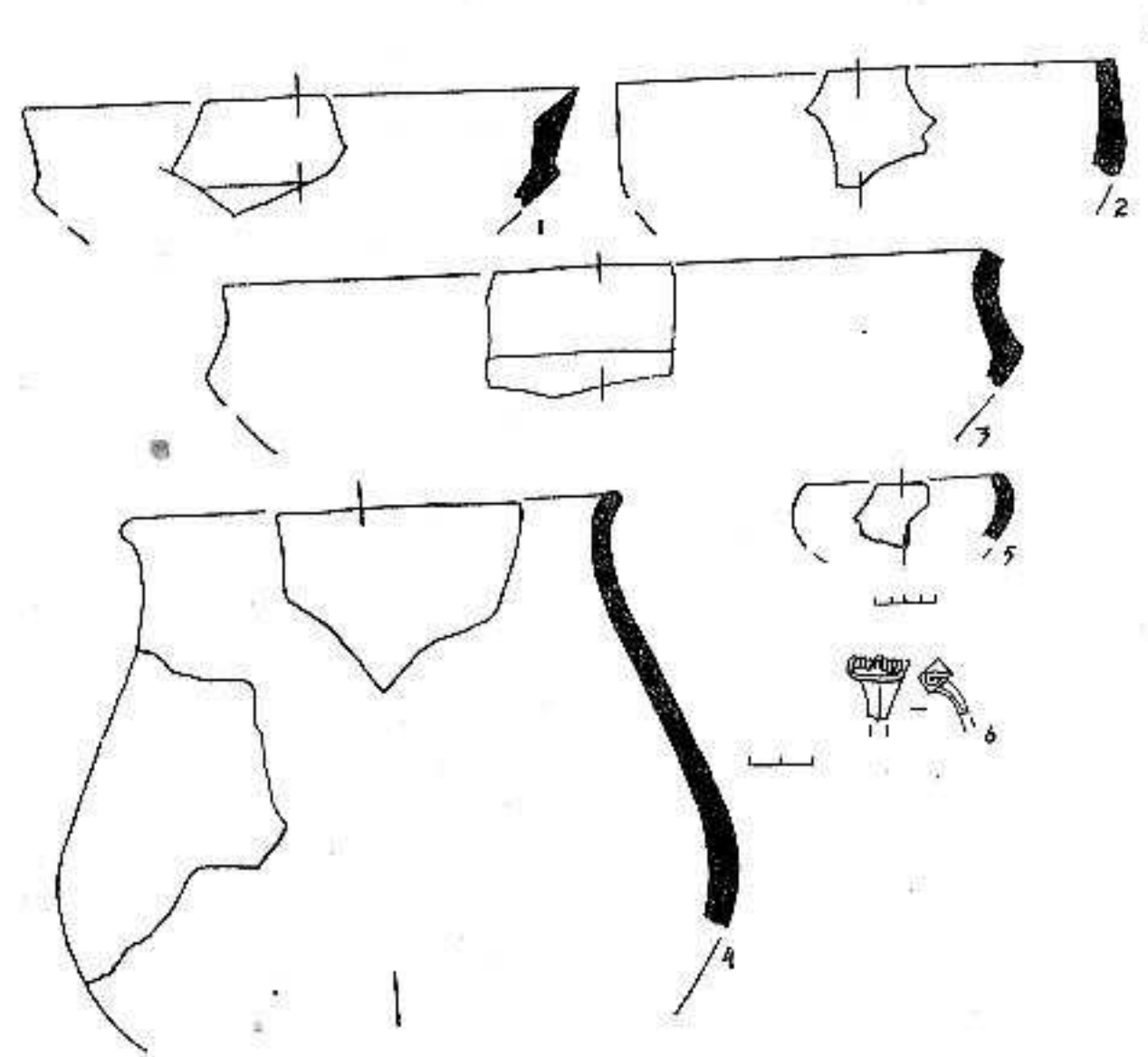

Рис. 10. Лоценая керамика и некоторые датирующие вещи на памятниках типа Гриней:

1-3- фрагменты мисок; 4- фрагменты горшка; 5- обломок краснолаковой чашечки; 6- обломок бронзовой фибулы;

1,3,5- Гриней-1; 2- Решетки; 4- Змеелка; 6- Вовки

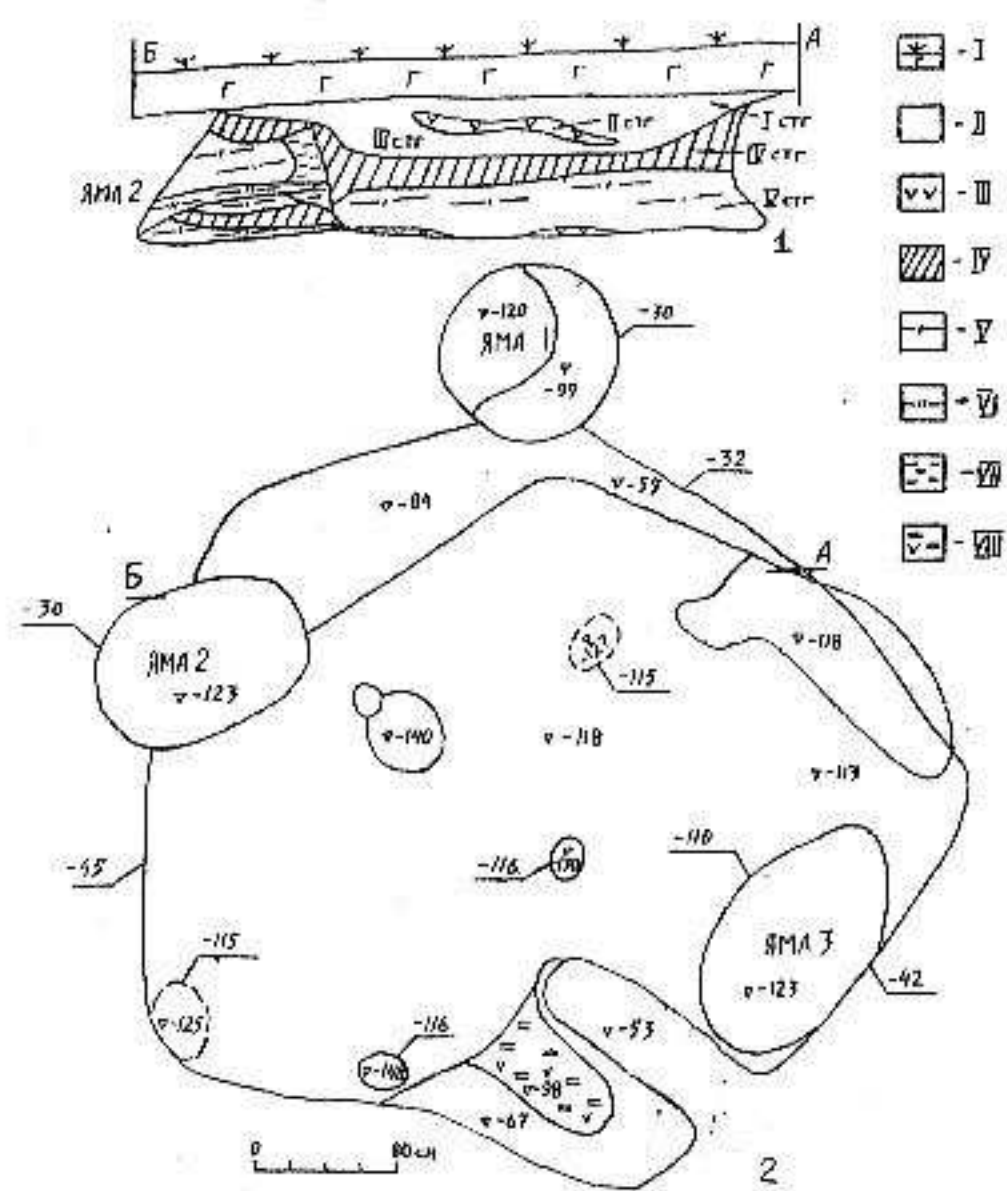

Рис. 11. План (2) и профиль (1) жилища 2 поселения Мел-5:

I- слой пашни; П- черный и темно-серый гумусированный суглинок; III- уголь; IV- светло-серый слабогумусированный суглинок; V- серо-желтый суглинок; VI- сунесь; VII- глина; УШ- под печи

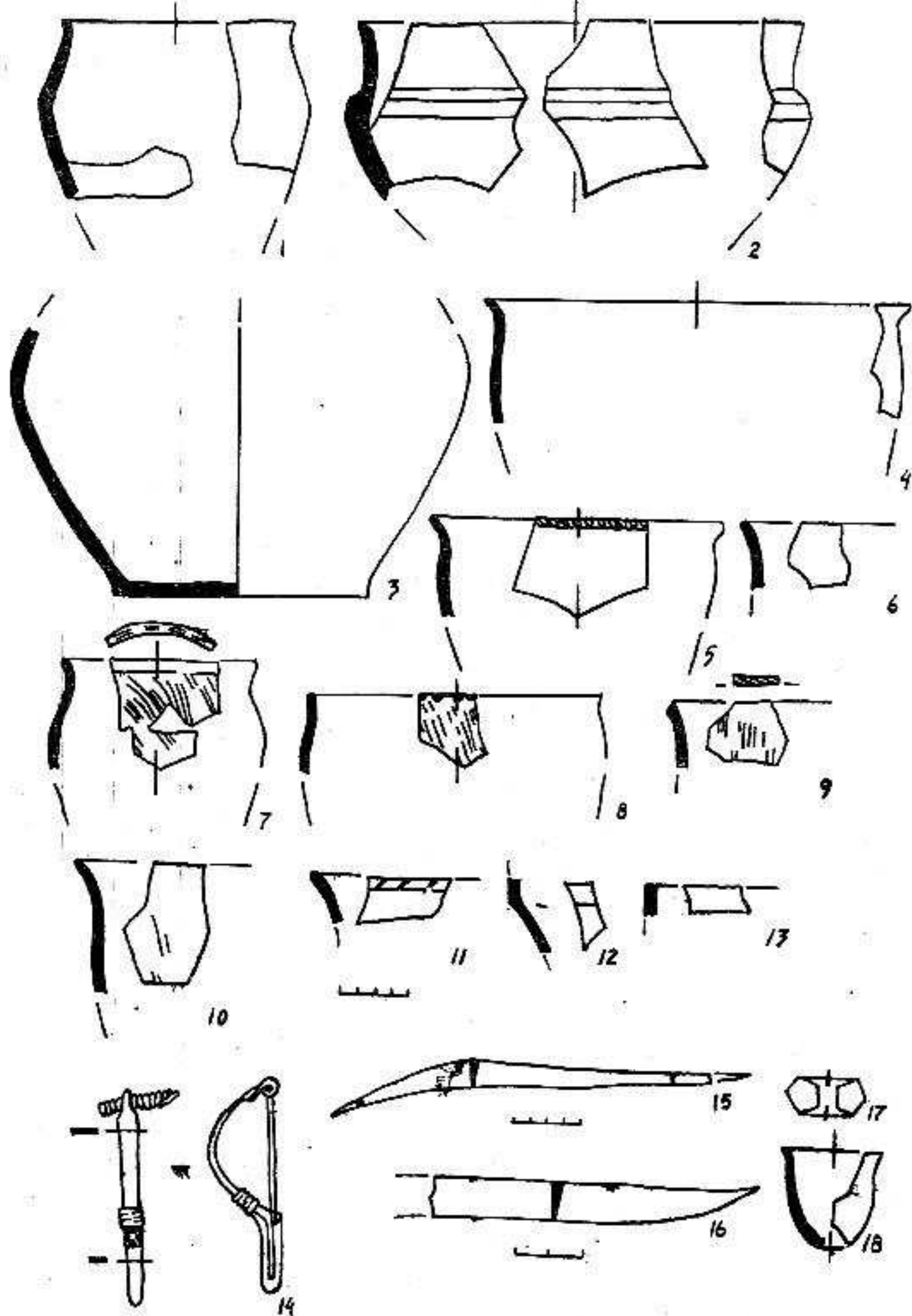

Рис. 12. Материалы жилища 2 и хозяйственной ямы 2 поселения Мена-5:

1-4, 17, 18 - У стратиграфический горизонт; 5, 6, 14-16 - IY стратиграфический горизонт; 7-13 - заполнение ямы № 2; 1, 4-6, 11 - фрагменты гладкостенных нелощеных сосудов; 7-10 - фрагменты сосудов, покрытых расчесами; 2, 3, 12, 13 - фрагменты лощеных сосудов; 14-16 - изделия из железа; 17 - глиняное нелощеное пряслице; 18 - нелощеный миниатюрный сосуд

ЗАХОРОНЕНИЯ I ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ НАГКЕЙ ЭРЫ НА ГОРОДИЩЕ У с. СЛУЧЕВСК

Скелетов жителей пхновской и последующих за ней в Подесенье культур I тыс. н.э. (почепской или позднезарубинецкой, "ниевского типа" и волочинской) практически не сохранилось из-за господствующего обряда кремации. И если этническая атрибуция пхновской культуры для большинства исследователей ясна и является восточнобалтской, то для последующих культур это вопрос не совсем ясный. А антропологические исследования для I тыс. н.э. играют еще существенную роль наряду с топонимией и типологией вещей (особенно керамики) для выяснения этнического облика населения.

В 1981-83 г. захоронения указанного периода были обнаружены Брянским отрядом Новгород-Северской экспедиции ИА АН СССР и АН УССР при раскопках многослойного городища "Городок" у с. Случевск Погарского района Брянской области. Городище расположено на высоком отроге правого берега реки Судость, в нескольких километрах от ее впадения в Десну. Оно неоднократно обследовалось, но раскопок на нем до 1981 г. не производилось. Около западной оконечности предполагаемого вала основной слой его (2,5 м) относится к пхновской культуре, верхний (1,2 м) - к роменской и древнерусской. В промежутке между ними (0,5 - 0,7 м) и обнаружены вместе с керамикой и отдельными предметами I тыс. н.э. части II скелетов людей разного пола и возраста.

Как такового слоя с остатками сооружений I тыс. н.э. на раскопках городища, общая площадь которых, правда, в силу мощности слоя равнялась всего 62 м², не обнаружено. Однако незначительные остатки ям с керамикой этого времени (рис. I, I) встречены на нижнем селении у подножия городища под роменско-древнерусским слоем. Вероятно, поселения I тыс. н.э. находились внизу, на границе поймы, а скелеты жителей могли оказаться наверху, в "городке", в силу каких-то необычных обстоятельств. Первоначальным предположением было наличие обряда ингумации у племен либо массовые захоронения во время эпидемии.

Дадим более полное описание местоположения скелетов, их поз., сопровождающих вещей и антропологических определений.

Первый скелет был найден в юго-восточном углу раскопа I. На глубине 149-183 см от 0 (северо-западный угол раскопа) находился разбросанный, предположительно, в результате перекопа, скелет, от которого хорошо сохранилась лишь часть черепной коробки. Принадлежность этого скелета женщине была определена по бронзовому спиральному височному кольцу (рис. 2), датирующемуся серединой I тыс. н. э.². Не противоречит этой дате и найденная в районе "погребения" керамика (рис. 1, 2, 8).

Второй и третий скелеты находились друг над другом в юго-западном углу прирезанного к местонахождению I-го скелета раскопа II (22 м²), на глубине 97-118 и 129-150 см. Верхний из них, по определению Г. П. Романовой, принадлежит мальчику 10-12 лет, череп которого имеет явно выраженные балтские признаки.

Тонкостенная лепная керамика, сопроводившая "погребение" 2, мало выразительна; череп и часть костей находящегося под ним "погребения" 3, принадлежащие молодой женщине или подростку, были помещены в верхнюю часть сосуда позднекиевского или колочинского типа (рис. 3)³. Кости обоих скелетов расположены хаотично.

Остальные скелеты, количество которых по черепам было первоначально определено как шесть, а после антропологических определений их оказалось 8, были набросаны друг на друга на пространстве в 2 м² в северо-восточном углу раскопа II на глубине - 215-247 см. (рис. 4). Скелеты располагались в углублении в рыхлом слое на пласте белой глины (рис. 5) толщиной в центре, под костями, 20-25 см, с южного края - 55 см, с северного - 10 см. Первый из обнаруженных на глубине 215 см скелетов № 4, лежащий лицом вверх, поверх других, головой уходил в северную стену раскопа, ногами в восточную, общая его длина превышала 210 см. Это единственный из скелетов, кости которого находились в относительном анатомическом порядке. Принадлежал он мужчине зрелого возраста. В ногах у него обнаружены 2 черепа и часть костей скелета, принадлежащие ребенку 6 лет и юноше или девушке 15-18 лет, причем затылочные кости последнего были пробиты. Остатки еще двух скелетов с черепами и части двух детских скелетов без черепов находились в 50 см южнее ног мужского скелета. Кости их были перемешаны, и полностью определить их принадлежность удалось только в лаборатории. Это были кости мужчины старческого возраста, двух детей двух-шести и трех-четырех лет (их черепов не обнаружено) и двух подростков примерно 11 и 15 лет. Некоторые черепа были раздроблены или пробиты, а в районе таза воющего мужчины обнаружен сильно окисленный предмет, напоминающий

по форме трехлопастной наконечник стрелы. Из-за плохой сохранности металла в реставрационной лаборатории ИА АН СССР реставрировать его не удалось. Между скелетами встречены маловыразительные фрагменты лепной тонкостенной, вероятно, рхновской керамики (рис. I) и глиняные грузики округленно-биконической формы с маленьким отверстием.

Судя по сопровождающему случайному (не специально положенному в могилу) инвентарю, костяки I-3 и 4-II могли относиться к разному времени, однако не надо забывать, что вторая группа скелетов находилась в небольшой яме, выбранной в рхновском слое, чем можно объяснить появление здесь вещей этой культуры.

Таким образом, костяки, обнаруженные на "Городке", принадлежат жителям, вероятно, нижнего селища эпохи позднекиевской или раннеколочинской культуры, искавшим спасения на городище рхновской культуры и погибшим здесь. Лишь некоторые из погибших небрежно захоронены в братской могиле, да и то не по характерному для этих племен обряду. Антропологические определения черепов показали, что по крайней мере один из них имел балтские признаки.

Исследования необходимо продолжить, т.е. часть даже вскрытых скелетов "уходила" в восточную, противоположную от края городища стенку раскопа. Полное вскрытие культурного слоя городища у с. Случевск наверняка прояснило бы многие спорные вопросы этнической истории I тыс. н.э., однако это затруднено из-за большой его мощности (свыше 4-х м.) и требует привлечения больших сил.

Примечания

1. Впервые упоминается в кн.: Уваров П.С. Городища и курганы. Выборка из дел Черниговского статистического комитета общества Нестера-летописца и архива графа Уварова // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда. Вып. I. М., 1906. Обследовалось в 1931 г. К.М.Поликарповичем, в 1956 г. - Ф.М.Заворяевым, в 1973 г. - Г.Н.Прониным.

2. Рыбаков Б.А. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК, 27, 1949, с.89; Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н.э. // МИА, № 5, 1941. Рис.31, I; рис.46.

3. Керамика подобного типа встречена в тех памятниках, исследованных К.А.Горюновым, П.Н.Третьяковым и В.А.Падным (Целинов Бугор, Смольянь, Посудичи, Кветунь, Хохлов Вир), которые К.А.Горюнов датирует концом IY-III вв. См.: Третьяков П.Н. Древности второй и третьей четвертей I тыс.н.э. в верхнем и среднем Подесенье // РВД-Л., 1974. Рис. II, I - 3; рис. 13, 4; Падня В.А. Древности VI-VII вв. н.э.

в окрестностях Трубчевска // РВД - Л. 1974, Рис.2, I, 5; Горюнов В.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С.22. Рис.6,3.

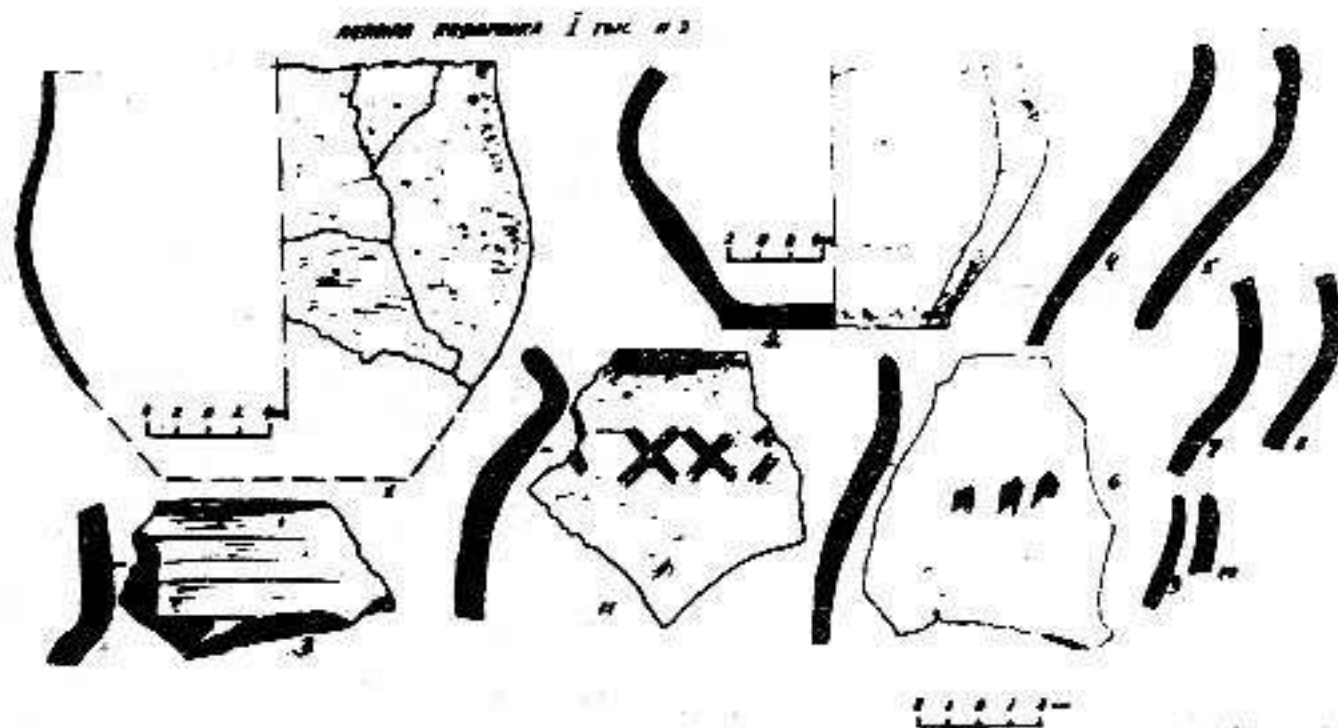

Рис. 1. Лепная керамика I тыс. н.э. из раскопок городища и селища у с. Случевск

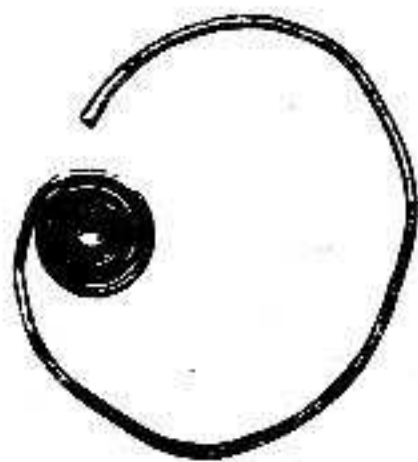

Рис. 2. Спиральное височное кольцо из "погребения" I

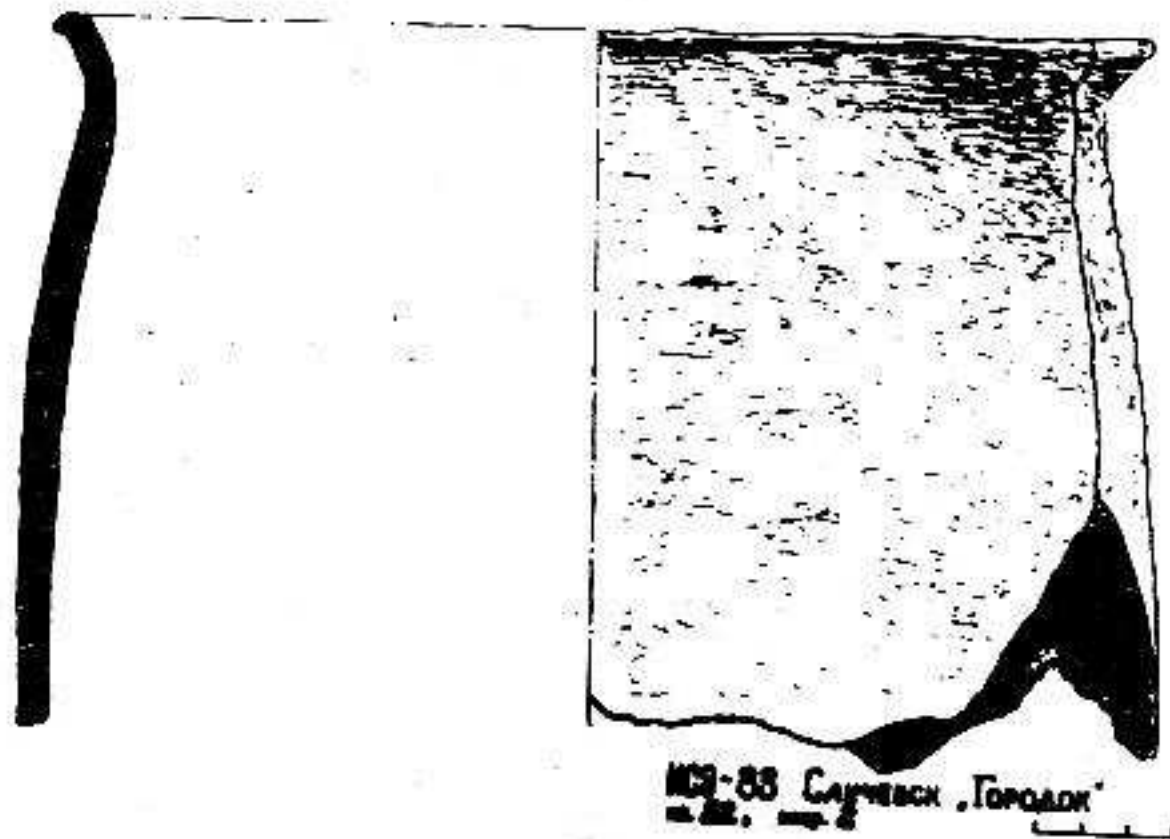

Рис. 3. Фрагмент сосуда из погребения 3

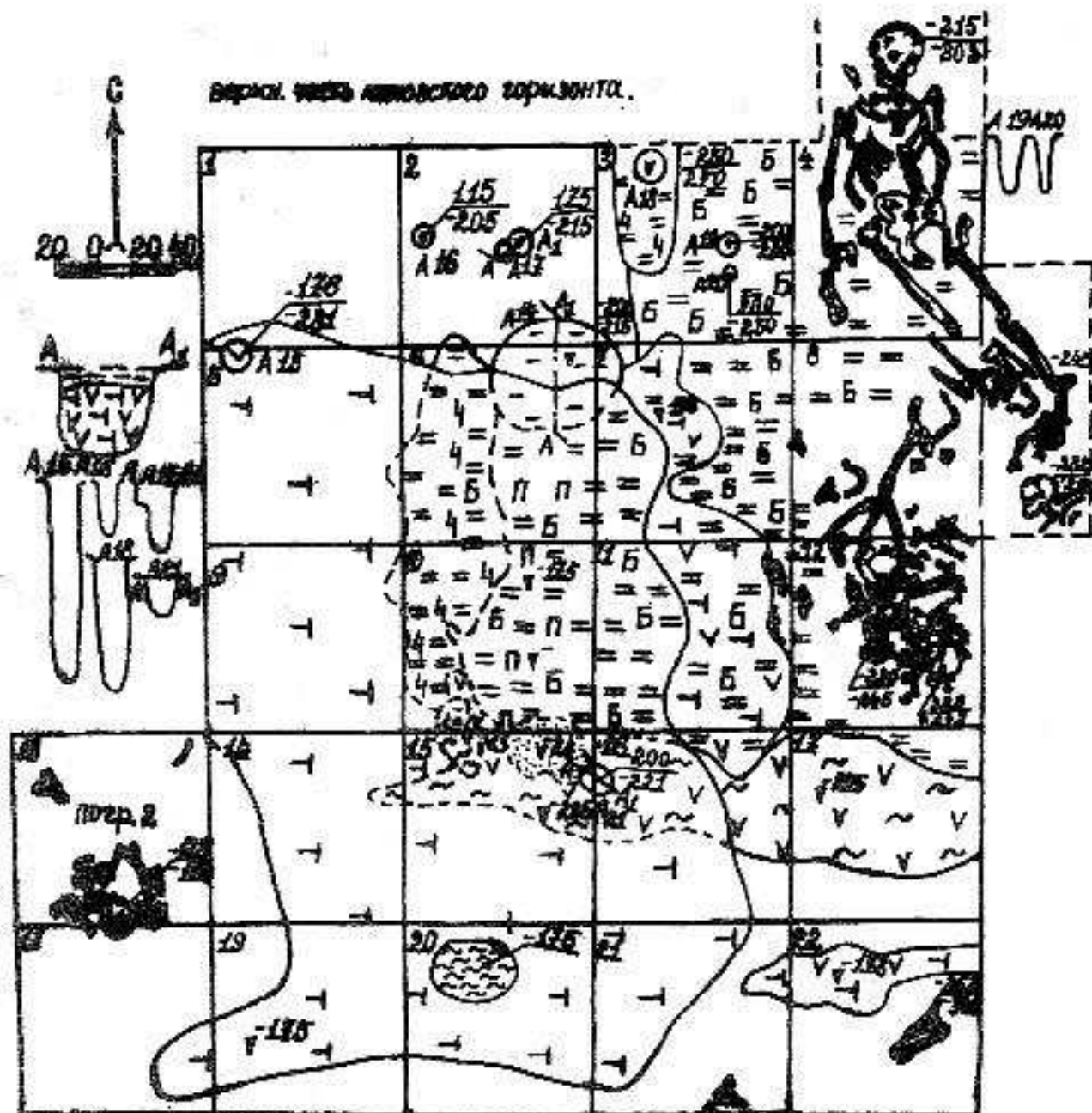

Рис. 4. План раскопа II на "Городке" на уровне погребений

ВОСТОЧНЫЙ ПРОФИЛЬ

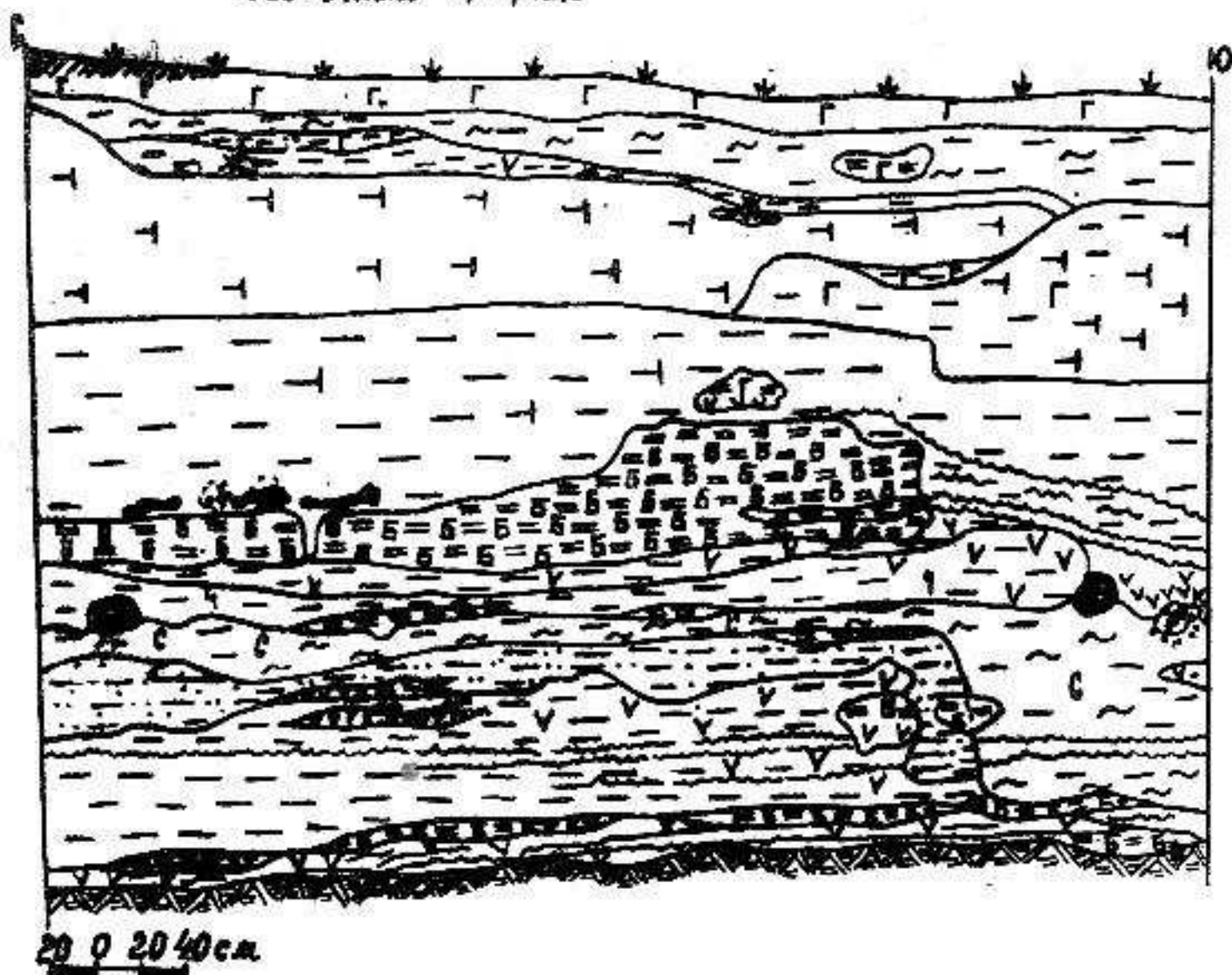

Рис. 5. Профиль восточной стенки раскопа на "Городке"

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н.Э.

В I тысячелетии происходят самые серьезные изменения в этнокультурном и социально-экономическом развитии населения Среднего Поволжья и Приуралья, определившие впоследствии формирование этнических основ практически всех коренных народов региона. В эту эпоху, получившую в науке название эпохи Великого переселения народов, местные, прежде всего финноязычные, племена вступают в активные контакты с пришлыми племенами преимущественно южного и юго-восточного, а с середины I тыс. - и юго-западного происхождения. В это же время судьбы населения края начинают отражаться и в письменных источниках, что свидетельствует о вступлении региона в письменный период истории. Обратимся в связи с этим к археологическим материалам.

Как известно, около рубежа н.э. в Среднем Поволжье, Волго-Камье и Приуралье еще продолжает сохраняться относительно стабильная обстановка, и население региона продолжает развиваться в традициях I тыс. до н.э. Лесную и северную половину лесостепной полосы продолжали занимать: на востоке, в Прикамье и бассейне Белой, - потомки ананьинских племен (пьяноборские в Камско-Бельском междуречье; кара-абзские в уфимском течении р. Белой; гляденовские в Среднем и Верхнем Прикамье и далее на север)¹; в западной части Среднего Поволжья - родственные группы населения гередецкой культуры (в южных районах и Посурье)² и культуры с текстильной керамикой дьяновского типа (в северных районах)³. Южные районы лесостепи, переходящие в степь, были кочевьями ираноязычных сармат.

В I тыс. н.э. значительная часть Старого света, прежде всего степные и лесостепные районы Евразии, переживает эпоху великого переселения народов, знаменовавшую крушение рабовладельческого общества в цивилизованных странах и сыгравшую значительную роль в переходе многих племен и народов Азии и Европы от первобытнообщинного строя к классовому обществу. Именно с этой эпохой связано создание и существование таких государств, как империя хунну в Азии⁴, а позднее владения гунов и авар в Европе⁵; тюркские каганаты в Центральной Азии и Южной Сибири⁶; варварские объединения "Великая" Болгария⁷ и "Великая" Венгрия и наиболее поздний среди них Хазарский каганат⁸.

Для всех этих образований, возникших при главенствующей роли кочевых и полукочевых племен, которые составляли основную массу населения и движущую силу рассматриваемой эпохи, характерна относительная быстрота возникновения и кратковременность существования. В большинстве случаев они возникали как организации военно-политического, а не экономического характера. Поэтому их справедливо называют варварскими государствами и в этом, очевидно, кроется первопричина кратковременности и непрочности их функционирования.

Но мы знаем и другие примеры, когда созданные как-будто бы под эгидой пришлых кочевых и полукочевых племен финальной поры рассматриваемой эпохи государственные образования сохраняли длительно свою самостоятельность. Таковы, Дунайская Болгария УП-УШ вв.⁹, Венгерское государство на Дунае в X в.¹⁰ и Волжская, или Волго-Камская, Булгария в IX-X вв. в Среднем Поволжье и Прикамье¹¹.

Образование и последующее длительное существование Болгарии и Венгрии на Дунае понятно и объяснимо, ибо они возникли в районах, где до появления кочевников существовала высокая не только в экономическом и культурном, но и политическом отношении цивилизация, уходящая корнями еще в Римскую империю. Здесь, очевидно, по образному выражению К. Маркса, сыграл свою роль тот непреложный закон истории, когда "варвары-завоеватели сами оказывались завоеванными более высокой цивилизацией покоренных ими народов"¹². Нельзя забывать и того обстоятельства, что пришедшие на Дунай древнеболгарские и древневенгерские племена уже обладали опытом создания ранних политических образований.

Несколько в иной ситуации создавалась Волжская Булгария. Как известно, она была первым государственным образованием в Среднем Поволжье и Прикамье, в тому же удаленным от древних государств и цивилизаций. Обратимся в связи с этим к истории Поволжья и Прикамья в I тыс., когда здесь наваливались силы для создания в конце эпохи стабильного и мощного государства. В течение всего этого тысячелетия Волго-Камский регион не только постоянно испытывал воздействие пришлых племен, но нередко оказывался ареной их непосредственного вторжения.

Местные племена и народы Поволжья и Прикамья еще в начале нашей эры первыми в Восточной Европе начинают испытывать давление азиатских кочевников, вошедших в азиатскую историю под именем хунну, а в ев-

ропейскую - гуннов. Первоначально имя хунну еще в I тыс. до н.э. носили монголоязычные племена Забайкалья, успешно соперничавшие и неоднократно громившие, особенно при шаньюе Модэ, Китайскую империю. Хунну были кочевниками, тесно связанными с племенами Алтая, Южной и Западной Сибири¹³. На рубеже н.э. разгромленные в результате неудачных войн, а главное, лишившиеся своих восточных кочевий хунну двинулись на запад, по пути приводя в движение различные, преимущественно тюрко-угорские и ирано-язычные племена. К первым векам н.э. эти смешанные племена достигли степей Южного Урала и древнего Устьурта. Позднеримский историк Дионисий отмечает их под 160 год н.э. за прикаспийскими сарматами севернее Аральского моря¹⁴ и называет гуннами.

Первый натиск гуннов в Европе, очевидно, испытали южноуральские племена, известные еще Геродоту под именем аргиппеев, а также позднесарматские племена Нижнего Поволжья. Часть этих смешанных племен, вобравших в свою культуру как позднесарматские, так и днепрянборские особенности, а также новые юносибирские черты, в том числе и характерное для кочевников оружие - саблевидные нагаши, сложный лук и т.п., не позже конца II века н.э. продвинулась далеко на северо-запад, в западные районы Среднего Поволжья, где II-III вв. датируется группа интересных памятников, представленная Андреевским курганом на востоке Мордовии¹⁵, Сергачевскими курганами в Горьковской области¹⁶ и Писеральским кургано-грунтовыми могильником в Марийской АССР¹⁷. Для этих памятников характерно погребение умерших на почве или в глубоких ямах, перекрытых курганобразными сооружениями, нередко сопровождающееся ритуальным захоронением головы и конечностей вола, а также богатый погребальный инвентарь - железные длинные наконечники и кинжалы, поясные наборы, украшения, среди которых встречаются и золотые и т.п. В Андреевском кургане встречены вещи и позднеримского (италийского) происхождения.

В продвижении южных, степных племен на север не позже рубежа 2-3 вв. н.э. немаловажную роль сыграли изменившиеся климатические условия, ибо, как считают палеоклиматологи, в I-III вв. н.э. степи Евразии, в том числе и Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, "становятся зоной с катастрофическими засухами, и пастбища уже не могут прокормить наличное население"¹⁸.

Подходящие к Каспийскому морю, а вскоре и к Южному Приуралью и Нижней Волге, а затем продвинувшиеся на север гунны в значительной степени восприняли местную сарматскую, а может быть, и днепрянборскую культуру. Вместе с тем они уже не позднее II или рубежа

II-II вв. значительно изменили и позднесарматскую культуру, где широкое распространение получает обрядовый погребальный обряд - труположение в глубоких ямах, нередко с цедром, северная ориентация умерших, и трупосожжение с размещением праха почти на горизонте, а также искусственная деформация черепов и т.п.¹⁹ Значительную роль начинает играть почти неизвестный до этого культ коня - символизация коня в погребениях путем помещения в могилы конской сбруи, лагана, железных пуг, а также шкуры или чучела ритуально убитого на поминках коня. Многие из этих особенностей - ритуальное погребение коня, золотые украшения с инкрустацией, распространяющийся с III-IV вв. обряд трупосожжения и т.п.²⁰ - были привнесены с востока, и поэтому, очевидно, правы те исследователи (Смирнов К.Ф., 1975; Засецкая И.П., 1977), которые считают, что в это время в составе южноуральского и нижневолжского, так же, как и ушедшего в западное Поволжье андреевско-писеральского населения, следует предполагать значительную восточную примесь из Сибири, Казахстана и Средней Азии, в том числе и ранних тюрок, входивших в состав гуннского союза²¹.

Некоторые исследователи, в частности Г.И. Матвеева²², предполагают, что не позднее рубежа II-III вв. н.э. в Среднее Поволжье и Приуралье передвигаются зарубинские или близкие им племена, заложившие основу широко распространенной здесь в V-VI вв. именьковской культуры²³. Не отвергая в целом эту интересную идею, хочется заметить, что у нас еще нет достаточных хронологических оснований для такого утверждения. Если такое движение и произошло, то оно, очевидно, совершилось несильно позднее.

В III-IV веках происходило активное воздействие ранних прибалтийцев, прежде всего носителей культуры андреевско-писеральских курганов, на местное, преимущественно финноязычное, население. В первую очередь это воздействие испытали прамарийские (азелинские) и прамордовские (кошубевско-селисенские) племена. Об этом свидетельствует, с одной стороны, активное проникновение в среду азелинских племен, особенно прибрежных, волго-камских районов, культуры коня. Так, на У Рождественском могильнике IV-V вв, исследованном в последние годы в низовьях Камы П.Н. Старостиным, на 100 погребений приходится до 40 могил с культовым захоронением так называемого частичного коня. С другой, - появление на территории расселения прамордовских племен грунтовых могильников типа Кошубевоного, Селисенского, Раженского²⁴ и др., в культуре которых отчетливо выступают и андреевско-писеральские элементы.

Во второй половине IV в. гунны, представлявшие к этому времени уже смешанные, преимущественно тюрско-угорские и ираноязычные, племена, переходят Волгу, обрушиваются на Предкавказье и Причерноморье и доходят до Подунавья и Центральной Европы, где в V в. становится известной гуннская держава Аттилы²⁵. Это был первый опыт создания собственно гуннами варварского государственного образования, главной силой которого была жесткая военная организация и дисциплина и совершенное для своего времени оружие. Гунны из всех известных кочевников первыми начали строгую организацию войска²⁶ и первыми среди всадников начали применять длинные и узкие мечи-палаши — преобразы будущего грозного оружия конницы — сабель, а также, как противовес им и стрелам с железными наконечниками, легкие кожаные и металлические пластинчатые панцири²⁷. И это не случайно, ибо, по выражению К.Маркса, "у варварского народа-завоевателя сама война является... регулярной формой общения, которая используется все шире, по мере того как прирост населения, при традиционном и естественном для него возможном примитивном способе производства, создает потребность в новых средствах производства"²⁸. Гунны и связанные с ними группы населения проникали и в более северные районы Приуралья и Поволжья. Так, под IV в. Аммиан Марцелин помещает гуннов "за Местийскими болотами у Ледовитого океана"²⁹. Типичные предметы гуннской культуры, например, массивные бронзовые котлы с коническими поддонами и высокими ручками, найдены у с.Осо-на в Ульяновской обл., с.Муслимово в Татарской АССР. Одной из пришедших групп, проникших далеко на север, в среду местных финно-угорских племен, был оставлен Тураевский курганный могильник у г.Клабуга на правом берегу Камы. Это было место погребения на рубеже IV-V вв. военных людей³⁰, скорее всего, предводителей, о чем свидетельствуют найденные в глубоких могилах под курганами с каменными набросками оружия и воинское снаряжение — железные шлемы с серебряной и золотой инкрустацией, кольчуги, длинные железные мечи с рукоятками, облепанными золотой фольгой, и многое другое.

В 70-х годах IV в. гунны, присоединив алан и других кочевников степей Поволжья и Подонья, перешли Дон и обрушились на лесостепное население, представленное как ранними славянами, так и остатками, археологически выраженными разными вариантами черняховской культуры. Первый удар кочевников пришелся по населению сейминско-днепровского левобережья Поднепровья, культура которого перестает существовать в конце IV в. н.э.³¹ Очевидно, это население и вынуждено было эмигрировать на Среднюю Волгу, где совместно с другими группами

населения заложило основы именьковской культуры. Как считают некоторые исследователи, в V-VII вв н.э. Сеймско-донецкое лесостепное днепровское левобережье превратилось в слабо заселенный район³².

Гуннское нашествие и связанные с ним социально-экономические и этнокультурные изменения отразились на исторических судьбах племен Поволжья и Урала. Очевидно, благодаря этим событиям предки ряда финноязычных народов этого края становятся известными в письменных источниках. Так, в сочинении готского монаха Иордана "О происхождении и деяниях гетов. *Getica*", написанного в VI в., но повествующего о событиях более раннего времени, упоминаются вместе с гуннами и готами племена морденс (прамордва), меренс (прамера)³³. Эти племена находились на финальной стадии первобытнообщинного строя, жили патриархальными поселениями, управлялись родовыми старейшинами, поклонялись множеству своих богов и занимались преимущественно комплексным хозяйством. Но сложная обстановка I тыс. н.э. отразилась и на них. Недаром, как в древнемордовских (Рахмисский, Селисовский и др.), так и древнемарийских (Мл. Ахмилевский) могильниках нередки захоронения воинов с оружием (железные мечи, боевые топоры, копья, наконечники стрел), а поселения этого времени имеют вид сильно укреплённых городищ-убежищ.

Одновременно наблюдаются существенные изменения и в экономической жизни. Так, у азиатских племен встречаются орудия пахотного земледелия - железные сошники и слабоизогнутые серпы. В этом сказались, очевидно, воздействие не столько пришлых кочевых, сколько пришлых земледельческо-скотоводческих племен, культура которых в Среднем Поволжье и Приуралье получила название именьковской³⁴. Памятники этой обширной культурной общности, датированные V-VII веками, выявлены от р. Белая (романовская группа) на востоке, до р. Сура (ом-пандинская группа) на западе. На севере территория распространения именьковских племен ограничивается нижним течением р. Кама (заходя и на приустьевое правобережье), на юге - Игулями.

Археологически именьковская культура характеризуется как культура оседлого земледельческо-скотоводческого населения. Об этом свидетельствуют такие широко исследованные поселения как Именьковское, Махлашевское, Ом-Пандинское³⁵ городища, а также неукреплённые поселения типа Щербетского, где при достаточно мощных культурных напластованиях выявлены остатки фундаментальных жилищ с очагами-печами и многочисленные хозяйственные ямы, содержащие остатки сельскохозяйственных припасов. Находятся зерна сельскохозяйственных культур (рожь, просо, пшеница, полба), железных наконечников деревянных

сах, а также первых в крае каменных кермонов свидетельствуют о начальной системе именьковской земледелия³⁶. Палеозоологические анализы остеологических комплексов показывают преобладание в именьковском стаде степных пород крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, наличие свиней и даже единичных особей верблюдов³⁷.

Относительно совершенные формы металлических (железных и медно-бронзовых) изделий, многочисленность и стандартизация керамических изделий служат показателем начала выделения некоторых ремесленных производств. О начале сложения товарно-денежных отношений наряду с находками поздне римских (III века - У Рождественский могильник), ранневизантийских (IV-V веков) и сасанидских (I Троице-Урайское городище) монет свидетельствуют находки медно-бронзовых слитков-стержней, которые, судя по их весовому соответствию сасанидской весовой системе, могли служить в качестве собственных денежных единиц³⁸.

В новых энеолитических условиях социальные отношения, вероятно, приобретали форму характерной для первичных фаз классового общества территориально-соседской общины. Это иллюстрируется и топографией памятников - характерной системой группировки неукрепленных поселений и кладбищ вокруг городища-убежища (Рождественский, Именьковский, Манлашеевский и др. комплексы).

Выявленные могильники именьковской культуры характеризуются обрядом трупоожжения, не свойственным для местного населения, но имеющим прежде всего западные параллели³⁹.

Очевидно, следует отказаться от поисков истоков именьковской культуры на юго-востоке и признать ее преимущественно западное и пре-западное (источники в днепровском левобережье, в зарубинецко-черняховской среде) происхождение. Следует также полагать, что именьковскими племенами была подготовлена реальная энеолитическая, возможно, и социальная, основа не только для сложения классового общества, но и для успешного развития его в последующем. Но и при этом нельзя забывать о роли других, прежде всего кочевых племен, а также создаваемых ими варварских государств.

В V-VI вв в южных районах Восточной Европы распространяются племена, известные под многочисленными именами - алациры, савиры, утигуры, хунгуры, сарагуры и т.п. Вскоре большинство их начинает выступать под единым именем болгар⁴⁰. В 463 г. посольство болгар-сарагур, прибывшее в Константинополь, сообщило о нападении на них новых кочевников, известных под именем авар. С этого времени, пе-

что сто лет, области Южного Приуралья и Нижнего Поволжья входили во владения аварских каганов. Авары — потомки тюрко-монгольских племен Центральной Азии (жуань-жуаней, или авар-аваров), в Приуралье и на Нижней Волге смешались с угроязычными огурами и стали именоваться псевдоаварами. Византийский историк начала VII в. Феофилакт Симокатта по этому поводу писал, что псевдоавары принадлежали к племенам огур, жившим возле реки Итиль. Некоторые из них называли себя вар (авар) и хуна (хунну-гуны), после объединения — вархуна (вархониты)⁴¹.

В первой половине и середине VI века в степях Центральной Азии и Южной Сибири образуется обширное полуночевое государство преимущественно тюрко-язычных, а на западе-тюрко-угорских племен, известное под именем Тюркского каганата⁴². В 555-558 гг. тюрки, или тюркюты, под водительством Истеми (Иштеми) кагана — угра (протомадьяра) по происхождению — разгромили вархонитов и псевдоавар, и те были вынуждены уйти на запад, где они, заключив союз с Византией, установили свою власть, преимущественно, в Подунавье и Паннонии⁴³.

Основная территория тюркютов, хотя они и доходили своими походами до нижней Волги, находилась далеко на востоке — в Семиречье. Поэтому, когда область Нижнего Поволжья, Прикаспийской низменности и Предкавказья освободилась от власти авар, здесь вновь возобладали огуры-болгары. Хотя в 580 г. болгары были завоеваны вновь войсками Тюркского каганата во главе с Тюрксанфом — сыном отороченного Истеми кагана, но не покорены. Известно, что во времена византийского императора Маврикия (582-602 гг.) болгары и присоединившиеся к ним угры (огуры) подняли в Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии восстание против каганата. Восстание было подавлено и, как писал Феофилакт Симокатта, "трупы восставших огуров были разбросаны на протяжении четырех дней пути".

Более успешными оказались выступления болгар в начале VII в. под водительством ханов Органа и особенно Кубрата. Последнему в первой половине VII в. удалось даже создать полуночевое государство, известное под именем Великой (Старой) Болгарии⁴⁴. Хотя основная территория этого варварского государства находилась за пределами Поволжья — в Предкавказье, между Каспийским и Азовским морями, но болгарские племена, очевидно, доходили и до Нижней Волги, а иногда поднимались и в более северные районы. Первой половиной VII века датируются довольно богатые нечеловеческие погребения у с. Знамовка в Саратовской обл., недавно открытое Безяковское погребение на Нижней Каме, знаменитое Арцибашевское погребение в бассейне Цны, ряд погребений

на территории Уфы и др. Найденные здесь вещи ближайšie аналогиимент в Предкавказье (Борисовский могильник, Кумбулта и др.).

Почти одновременно с Великой Болгарией далеко на северо-востоке Поволжья, в области между Камой, Волгой и Уралом, возникает еще одно полунечевичское объединение, которое последователи вслед за средневековыми авторами склонны называть Великой Венгрией. Это была область обитания в УП - начале IX веков мадьярских племен, далеких предков современного венгерского народа.⁴⁵ Оно было создано протемадьярскими племенами, вынужденными бежать из Западной Сибири и Южного Приуралья после подавления их неудачного восстания в 597-598 гг. против Западного Тюркского каганата. Археологически эти племена представлены памятниками так называемой кунгаренковской (вараякуповской) культуры, уходящей своими корнями в саргатскую культуру лесостепного Прииртышья и Южного Зауралья⁴⁶. В первой половине УП века протевенгры, как и протоболгары, находились еще в составе Западного Тюркского каганата и совместно с тюрками играли большую роль в политической жизни Поволжья, Южного Урала и даже Сасанидского Ирана и Византии. Древние венгры и связанные с ними другие тюрко-угорские племена, очевидно, были носителями всешего в УП-УШ вв в Западном Приуралье всемирно известного сасанидского и византийского собрания серебряных и позолоченных изделий, имеющих громадную художественную и историческую ценность⁴⁷. В целом, эта эпоха, знаменовавшая внедрение в Поволжье и Приуралье новых социально-экономических отношений, в том числе и ранних форм классовых отношений, явилась первым, но не последним, шагом по пути создания варварских государств. Но эти образования, созданные силой оружия и военной организации, не имея прочной экономической основы, быстро распадались, ибо "та форма сообщества, которая была принята осевшими завоевателями, должна соответствовать той ступени производительных сил, которую они застают ..., а если этого соответствия первоначально нет, то эта форма сообщества должна измениться сообразно имеющимся производительным силам"⁴⁸. К середине I тыс. в Среднем Поволжье и Приуралье только еще начали складываться, да и те преимущественно среди пришлых племен, те социально-экономические условия, которые могли обеспечить стабильность создаваемых варварских государств. Они созрели лишь в последней четверти этого тысячелетия, когда господствующее положение в крае начинают занимать болгарские и связанные с ними племена.

В середине УП века в степях между Волгой, Кавказом, Каспийскими и Азовскими морями усиливается племенное объединение хазар,

включившее в себя потомков гунно-болгарских племен савир, барсил и бежавших из Туркского каганата остатков некогда могущественного рода Ашина⁴⁹. Хазары, поставившие во главе своего объединения представителей знатного туркютского рода Ашина, считали себя прямыми наследниками Туркского каганата и по отношению к подчиненному им населению вели ту же данническую политику. Несмотря на это, Хазарский каганат просуществовал почти 300 лет⁵⁰, чему наряду с более глубоким тоталитарным режимом правления и принятием монотеистической религии (иудаизма) способствовало наличие в центральных районах Хазарии более прочной социально-экономической среды, обусловленной переходом значительной части кочевников, прежде всего подчиненных хазарам болгарских племен, к оседлости, созданию городов и других экономических и социально-политических центров.

Действительно, хотя около середины VII века, особенно после смерти Кубрата, хазары и разгромили Великую Болгарию, и разобщенные болгарские племена были вынуждены искать новые места обитания — тогда, например, часть болгар под водительством Аспаруха уходит на Дунай и участвует здесь в формировании Дунайской Болгарии⁵¹, — значительная часть болгар остается на старом месте. При этом одна из сильных групп — белые, или серебряные, болгары (сарагуры, барсилы), жившие в низовьях Волги и между Волгой и северо-восточным Кавказом — не только подчиняется хазарам, но на первых порах становится их экономической основой. Именно на землях этих болгар и создаются первые хазарские города Беленджер, Семендер и др.

Но почти одновременно хазарам и болгарам пришлось столкнуться с грозным соперником — арабами, которые еще в 645 г. вторгались в северо-западные кавказские земли и доходили до одного из их главных городов — Беленджера. Особенно жестокими и в ряде случаев неудачными для хазар были арабские походы в 713 и 721 гг. В 721 г. область Барсилия, заселенная преимущественно барсилами — белыми болгарами, и ее главный город Беленджер были взяты арабами и разрушены. В этих условиях значительная часть барсил и беленджерцев вынуждена была бежать в более безопасные районы Нижнего Поволжья, куда, между прочим, была перенесена в специально построенный город ал-Бейда, или Итиль, — столица Хазарии⁵².

В 735 г. огромная арабская армия в 150 тыс. воинов, возглавляемая одним из самых известных и удачливых арабских полководцев Мерваном ибн-Мухаммедом, обрушилась на Хазарию⁵³. Взяв северо-восточные кавказские и северо-западные прикаспийские области, Мерван вслед за бежавшим хаканом устремился на север к низовьям Волги и

здесь, пройдя по волжскому правобережью почти до района сближения Волги с Доном, нанес жестокое поражение не только хазарам, но и их основным данникам и союзникам — болгарам-барсилам и савирам. Одних только барсил было взято в плен около 20 тысяч человек.

В этих условиях основная масса болгаро-барсил и савир, а также остатки беленджерцев бежали на север, в более безопасные районы Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, где в VIII-IX веках начинается, а в X-XI веках завершается создание нового государственного образования, вошедшего в историю под именем Волжской, или Волжско-Камской, Булгарии⁵⁴. Археологически появление этих племен в Волго-Камье отмечается раннеболгарскими могильниками типа Кайбельского и Больше-Тарханского⁵⁵, а также рядом местонахождений характерной раннеболгарской серолощенной керамики в прибрежных районах Средней Волги, низовьях Камы и в бассейне Черемшана⁵⁶. Погребальный обряд и инвентарь этих памятников близок к обряду и инвентарю памятников северо-яв-назского, прикаспийского и волго-донского вариантов оставленной болгарскими и хазарами салтово-маяцкой культуры⁵⁷, а также к материалам вроболгарских могильников типа Нови-Пазара, Кюлевчи и других памятников в Болгарии⁵⁸. Показательно, что ранние болгары на Волге и Нижней Каме заняли примерно те же самые черноземные лесостепные районы, освоенные около середины I тыс. именьковскими племенами.

В свою очередь, основная масса именьковского населения под натиском мадьяр-венгров с востока и ранних болгар с юга, очевидно, не позже рубежа VII-VIII вв. н.э. вынуждена была покинуть Среднее Поволжье и отойти на прежнюю территорию обитания, т.е. в лесостепное левобережье Поднепровья, где в конце VII — начале VIII вв. начинают функционировать памятники волняцевского типа, удивительную близость которых к именьковской культуре неоднократно отмечал А.П.Смирнов⁵⁹. Показательно, что в волняцевской культуре, особенно керамике, проявляются некоторые черты, присущие культуре ранних болгар⁵⁶.

С самого начала своего проникновения в Волго-Камье болгаро-барсилам пришлось вступить в активную конфронтацию с воинственными протовенграми-мадьярами, создавшими в VII-VIII веках в обширных районах Западного Приуралья союз племен, известный под именем Великой Венгрии. В середине и второй половине VIII в. древневенгерские племена доходили и до низовий Камы. Об этом свидетельствуют раскопки Больше-Тиганского могильника в Татарии, погребальный обряд и инвентарь которого проявляют самые близкие аналогии материалам венгерской археологии так называемой эпохи "завоевания родины"⁶⁰ (Chalikova — Chalikov, 1981; Fodor I., 1982). Вместе с тем, в культуре этого и

близких ему памятников, выявленных в пределах восточных районов Татарии и западных районов Башкирии⁶¹, наблюдаются черты сходства с культурой ранних болгар, и это не удивительно, ибо в течение многих столетий протоболгары и протовенгры были близкими соседями и нередко выступали партнерами в различных политических ситуациях.

Около 30-х годов IX столетия болгарам, имевшим большой опыт в политической организации и уже начавшим принятие мусульманской религии, удалось разгромить протовенгров-мадьяр, которые вынуждены были отойти в Леведию, расположенную в междуречье Дона и Днепра. В этой победе болгарам активное содействие оказали прикамско-приуральские племена, входившие в круг доматовско-поломской культуры и не позднее середины IX века передвинувшиеся на Нижнюю Каму и Среднюю Волгу. Все это фиксируется началом функционирования именно с середины указанного столетия в Среднем Поволжье таких могильников как Танкеевский, Тетюшский, Хрящевский и др., среди которых особенно значительным является Танкеевский⁶², где исследовано более 1000 погребений IX-X вв. В культуре этого могильника и близких ему памятников отчетливо прослеживаются два основных компонента: 1) протоболгарский (салтаво-маяцкий) с серо- и краснелощенной керамикой, характерным набором оружия, орудий труда и украшений; 2) камско-приуральский, характеризующийся в основном лепной круглодонной керамикой и большим числом украшений. В более ранней части могильника преобладает второй компонент, в более поздней - первый.

Изгнанные булгарами и их союзниками протовенгры-мадьяры, а вслед за ними и появившиеся в Подонье печенеги, вытеснили из лесостепного Подонья на Среднюю Волгу новые группы болгаро-салтовского населения, для культуры которого была характерна гонимовидная керамика с примесью шамота и растительности и многозональным прочерченно-волнистым орнаментом. Не позднее второй половины IX века такая керамика в массе появляется на Средней Волге и Нижней Каме. Уход болгаро-салтовского населения из Подонья на Среднюю Волгу подтверждается и другими фактами - близостью форм донских салтаво-маяцких и волго-камских раннеболгарских городищ, ритуальных фигурок и т.п.

Не позже рубежа VIII-IX вв западными и юго-западными соседями волжских болгар становятся широко известные по письменным источникам буртасы, археологическая культура которых стала выявляться лишь в последние годы благодаря широкому исследованию Армиевского курганно-грунтового могильника в Пензенской области⁶³. Археологические материалы и письменные источники показывают, что буртасы были скорее всего торноязычными племенами, до рубежа VIII-IX вв обитавшими между

Южным Уралом и Аральским морем. Перейдя в Западное Поволжье, они в течение IX и первой половины X столетий находились под эгидой Хазарского каганата, все это время довольно активно соперничали с булгарами, но уже в X в. были подчинены последними. Об этом свидетельствует большое число городищ и поселений с посудой болгарского типа, выявленных в районе расселения буртас.

Так в основном завершается накопление этнического состава Волжской Булгарии, которая не позднее IX-X столетий получает свое государственное оформление и становится известной в Средней Азии и на арабском Востоке, Киевской Руси, Западной Европе. Почти все источники, как письменные, так и археологические, особенно многолетние раскопки столицы джонгольской Булгарии - Великого города (Баярсайное городище) рисуют нам эту страну как довольно монолитное государство с феодальным строем, многоплеменным населением, которое в XI-XII вв. консолидируется в общеполгарскую народность, тюркоязычную в своей основе⁶⁴.

Огромное значение в формировании этого государства, а главное в его более чем трехсотлетнем (до 1236-1240 гг.) развитии, сыграли как пришлые болгарские и близкие им племена, уже имевшие опыт создания ранних государственных образований и защиты их от внешних посягательств, так и подготовленная в предболгарское время местными и пришлыми племенами экономическая основа с устойчивым земледельческо-скотоводческим и готовым к переходу на ремесленную основу хозяйством. В этом заключается коренное отличие Волжской Булгарии от варварских государств, образовавшихся на волнах эпохи великого переселения народов. Специфика образования, многовековое устойчивое развитие, высокая городская культура, характерные особенности материальной и духовной культуры позволяют утверждать, что Волжская Булгария уже была не варварским, а типичным феодальным государством, хотя и порожденным, как и Киевская Русь⁶⁵, финалом эпохи великого переселения народов.

Неоспорима роль I тыс. н.э. и в оформлении этнических основ современных финноязычных народов края, прежде всего, морды и марийцев. Источники конца этой эпохи уже непосредственно пишут об этих народах: "... по Оце реце, где потече в Волгу, мурома язык свой, и черемиси свой язык, мордва свой язык"⁶⁶.

Примечания

1. Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III-IV вв. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угроз. М., 1972.

2. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 28. М., 1952. Он же. Железный век чувашского Поволжья // МИА. 95. М., 1965.

3. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Железный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции. Т.П. Йошкар-Ола, 1962.

4. Иностранцев К.А. Хунну и гунны; Л., 1926; Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960.

5. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. *Dabrovski K. Hunowie europejscy, protobulgarzy, chazarowie, pieczynogowie. Warszawa, 1975.*

6. *Once Z. Türk. kültür tarihi Türk tarih kurumu yayinlain-clausegi - No 42, Ankara, 1962;*

Артамонов М.И. Указ. соч.; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.

7. Артамонов М.И. Ук. соч., Ангелов Д. Образование на българската народност. София, 1961. *Once Z. Or eit.*

8. Артамонов М.И. Очерк древнейшей истории хазар. Л., 1937. Он же. История хазар. Л., 1962. *Once Z. Nagrodzka - Majchzyk T. Chazarowie // Hunowie europejscy, protobulgarzy, chazarowie, pieczynogowie. Warszawa, 1975.*

Плетнева С.А. От ночевий к городам. М., 1967. Она же. Хазары. М., 1976.

9. Ангелов Д. Ук. соч.

10. *Barta A. A IX-X századi magyar társadalom. Budapest, 1968*
Fodor J. Die große Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Budapest, 1982 г.

II. Греков Б.Д. Калинин Н.Ф. Волжская Болгария домонгольского времени // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948; Смирнов А.П. Волжские болгары. М., 1951; Халиков А.Х. Волжская Булгария. История Татарской АССР, Ч. II. Казань, 1968.

12. Маркс К. Будущие результаты Британского владычества в Индии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. М., 1983.

13. Иностранцев К.А. Ук. соч.

14. *Altheim хоупоі bei Ptolemaeus // Omagiu lui C. Daicoviciu. Bucuresti, 1960.*

15. Степанов П.Д. Андреевский курган. Саранск. 1980.

16. Спичин А.Л. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. № 25. СПб, 1901.

17. Халинов А.Х. Очерки истории населения Марийского края,...

18. Железчиков Б.Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в до н.э. - I в н.э. // История и культура сарматов. Волгоград, 1983.

19. Сиригина А.С. К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II-IV вв н.э. // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

20. Засецкая И.П. О роли гуннов в формировании культуры южно-уральских степей конца IV-V века н.э. // АСГЭ. 18. Л., 1977.

21. Баснаков Н.А. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков // Доклады VI Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964.

22. Матвеева Г.И. О происхождении именновской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

23. Старостин П.Н. Памятники именновской культуры. М., 1967.

24. Спицын А.А. Ук.соч.; Смирнов А.П. Железный век чувашского Поволжья // МИА. 95. М., 1961.

25. *Dombrowski K. Hunowie europejscy. Hunowie europejscy, przygotowalacy skazagowie, pieczynogowie. Warszawa, 1975, s. 39 i sl.*

26. Владимирцев В.А. Общественный строй монголов. Л., 1934. С. 41-43.

27. *Jankovich M. Die Pferde, Reiter Volkerstürme. München - Wien, 1968, s. 61-71. Jettmar K. Die frühen Steppen-Völker. Baden-Baden, 1964.*

28. Маркс К. Ук.соч. С. 66.

29. Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960. С. 243.

30. Геннинг В.Ф. Тураевский могильник V в н.э. (захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.

31. Археология УРСР. Т. III. С. 76.

32. Ляпушина И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. 104. 1961. С. 181.

33. Йордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* М., 1960.

34. Геннинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Казань, 1959; Старостин П.Н. Ук.соч.

35. Калинин Н.Ф., Халинов А.Х. Именновское городище // МИА.

№ 80. М., 1960; Старостин П.Н. Ун.соч.; Степанов П.Д. Ом-Пандо. Саранск, 1967.

36. Старостин П.Н. Ун.соч.

37. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1984.

38. Валеев Р.М. К вопросу о товарно-денежных отношениях болгар VIII-X вв. // Из истории ранних болгар. Казань, 1981.

39. Матвеева Г.И. Ун.соч.

40. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 79 и сл.

41. Csallany O. *Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa.* Budapest, 1956.

42. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.

43. Jettmar K. *Die frühen steppen Völker.* Baden-Baden, 1964.

44. Артамонов М.И. История хазар; *Turyski Ed. Protobulgarzy // Nipowie europejscy, protobulgarzy, chazarowie, pieczyunowie.* Warszawa, 1975. S. 173.

45. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // Советская археология. № 3. 1976; *Chaliova E., Kazakove. Le cimetiére de Tankeevka les anciens hongrois et ethnics voisines á l'Est.* Budapest, 1974.

46. Халинова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья; Казаков К.П. Кушнеренковские памятники Нижнего Прикамья // 00 исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.

47. Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Татарии. Вып. I. Казань. 1971.

48. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрения // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения Т. I. 1983.

49. Артамонов М.И. История хазар. М., 1966.

50. Артамонов М.И. Там же. Плетнева С.А. От кочевий - в городам.

51. Ангелов Д. Ун.соч.

52. Артамонов М.И. Ун.соч.

53. Там же.

54. Смирнов А.П. Волжские болгары. Греков Б.Д. Калинин Н.Ф. Волжская Болгария домонгольского времени // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948.

55. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
56. Хлебникова Т.А., Казяков В.П. К археологической карте ранней Волжской Булгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
57. Плетнева С.А. От ночевий к городам ...
58. Ваклинов С. Формирование на старо-българската култура. 1979.
59. Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1962.
60. *Chalikova E., Chalikov A., Op. cit.; Fodor, Op. cit.*
61. Халикова Б.А. Ук.соч.
62. *Halicova E., Kasakov E., Op. cit.*
63. Халиков А.Х., Валиуллина С.И. Проблемы изучения археологии Среднего Поволжья и Приуралья в Казанском университете // Страницы истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1984.
64. Халиков А.Х. Татары Среднего Поволжья и Приуралья и их происхождение. Казань, 1978.
65. Рыбанов Б.А. Киевская Русь и русские княжества. XII-XIII вв. М., 1982.
66. ЦСРЛ. Т. I. С. 5.

ИМЕНЬКОВСКИЕ МОГИЛЬНИКИ

Среди археологических культур эпохи раннего средневековья Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья значительный интерес представляет именьковская, выделенная В. Ф. Генингом тридцать лет назад¹. В изучении памятников, позднее включенных в именьковскую культуру, принимали участие А. А. Спицын, П. А. Пономарев, В. В. Гольмстен, В. Ф. Смолин, Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов, П. Д. Степанов, А. Х. Халинов, В. Ф. Генинг, Н. А. Махитов, С. М. Васюткин, Г. И. Матвеева, П. И. Старостин и другие исследователи. Исходя из имеющегося к настоящему времени материала, мы считаем, что носители именьковской культуры занимали широкий регион от Уфимского течения реки Белой — на востоке до среднего течения реки Суры — на западе; от Самарской Луки — на юге до правого берега реки Камы — на севере. Выделяются четыре локальные группы памятников — Нижнекамская (с наибольшим количеством памятников), Самарская, Сурская и Романовская. Однако нельзя думать, что эти группы территориально изолированы.

Межгрупповые территории, вероятно, были также заселены носителями именьковской культуры. В этом убедили разведочные работы шестидесятых и семидесятых годов в восточных районах Татарии. На левых притоках реки Камы (Зай, Шешма, Ин) зафиксированы отдельные селища и городища с типично именьковской керамикой. Возможно, что подобные памятники будут выявлены на других межгрупповых территориях.

Исследования на поселениях позволили установить, что ведущими отраслями в хозяйстве племен именьковской культуры были земледелие и скотоводство. Значительные успехи были достигнуты в металлургии железа и домашних ремеслах. Получены интересные материалы, характеризующие связи не только с соседними районами, но и отдаленными территориями. Раскопками на поселениях выявлены остатки жилищных и хозяйственных построек, меднолитейных мастерских, сыростных горнов и других объектов. Имеющийся материал позволяет освещать многие стороны социально-экономических отношений носителей именьковской культуры. Ряд проблем стал предметом острой дискуссии. Это прежде всего проблемы культурного своеобразия памятников именьковского круга, происхождения, этнической принадлежности и исторических судеб изучаемого населения. Спорность и нерешенность ряда вопросов, на наш взгляд,

были связаны с отсутствием могильников именьювской культуры.

Вопрос о могильниках носителей именьювского круга памятников ставился не впервые. Еще Н.Ф.Калинин, ведя обследование археологических памятников в 1948, 1951, 1952 гг. около села Рождественно Лаишевского района Татарской АССР в низовьях реки Мешы, правого притока Камы, зафиксировал ряд погребений с обрядом трупосожжения в миниаторных ямах с глиняными сосудами и остатками отдельных, побывавших в огне вещей. Эти погребения, как и культуру поселений, он был склонен связывать с восточными буртасами². Однако, используя сравнительно небольшой фактический материал, главным образом, разведочного характера, Н.Ф.Калинин включал в данную группу памятников Большеатарханский раннебулгарский могильник, а также Старокуйбышевское и Измерское мусульманские кладбища³.

В 1956-1958 гг. экспедициями Казанского филиала АН СССР и Казанского университета под руководством В.Ф.Генинга на II Рождественском могильнике было вскрыто 123 погребения с обрядом кремации⁴. Большинство исследователей тогда же было склонно рассматривать II Рождественский могильник и примыкающие к нему территориально IV Рождественское селище и Рождественское городище ("Курган") как единый комплекс памятников, оставленный одной группой населения. Многие археологи были склонны относить его к именьювской культуре. Однако А.П.Смирнов считает, что II Рождественский могильник своим происхождением и культурной принадлежностью связан не с именьювскими племенами Среднего Поволжья и Прикамья, а с волынецовскими племенами⁵.

Летом 1959 года В.Ф.Генингом⁶ было вскрыто два погребения Кущаренковского могильника. Одно из них (погребение 10) совершено в небольшой подчетырехугольной яме размером 0,6x0,65 м со ступенчатым дном, на котором зафиксирована кучка пережженных человеческих костей, а также два горшковидных сосуда (большой и малый). В заполнении погребения, у самого дна, найдена медная накладка от пояса и обломок железного ножа. В юго-западном углу встречены кости животного. Сходство этого погребения с захоронениями нижнекамской группы в размерах ям, их форме, характере помещения пережженных остатков, в керамике неоднократно отмечалось исследованиями. Второе погребение (погр.29) было совершено в черзёме (границы могильной ямы не зафиксированы) и представляло собою кучку пережженных детских костей⁷ без вещей.

Исследователи также отмечали параллели ряда вещевых находок из погребений Кущаренковского могильника (плоскодонная керамика,

некоторые формы украшений и принадлежностей костюма) с материалами именьковских памятников на Нижней Каме.

Разведной 1966 года в зоне водохранилища Куйбышевской ГЭС на юго-восточной окраине бывшей деревни Байчуга, в 6,2 км к северо-востоку от села Ташкирмень Лаишевского района Татарской АССР, на краю наддуговой террасы правого берега реки Камы зафиксировано одиночное погребение с обрядом трупосожжения (рис. 2-1). На поверхности материковой глины зафиксировано темное подчетырехугольное (75x45 см) пятно, вытянутое с севера на юг. На глубине около 40 см выявлено плоское дно ямы. В заполнении - темно-сером подзоле - на глубине 5 см была встречена кость крупного рогатого скота (определение А. Г. Петренко). На дне ямы зафиксирована кучка пережженных костей человека. Рассматриваемое погребение примыкает к I Байчугинскому селищу⁸, на котором зафиксирован культурный слой, содержащий фрагменты именьковской керамики и остатки ям (кладовок).

Летом 1972 года обнаружено полуразрушенное кремированное погребение у Старого Куйбышева, в низовьях реки Безуна, в Куйбышевском районе Татарской АССР, совершенное в небольшой яме со ступенчатым дном⁹, сопровождающееся глиняным усеченно-биконическим пряслищем и лепным плоскодонным сосудом с прикрытым устьем. Остатков пережженных костей сохранилось немного (возможно, они обрушились), однако специалистами определен возраст погребенного - 41-60 лет. Старо-Куйбышевское погребение выявлено в 20-30 м к востоку от IV Старо-Куйбышевского селища, открытого в 1946 г. Н. Ф. Калвиным¹⁰, и представляло комплекс памятников, оставленных одной группой населения.

В 1973 году на территории I Троице-Урайского селища, на правом берегу реки Камы, в Рыбно-Слободском районе Татарской АССР обнаружены остатки погребения с обрядом кремации (рис. 2-IV). Селище расположено за валом I Троице-Урайского городища на широкой (140x150 м) площадке мыса между двумя оврагами. В обнажении берега были замечены скопления мелких обломков пережженных костей человека. Небольшой (48 м²) раскоп, заложенный на мысу, где зафиксированы пережженные кости, позволил выявить остаток погребения и проследить стратиграфию памятника. Сверху до глубины около 10-12 см шел слой дерна, далее слой подзола толщиной около 20-25 см, ниже - слой красной материковой глины. В дерне и слое серого подзола были встречены фрагменты лепной именьковской керамики. Остатки погребальной ямы стали фиксироваться на глубине около 20 см от уровня современной поверхности могильника, в слое серого подзола. Судя по остаткам, яма имела полуовальную в плане форму (длина сохранившейся части около 70, ширина

около 80 см), по-видимому, вытянутую с востока - северо-востока на запад - юго-запад. На глубине около 60 см от уровня современной поверхности могильника (40 см от уровня древней поверхности) выявлено дно ямы; на сохранившейся части оно было плоским. На дне в восточной части погребения зафиксировано скеление мелких пережженных костей человека, перемешанных с угольями. Здесь же лежала бронзовая пряжка с округлой (утолщенной спереди) рамкой и длинным хоботком (рис. 3, 21). Возможно, что данное погребение является остаточным и более ранним по сравнению с I Троицко-Урайским селищем, так как перекрывается его культурным слоем.

Наши разведки на предмет поиска могильников именьковской культуры, проводимые в шестидесятые годы, особенно в зоне водохранилища Куйбышевской ГЭС, оказались малорезультативными, поэтому были продолжены раскопки II Рождественского могильника. При этом преследовалась цель не только зафиксировать новые объекты на разрушающейся части памятника, но и выявить признаки, которые позволят обнаружить новые захоронения именьковской культуры. Раскопками 1970, 1972, 1978 гг. на II Рождественском могильнике дополнительно вскрыто 60 погребений, дающих новые черты погребального обряда.

В конце 70-х - начале 80-х годов казанскими археологами П.Н. Старостяным, К.П. Казаковым открыты новые поселения и могильники именьковской культуры. Некоторые могильники подвергнуты значительным раскопкам. В 1979 году в низовьях реки Брыска, правого притока реки Камы, в Лаишевском районе Татарской АССР открыт и начал исследоваться Богородицкий могильник^{II}. В сезоны 1979-1984 гг. на могильнике вскрыто 87 погребений. Летом 1980 года в низовьях реки Утна, левого притока реки Волги, на месте бывшей деревни Махлашевки в Куйбышевском районе Татарской АССР обнаружен значительный по размерам могильник именьковской культуры, получивший наименование IV Махлашевского. На нем в 1980-1985 гг. вскрыто 178 погребений.

В 1983 году на западной окраине села Именьково Лаишевского района Татарской АССР, на краю размытой надлуговой террасы правого берега реки Камы был зафиксирован еще один могильник с обрядом трупосожжения, получивший название III Именьковского. Занимаемый им участок надлуговой террасы поднимается над уровнем поймы на 3 м и в настоящее время интенсивно размывается. Терраса сильно разрушена строительными работами, связанными с возведением водозащитных сооружений. При осмотре обнажения были зафиксированы остатки трех погребений, наполовину смытых рекой. Учитывая, что рассматриваемые захоронения погибнут, произвели их вскрытие. Около погребений бы-

ли заложены небольшие участки для вскрытия грунта и расчистки захоронений. Погребение № I совершено, по-видимому, в яме подчетырехугольной с плоским дном формы, вытянутой с северо-востока на юго-запад. На дне в северо-восточной половине погребения обнаружены жемчужные кости, угли; в южной половине — лепной плоскодонный сосуд, аналогичный именьковским. Погребение № 2, вероятно, имело овальную в плане яму с плоским дном, на котором зафиксированы пережженные кости человека. Остатки погребения № 3 обнаружены в подчетырехугольной со ступенчатым дном яме. В 20–30 м к востоку — северу — востоку от III Именьковского могильника выявлены остатки селища именьковской культуры, занимающего мыс надлуговой террасы между ручьем и рекой Камой. III Именьковский могильник находится на расстоянии 2,5 км от Богородицкого могильника и по топографическим условиям местоположения чрезвычайно ему близок.

Уже давно подмечено, что памятники именьковской культуры располагаются группами или кустами, иногда включающими по два городища и несколько селищ. Основываясь на материалах предшественников, мы включали в Именьковскую группу два городища и одно селище¹². Разведочными работами последующего периода в этой группе были открыты еще два селища — Богородицкое и II Именьковское. К ним примыкают могильники, в чем, вероятно, отражается сложная структура общественных отношений.

К.П.Казанов в 1983 году и К.А.Боговатов в 1985 г. открыли в Татарии остатки еще двух могильников именьковской культуры в низовьях реки Ахтай, левого притока Камы, около поселка Коминтерн Куйбышевского района и деревни Березовая Грива Алексеевского района.

Разведки новых именьковских могильников, а также раскопки позволили вскрыть более 400 погребений именьковской культуры, материалы которых позволяют характеризовать многие стороны обряда носителей именьковской культуры и вещевых сопровождающих комплексов. На основе имеющихся в настоящее время материалов трудно говорить о закономерностях в топографии могильников и поселений. Например, комплекс Рождественских памятников занимал край надлуговой террасы — по одной линии городище, селище и могильник¹³. Богородицкий могильник находился в 200 м к востоку — северу — востоку от Богородицкого селища, на краю одной надлуговой террасы¹⁴. IV Маклашевский могильник занимал край первой надлуговой террасы. Связанные с ним поселения именьковской культуры занимали вторую высокую террасу, и ближайшие селища находятся на расстоянии не менее 400–500 м. Поэтому можно лишь предполагать, что могильники именьковской культуры примыкают к

поселениям или находятся поблизости от них.

Внешние признаки могильников именьковской культуры, как и многих некрополей этого периода, не сохранились. Обнаружить их удалось в результате осмотров обнажений надлуговых террас, проводившихся периодически в течение многих полевых сезонов. В обнажениях террас, иногда в сравнительно мощных слоях темно-серого подзола (например, на Богородицком и IV Маялашеевском могильниках), зафиксированы скопления мелких пережженных костей человека и угля.

Еще В.Ф.Генингом были сформулированы основные черты погребального обряда именьковской культуры на материалах II Рождественского могильника: сжигание умерших в полном одеянии на стороне, помещенные остатки кремации в небольшие ямы, наличие в ямах глиняных сосудов, не являющихся урнами для сыпания праха. Эти признаки погребального обряда характеризуют все вновь открытые и подвергнутые раскопкам именьковские могильники на Нижней Каме и прилегающих районах.

Могильные ямы по своим размерам в плане сравнительно невелики (рис.2). Судя по имеющимся материалам, основная часть могил имеет длину от 60 до 100-120 см, ширину - от 60 до 80 см. Обращает на себя внимание тот факт, что размеры ям трех раскопанных могильников (Рождественского II, Богородицкого и Маялашеевского IV) почти одинаковы. Длина могильных ям, как правило, немного превышает ширину, глубина сравнительно небольшая - 60-80 см., стенки, как правило, немного скошены внизу.

Форма ям в плане различна: овальная, подчетырехугольная, треугольная и неопределенных очертаний (см.рис.2 - I-IV; VI-VIII). На всех именьковских могильниках преобладают ямы овальной в плане формы, несколько меньше подчетырехугольных, очень немного подтреугольных, в единичных случаях встречены ямы неопределенных очертаний. Днища ям - плоские, чашевидные и ступенчатые. Преобладают ямы с плоскими днищами, меньше ям с чашевидными и ступенчатыми придонными частями. О назначении нижних придонных частей ям со ступенчатым дном судить трудно. В ряде случаев они устраивались для помещения крупных сосудов. Стенки нескольких ям IV Маялашеевского могильника обожжены.

Остатки кремации в изучаемых погребениях рассыпаны по дну, около стенок или в центре могильных ям. Какой-либо закономерности в их расположении пока проследить не удастся. Ни одна из обнаруженных именьковских сосудов не использовалась в качестве урны для помещения праха, но в засыпке почти всех погребений встречаются отдельные мелкие жженые косточки. Иногда по этим остаткам фиксировались общие

контуры могильных ям в слоях темно-серого подзола. Нам представляется, что это могло произойти лишь в том случае, если остатки праха осипались где-то рядом с выходом из ям. Поэтому часть жженных костей попадала в засыпи.

Ориентировка могильных ям различна. На II Рождественском и Богородицком могильниках преобладают ямы, вытянутые с севера на юг, на IV Маклашеевском могильнике большинство ям вытянуто с севера на юг и с северо-запада на юго-восток.

На IV Маклашеевском могильнике впервые зафиксированы остатки поминальных комплексов. Летом 1983 года на участке 3-2 в раскопе УШ (на западной части памятника), на глубине 58 см от уровня современной поверхности памятника, зафиксированы остатки овальной в плане ямы (88x75 см), заполненной темно-серым подзолом, как и у погребений с обрядом трупосожжения (рис.2-У). Стенки ямы почти отвесные, дно плоское. На дне (на глубине 74 см от уровня современной поверхности) могильника выявлены лежавшие в кучке кости нижнего отдела конечностей и черепа лошади. Остатки черепа находились на костях ног. По данным А.Г.Петренко, остатки принадлежали мелкой особи (высота в холке 131 см) в возрасте 10-12 лет. Рассматриваемая яма находилась в межмогильном пространстве, но по характеру заполнения, форме и размерам напоминает ямы погребений и может быть связана с IV Маклашеевским могильником.

Возможно, что с аналогичным комплексом следует связывать остатки черепа и костей ног лошади, обнаруженные чуть раньше летом 1980 года в южной части раскопа II на участке А-6 на глубине около 80 см от уровня современной поверхности могильника в слое темно-серого подзола. Кости были частично потревожены. Но несмотря на это, удалось зафиксировать, что остатки черепа находились на костях нижнего отдела конечностей. А.Г.Петренко считает, что комплекс принадлежал тоже сравнительно мелкой лошади (высота в холке 133 см) в возрасте 8-10 лет.

Отдельные погребения именьковской культуры сопровождались жертвенной мясной пищей. Свидетельством тому являются находки "сырых" костей домашних животных, встреченные в погребениях (рис.2-Г, УП, УШ). Остатки "сырой" кости обнаружены в засыпи могильной ямы Байчугинского погребения.

В других случаях "сырые" кости встречены на дне могильных ям. Так, например, в погребении 133 II Рождественского могильника (рис.2-УП), вскрытом летом 1972 года, в большой (170x125 см) овальной в плане яме, на западной части дна, обнаружены обломки мелких пережженных костей человека.

Здесь же найдены обломки стенок лепных сосудов с примесями в тесте крупнозернистого шамота. В центральной части на дне были обломки побывавших в огне бронзовых украшений и принадлежностей костюма. Среди них следует отметить пластинчатый наконечник ремня, согнутый из листовой бронзы (рис. 3-17а) и крепившийся к поясу штифтами. В центральной части погребения стояли два глиняных сосуда - большой и малый. Малый сосуд (рис. 3-37) с блекловидными горлом и примесями крупнозернистого шамота и очень неровной бугристой поверхностью стенок. Большой сосуд (рис. 3-28) с мелкими примесями, гладкой, местами подлощенной поверхностью и подцилиндрическим горлом. Здесь же обнаружено небольшое железное шило с округлым острием и четырехгранным черешком (рис. 3-17). На дне могильной ямы рядом с малым сосудом лежала "сырая" кость мелкого рогатого скота (определение А.Г. Петренко). Обломок "сырой" кости животного был обнаружен на дне уже упоминавшегося погребения 10 Кушваренковского могильника.

В погребении 21 IV Манлашеевского могильника остатки "сырых" костей обнаружены в верхних частях заполнения глиняных сосудов. Рассматриваемое погребение (см. рис. 2-УШ) зафиксировано в яме овальной формы (110x70 см), вытянутой с севера на юг, с плоским дном и почти отвесными стенками. На дне ямы зафиксированы два глиняных сосуда (рис. 3-29, 30). В верхних частях заполнения сосудов обнаружены обломки "сырых" костей. А.Г. Петренко считает их частями передних конечностей одной особи мелкого рогатого скота. В центральной части погребения на его дне лежали мелкие обломки пережженных костей человека. На дне зафиксированы подтреугольный по форме с двумя отверстиями для подвешивания оселок из плитчатого серого песчаника (рис. 3-1); бронзовая пряжка с овальной литой утолщенной спереди рамкой (рис. 3-12), длинным нависшим немного прогнутым в середине хоботком, а также бронзовые литые "гвоздики". Три из них (рис. 3-2-3) круглые в сечении, длиной от 1,5 до 2,5 см, с округлыми головками; один с широкой круглой шляпкой (рис. 3-8), круглым изогнутым стержнем. Рассматриваемые находки имеют ближайшие аналогии в материалах погребений 20 и 24 IV Манлашеевского могильника, расположенных поблизости. Здесь же встречены две бронзовые заклепки, круглые в сечении, много изогнутые, длиной около 2 см, с расплюснутыми концами (рис. 3-6, 7), по-видимому, используемые для сирепления частей каких-то деревянных предметов; обломок костяной заполированной накладки с отверстием (рис. 3-5); бронзовые пластинчатые овальной формы накладки (рис. 3-9, 10), согнутые из двух частей и крепившиеся на ремень штифтом; бронзовая штампованная пластинчатая накладка с тремя отверстия-

ми в центре для крепления, со "сношенными" краями (рис. 3-II), характерная для так называемого геральдического стиля, начало распространения которого большинства исследователей относит ко второй половине VI столетия нашей эры. Два сосуда из погребения - плоскодонные горшки: один из них с прямой горловиной (рис. 3-29), второй с немного отогнутой (рис. 3-30). В тесте первого сосуда крупнозернистый шпат, в тесте второго - мелкие примеси.

Обращает внимание интересная деталь - наличие вместе с остатками керамики в некоторых погребениях фрагментов сосудов (днищ, стенок, венчиков и других частей). Какой-либо системы в расположении данных находок нет. Они просто сыпаны в ямы с остатками сожжения. По форме, составу теста, обработке, твердости данные фрагменты близки керамике с поселений и из могильников именьковской культуры. Следов вторичного обжига на данных фрагментах не заметно, что в какой-то степени свидетельствует о том, что эти сосуды не были в больших погребальных кострах, на которых сжигались умершие. Однако бесспорно, что данные фрагменты от сосудов, использовавшихся в погребальном ритуале, многие особенности которого нам пока не известны.

Среди жженых остатков, включающих кусочки кальцинированных костей, угли от погребального костра, встречаются отдельные вещи (бусы, обломки мелких украшений и принадлежностей костюма, а также орудий труда). На всех вещах следы пребывания в огне. Самая общая характеристика вещевое материала показывает, что в нем нет остатков оружия. Между тем исследование поселений именьковской культуры позволило выявить интересную и разнообразную коллекцию оружия, включая остатки луков, наконечники стрел, наконечники копий, обрывки железных кольчуг и т.д.¹⁶

Вместе с тем обращает на себя внимание сравнительно небольшое количество остатков орудий труда, обнаруженных в погребениях. Можно отметить лишь единичные находки небольших железных ножицков и шильев, усечённообконические пряслица, обломки оселков, изготовленных из песчаника и т.д. Раскопки поселений именьковской культуры позволили выявить разнообразную коллекцию орудий труда, связанных с земледелием, скотоводством, домашними ремеслами и изготовленных из железа, кости, бронзы, камня и других материалов¹⁷. Из-за недостатка источников трудно объяснить эти особенности в погребальном обряде изучаемого населения. Может быть, это связано с трудностями получения и обработки железа и своеобразным "бережливым" к нему отношением.

Почти в половине раскопанных погребений именьковской культуры были встречены глиняные сосуды. О прямом назначении рассматриваемой керамики судить трудно. Обнаружение в некоторых сосудах IУ Маклашевского могильника "сырых" костей животных свидетельствует об использовании сосудов для помещения пищи. Количество сосудов в погребениях различно — от одного до семи. Еще предшествующими исследователями было замечено, что погребальные комплексы включают обычно разнообразные сосуды — большие и малые¹⁸.

Ряд моментов позволяет рассматривать керамику могильников именьковской культуры как погребальную.

Во-первых, осмотр коллекции из погребений показывает, что на сосудах нет следов сработанности, ремонта.

Во-вторых, набор погребальной керамики сравнительно ограниченный: горшки (рис. 3-18, 20, 22, 23-25, 28-30), миски (рис. 3-27), банки (рис. 3-26). В погребении 8 Богородицкого могильника обнаружены две небольшие круглодонные, с вогнутым внутрь краем, чашечки¹⁹. Летом 1972 года в погребении 127 П Рождественского могильника обнаружен круглодонный лепной сосуд с блоковидной горловиной, с мелкими примесями в тесте (рис. 3-19). При раскопках поселений именьковской культуры зафиксированы "сковородки", тигли, льячки, воронки, новшечки и т.д.²⁰

В-третьих, посуда из погребений относительно меньше по размерам, по сравнению с поселенческой керамикой. При изучении поселений именьковской культуры нами уже отмечалось, что диаметр горловины горшковиной посуды колеблется от 5-7 см до 45-50 см, а диаметр горловины сосудов П Рождественского могильника не превышает 22 см²¹. Близкая по размерам Рождественской керамика обнаружена на других могильниках.

Как уже указывалось, среди сосудов из погребений именьковских могильников по наиболее общим признакам выделяются горшки, миски, банки, чашечки. В количественном отношении преобладают горшки различных пропорций с прямыми, блоковидными и коническими горловинами, меньше мисок и банок, в единичных экземплярах встречены чашечки. Учитывая, что в печати готовится специальная статья, посвященная именьковской керамике, технологии ее изготовления, здесь лишь заметим, что в основных чертах керамика разных могильников Нижнекамской группы близка между собой, а также обнаруживает сходство с керамикой поселений.

Таковы основные черты погребального обряда и некоторые особенности вещевого материала могильников именьковской культуры Нижнекамской группы.

Могильники именьковской культуры довольно специфичны. В Самарской и Сурской группах погребения пока не открыты. Выше мы уже отмечали, что выявление именьковских могильников — дело довольно трудное. И даже целенаправленный их поиск может быть длительным. Поэтому отрицать бытование аналогичного обряда у носителей Самарской и Сурской групп преждевременно.

В.Ф.Генинг был склонен видеть сходство погребений II Рождественского могильника именьковской культуры с погребениями Петропавловского могильника на горе Удмуртии²², раскопанного и ныне полностью опубликованного В.А.Семеновым²³. Девять из двадцати семи погребений Петропавловского могильника совершены по обряду кремации²⁴. Однако следует заметить, что петропавловские кремированные погребения отличаются от именьковских отсутствием сопровождаемых сосудов. Кроме того, петропавловские погребения совершены в ямах, близких по форме и размерам ямам с обрядом труположения. Наконец, в большинстве случаев на петропавловских вещах из погребений с кремацией отсутствуют следы действия огня. Последнее обстоятельство говорит о сжигании умерших без вещей. Эти факты свидетельствуют о значительных различиях в особенностях погребального обряда.

Предшествующие именьковской культуры Среднего Поволжья и Приуралья тоже не имеют аналогичных по вещам и обряду захоронений.

Дискуссия о конкретных источниках носителей именьковской культуры идет со времени ее выделения. А.П.Смирнов до конца был убежденным сторонником генетической связи именьковской культуры с городищской²⁵. В.Ф.Генингом, а позднее А.Х.Халиковым и другими исследователями высказывалась идея о восточных параллелях в основных истоках именьковской культуры. Я также разделял эту точку зрения. Однако вопрос о прародине именьковской культуры поныне остается спорным и нерешенным. Поиски восточных аналогий, особенно материалы, полученные экспедициями в последние годы, не дают убедительных результатов. Археологическими исследованиями в Западной Сибири и Приуралье пока не выявлены аналогичные именьковским комплексы.

С интересной и смелой гипотезой в отношении происхождения именьковской культуры в последние годы выступила Г.И.Матвеева²⁶. Она склонна утверждать, что генетически носители именьковской культуры связаны с зарубинецкой культурой. По мнению Г.И.Матвеевой, во II в. н.э. в связи с нашествием готов значительная часть постзарубинецких племен продвинулась на Среднюю Волгу, Нижнюю Каму до реки Белой²⁷. Исследователь справедливо усматривает определенное сходство в погребальном обряде, керамике, особенностях хозяйственных и жилищных по-

строек. Однако и сегодня можно говорить о том, что данная гипотеза нуждается в подкреплении фактическими материалами, доказательствами современного уровня, включая статистику, технологический анализ керамики и т.д.

Примечания

1. Генниг В.Ф. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа // Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 году. М., 1956; Кго же. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Т.2. Казань, 1958.
2. Калинин Н.Ф. и Халинов А.Х. Итоги археологических работ 1945-1952 гг. // Труды КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань. 1954. С.44-63.
3. Там же. С.53-54.
4. Генниг В.Ф. Селище и могильник с обрядом группосожжения де-булгарского времени у с.Рождествено в Татарии // МИА. № 80. 1960; Генниг В.Ф., Стоянов В.К., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казанов В.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962. С.25-50.
5. Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории восточных болгар // Историко-археологический сборник ИГУ. М., 1962. С.161-165.
6. Генниг В.Ф. Памятники у с.Кушнаренково на р.Белой (У1-УП вв н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
7. Старостин П.Н. Погребение с остатками кремации в низовьях Камы // СА. № 2. 1975. С.105.
8. Археологическая карта Татарской АССР (Предкамье). М., 1981.
9. Старостин П.Н. Указ. раб., С.265-268.
10. Калинин Н.Ф., Халинов А.Х. Указ. раб. С.46.
11. Старостин П.Н. Богородицкий могильник // СА. 1963. № 1.
12. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1-32. М., 1967. С.10.
13. Генниг В.Ф., Стоянов В.К., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казанов В.П., Валеев Р.К. Указ. раб. С.99.
14. Старостин П.Н. Богородицкий могильник // СА. 1963. № 1. С. 194. Рис.1; С.195.
15. Генниг В.Ф., Стоянов В.К., Хлебникова Т.А. и др. Указ. раб. С.38-42.
16. Генниг В.Ф. Южное Приуралье в П-УП вв н.э. // ПАНУ. М., 1972. С.23,24.

17. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. С.21-23.
18. Генниг В.Ф., Стоянов В.К., Хлебникова Т.А. и др. Указ. раб. С.39,40.
19. Старостин П.Н. Богородицкий могильник... С.200. Рис.6,9.
20. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. С.93. Табл. 23-4,5,6,7,8. Табл.25-15; 26-23.
21. Там же. С.19.
22. Генниг В.Ф. Южное Приуралье в III-IV вв н.э. С.281.
23. Семенов В.А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976.
24. Там же. С.8-10.
25. Каховский В.Ф., Смирнов А.П. О взаимосвязи болгарских и суварских племен с местным населением Среднего Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972.
26. Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев. 1981.
27. Там же. С.71.

Рис. 1. Именьковские могильники на Нижней Каме. 1-П Рождественский могильник; 2 - Богородицкий могильник; 3 - Байчугинское погребение; 4 - погребение у I Троицко-Урайского городища; 5 - погребение около Старого Куйбышева; 6 - IУ Маклашеевский могильник; 7 - III Именьковский могильник; 8 - погребение около поселка "Коминтерн"; 9 - погребение около деревни Березовая Грива

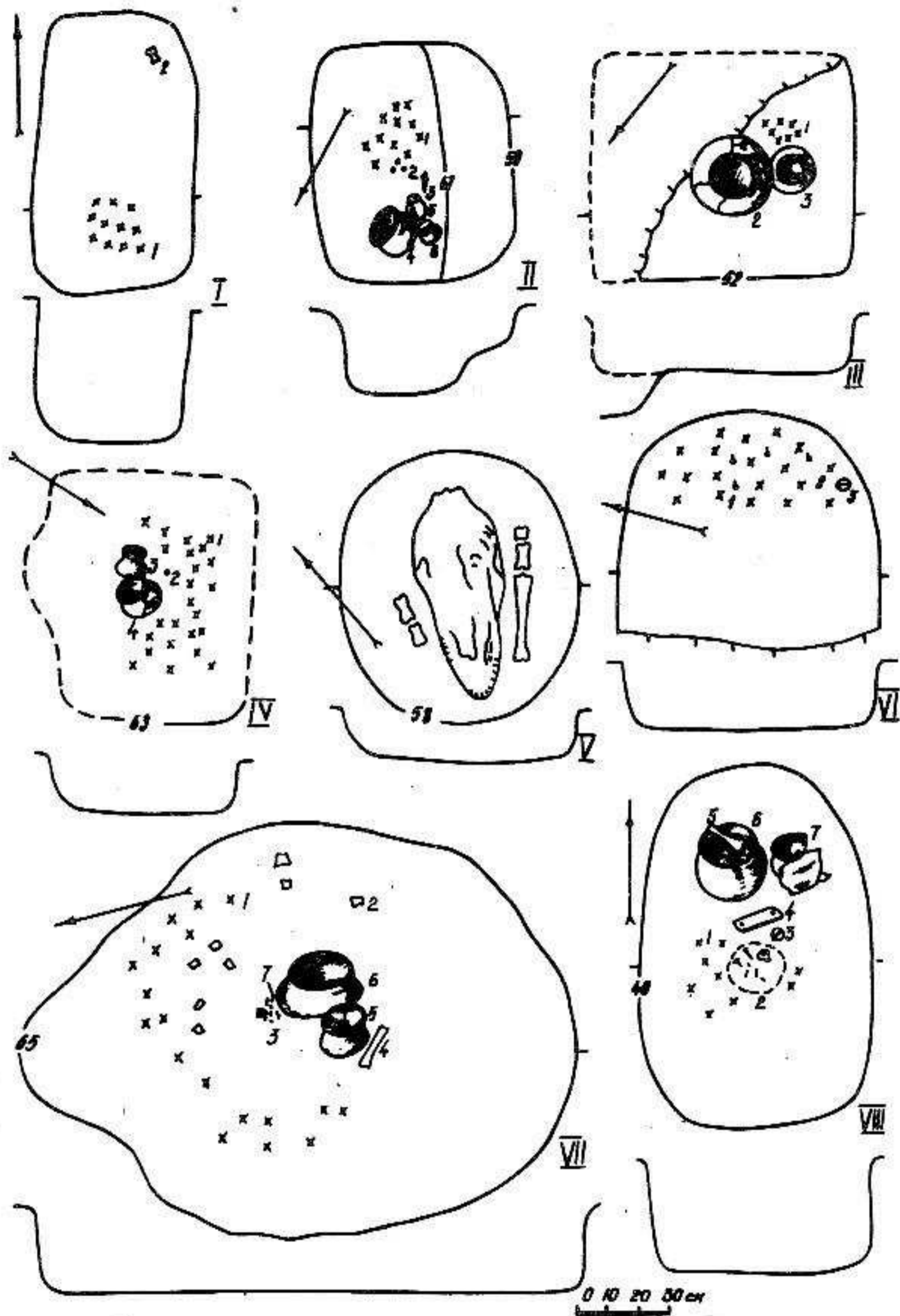

Рис. 2. Погребения в надувной кожевке;

I - Байгутинское погребение; 1 - скелетные кости; 2 - кости животного. II - погребение 125 II Рождественского могильника; 1 - скелетные кости; 2 - бусы; 3 - кон, 4-6 - сосуды. III - погребение 126 II Рождественского могильника; I - скелетные кости, 2-3 - сосуды. IV - погребение 127 II Рождественского могильника; I - скелетные кости, 2 - бусы, 3, 4 - сосуды. V - переломанная поперечная кожавка IV Меллешевского могильника. VI - погребение у I Троицко-Урейского городища; углек. - I; 2 - скелетные кости, 3 - пряжка. VII - погребение 133 II Рождественского могильника; I - скелетные кости; 2 - фрагменты керамики; 3 - остатки медных украшений; 4 - кость животного; 5, 6 - сосуды; 7 - шило. VIII - погребение 21 II Меллешевского могильника; I - скелетные кости, 2 - остатки медных и костяных предметов, 3 - пряжка, 4 - осколок, 5 - кость животного; 6, 7 - сосуды

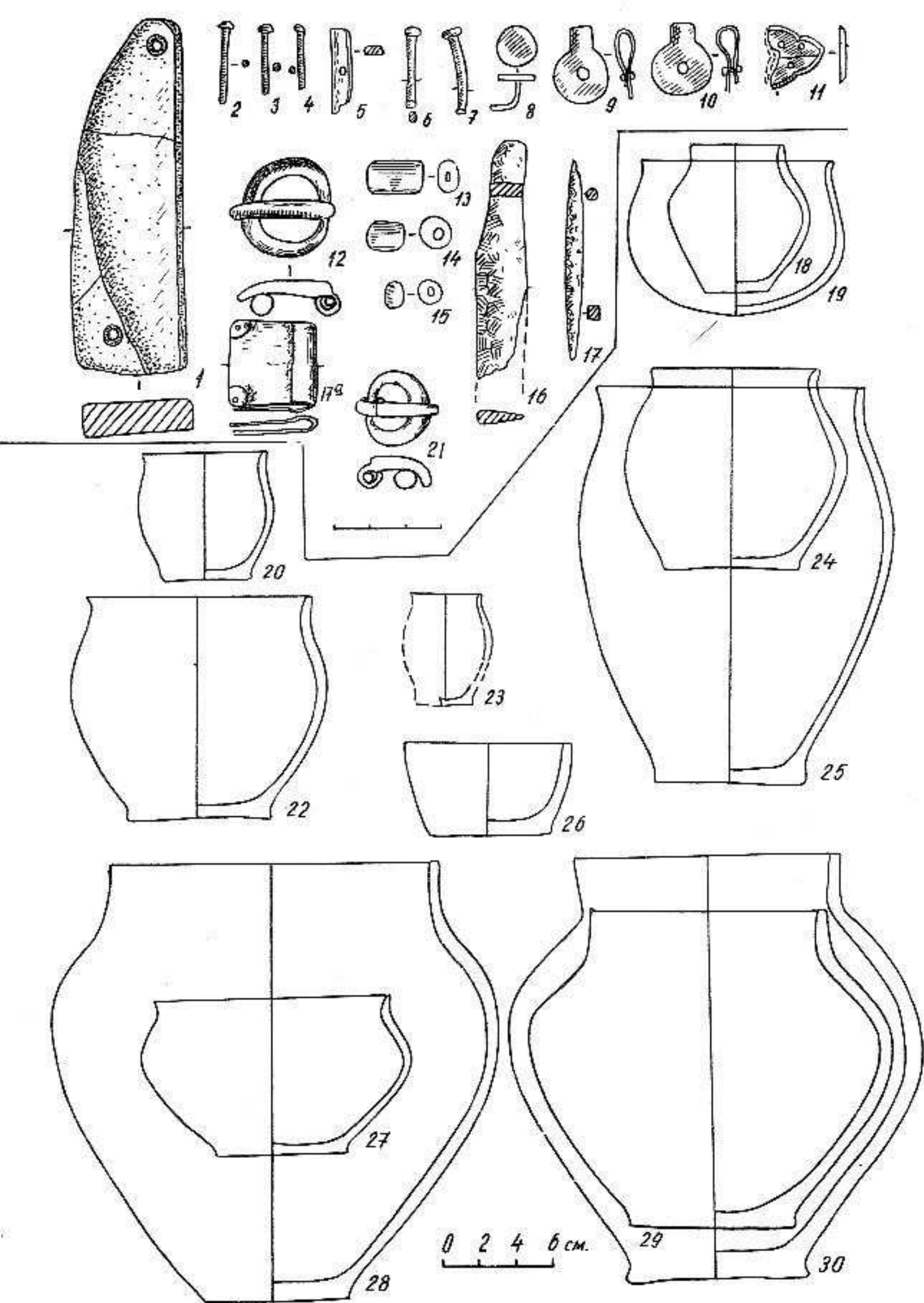

Рис. 3. Находки из погребений: 1-12, 29, 30 - находки из погребения 21 IV Маклашеевского могильника; 13, 14, 16, 20, 22, 23 - находки из погребения 125 II Рождественского могильника; 15, 18, 19 - находки из погребения 127 II Рождественского могильника; 17, 17а, 27, 28 - находки из погребения 133 II Рождественского могильника; 24, 25 - сосуды из погребения 126 II Рождественского могильника; 26 - сосуд из погребения 106 IV Маклашеевского могильника. 1 - камень; 2-12, 21 - бронза; 13-15 - стекло; 16, 17 - железо; остальное - керамика

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ НА ГОРОДИЩЕ ЛБИЩЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МИКРОСКОПИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Материал городища Лбище занимает особое место среди раннесредневековых древностей Среднего Поволжья. Специфика его определяется прежде всего выразительным керамическим комплексом. С городища происходит значительное число целых форм сосудов, что вообще довольно редко для поселений. Многие формы представляются не совсем обычными для памятников раннего средневековья Среднего Поволжья.

Предварительное знакомство с морфологическими особенностями керамики позволяет выделить две большие группы посуды, условно названных горшковидными и мисковидными. Внутри каждой из этих групп наблюдается значительное разнообразие форм, размеров посуды, способов обработки поверхности.

Незначительность вещевого инвентаря и его некоторая аморфность, с одной стороны, и обилие и разнообразие форм глиняной посуды, с другой, — выдвигают изучение керамики на одно из основных мест. Анализ ее может проводиться по нескольким направлениям: изучение форм посуды, орнамента, технологии изготовления. Комплексное изучение керамики позволяет исследователям отнести тот или иной памятник или группу памятников к определенной археологической культуре, выяснять вопросы происхождения и исторических судеб населения изучаемой группы памятников и т.д.

Данная статья посвящена вопросу технологии изготовления керамики. Исследование проводилось с помощью бинокулярного микроскопа по методике, разработанной А.А.Бобринским. В результате изучения следов механической обработки глины (по экспериментальным, археологическим и этнографическим данным) А.А.Бобринским были установлены устойчивые связи между определенными приемами труда и следами, которые они оставляют на поверхностях или в изломах. Анализ историко-ведческих особенностей навыков труда показал, что с их помощью возможно изучение одного из наиболее сложных процессов истории древнего населения — процесса смешения и слияния различных в культурном отношении групп населения и возникновения на их основе новых этнокультурных единиц.

Весь процесс производства керамики разделяется на три последовательные стадии, важная из них — на ступени^I (рис. I).

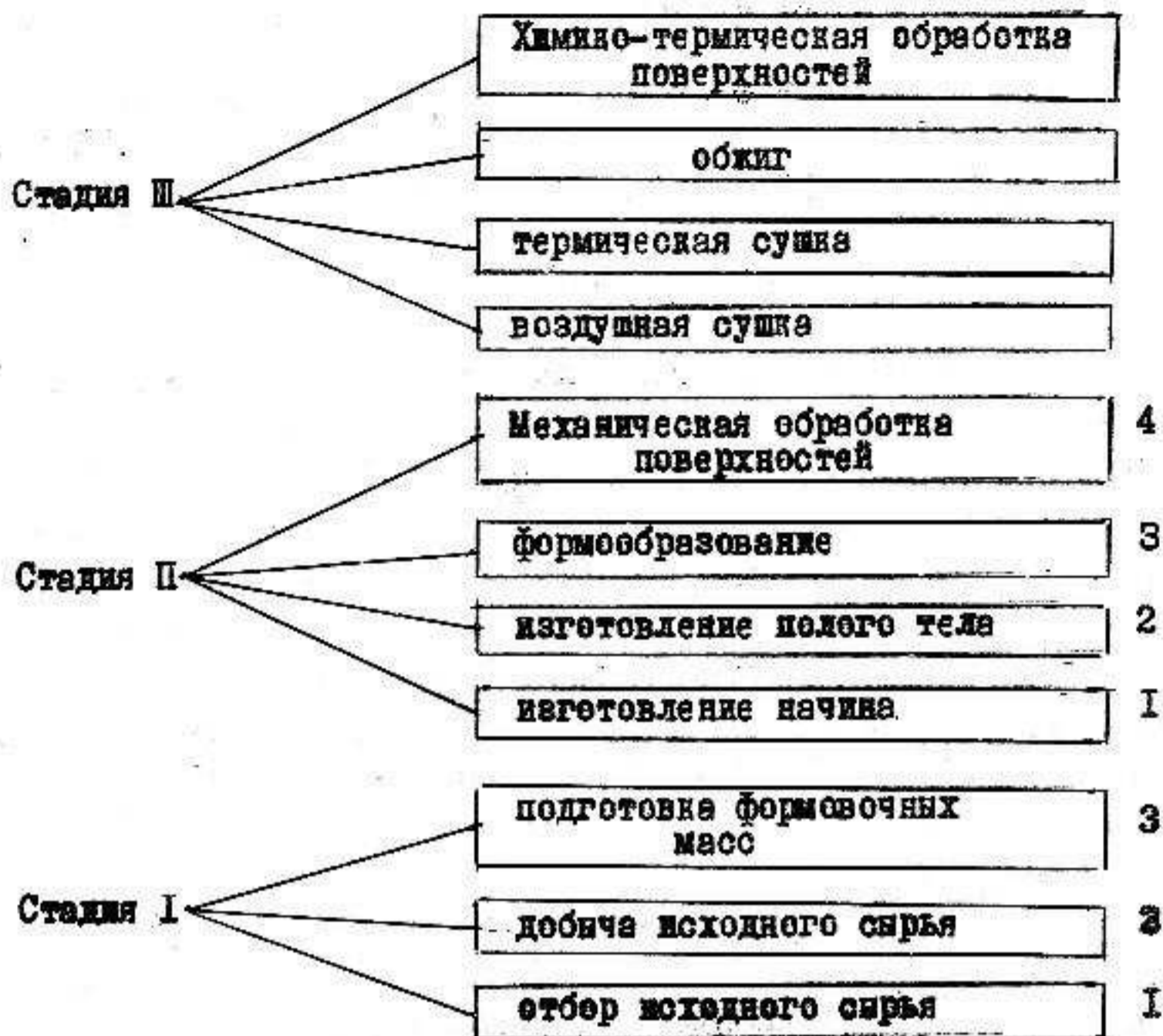

Рис. I. Структура гончарного производства

Каждая ступень - это особая узкая технологическая задача, которая возникает и решается при изготовлении керамики.

Для всех ступеней, доступных для изучения на современном уровне методики, были выделены характерные навыки труда. По способности реагировать на ситуации сменения технологических традиций все навыки разделены на приспособительные и субстратные. Приспособительные навыки способны очень быстро реагировать на само возникновение и начало развития процессов сменения (приемы отбора сырья, составления формовочных масс, обработки поверхностей), а субстратные, напротив, даже в условиях сменения обладают большей устойчивостью и сохраняют свою старую качественную специфику в течение жизни нескольких поколений гончаров (способы формообразования, конструирования полового тела и начинки)².

К настоящему времени, в силу состояния методики, не все ступени гончарного производства доступны для изучения по керамическим находкам. Керамике гончаров Лбище оказалось возможным проанализировать по следующим ступеням: стадия I - ступень I (отбор исходного

сырья); ступень 3 (подготовка формовочной массы); стадия II - ступень I (изготовление начинки); ступень 2 (изготовление полого тела); ступень 4 (механическая обработка поверхности).

Для исследования было отобрано 490 сосудов, из них 62 целых, а остальные представлены более или менее значительной частью формы, не дающей полного профиля. Почти все имеющиеся на городище целые формы были в той или иной мере подвергнуты технологическому анализу. Анализ исходного сырья и формовочных масс проводился по всем сосудам, анализ отдельных элементов конструирования - по 98 сосудам, и только 69 сосудов оказалось возможным проанализировать по полной программе.

Ниже приводятся результаты технологического анализа.

Анализ исходного сырья проводился по двум направлениям: сравнительное изучение цвета глины, обожженной в окислительной среде, и определение состава естественных минеральных примесей. По-первому признаку на городище Дбище было зафиксировано использование двух видов глины: ожелезненной легкоплавкой и нежелезненной тугоплавкой. Нежелезненная глина в чистом виде не применялась, ее использовали в качестве добавки к ожелезненной. В изломе черепка она фиксируется по округлым включениям кремового цвета. Концентрация ее в общей массе черепка невелика и составляет 1:4 - 1:5. Преобладает использование ожелезненной глины. Из 490 сосудов 453 (92,4%) изготовлены из ожелезненной глины, остальные - из смеси двух глин.

И естественных минеральных включений в глине можно отметить мелкий песок (с диаметром зерен 0,5 - 0,9 мм), бурый железняк и включения известняка оолитовой формы. По характеру минеральных включений глины условно разделяются на высокопластичные (концентрация песка 1:7-1:9) и среднепластичные (концентрация песка 1:5-1:6). Ожелезненные глины представлены как высокопластичными, так и среднепластичными. Среди изделий из ожелезненной среднепластичной глины выделяется посуда с большим содержанием в глине оолитового известняка.

В посуде, изготовленной из смешанного сырья, ожелезненные глины всегда высокопластичные, а нежелезненные - среднепластичные (рис. 2).

Таким образом, для городища Дбище характерно использование следующих видов глины: 1) ожелезненной высокопластичной глины; 2) ожелезненной среднепластичной; 3) ожелезненной среднепластичной, засоренной включениями известняка; 4) нежелезненной глины средней

пластичности, которая использовалась только в качестве добавки к железистой глине высокой пластичности.

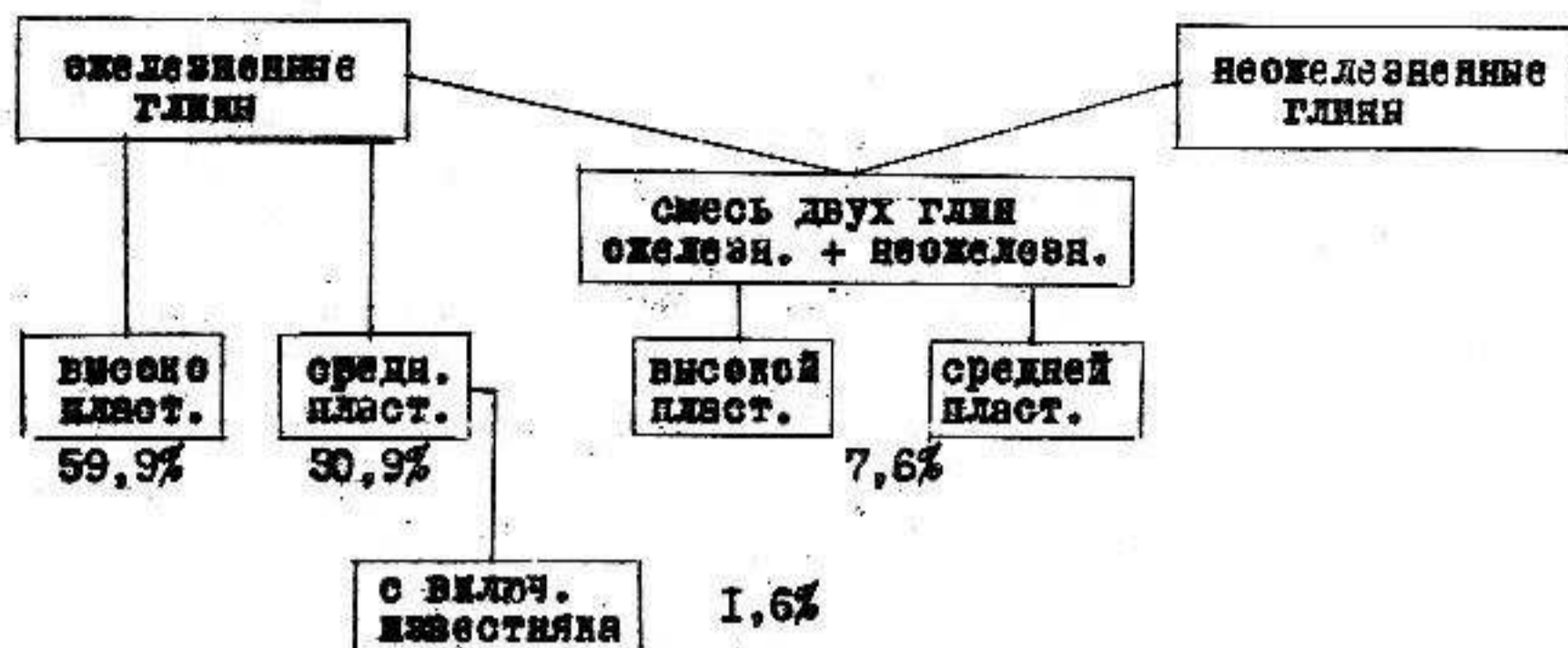

Рис.2. Отбор исходного сырья

Использование гончарами нескольких видов глин отражает неоднородный состав культурных традиций в данной области гончарной технологии. Можно предположить работу нескольких групп гончаров. Одна группа работала с железистой высокопластичной глиной, другая - с железистой глиной средней пластичности, третья использовала глиняные концентраты.

Малочисленность посуды, изготовленной из глины с примесью известняка, вероятно, указывает на чужеродность этой традиции для данного населения. Производилась ли посуда из указанной глины на месте или была привозной, пока сказать трудно. Необходимо детальное исследование глин Самарской Луки.

Традиция использования глиняных концентратов гончарами гередине Лёнце также довольно трудна для объяснения. В нашем распоряжении нет ни одного сосуда, изготовленного из нежелезистой глины. В то же время, при исследовании намота выяснилось, что в ряде случаев для его приготовления использовались сосуды из нежелезистой глины или из смеси двух глин. Из 488 сосудов, по которым определялся вид глины для намота, в 59 - (12,1%) намот изготовлен из нежелезистой глины, и 8 - (1,6%) - из смеси двух глин.

Следует отметить, что практически во всех сосудах, в которых представлен намот из нежелезистой глины или из смеси двух глин, присутствует намот и из железистой глины.

Можно предположить, что традиция отбора в качестве сырья для керамики нежелезистой глины была присуща какой-то группе населе-

ния, бытовавшей за пределами данного городища. В ходе освоения местных источников сырья и контактов с населением - носителем традиции изготовления керамики из ожелезненной глины, возникает традиция использования глиняных концентратов.

Анализ формовочных масс. Для городища Лбище зафиксированы следующие традиции подготовки формовочной массы: глина + навоз жвачных животных - 7 (1,4%) сосудов; глина + шамот + навоз жвачных животных - 450 (91,8%); глина + шамот + кооть + навоз жвачных животных - 33 (6,8%) сосудов.*

Среди указанных рецептов один простой (Г + Н) и два сложных (Г+Ш+Н и Г+Ш+К+Н). Первый из сложных рецептов возник в результате смешения традиций подготовки рецептов Г+Н и Г+Ш. Поскольку среди материалов городища не зафиксирован простой рецепт Г+Ш, можно предположить, что смешение этих традиций произошло вне истории данного памятника. На городище представлено население с уже сложившейся традицией смешения нескольких компонентов формовочных масс. Полное преобладание рецепта Г+Ш+Н отражает устойчивый характер данной культурной традиции. Малочисленность рецепта Г+Н свидетельствует, видимо, о затухании этой традиции. Пока не поддается объяснению причина введения в формовочную массу кальцинированных костей. Те же самые рецепты (Г+Н, Г+Ш+Н и Г+Ш+К+Н) обнаружены нами при анализе качественного состава шамота.

Приведенные данные характеризуют эту ступень гончарной технологии в самом общем виде. Более детальную картину можно получить, определяя концентрацию добавок и крупность минеральных примесей. В исследованных формовочных массах в качестве минеральной примеси присутствует шамот. Определив его крупность, мы зафиксировали следующие рецепты составления формовочных масс: Г+Н - 7 (1,4%) сосудов, Г+Ш₁+Н - 49 (10%), Г+Ш₂+Н - 22 (4,5%), Г+Ш₃+Н - 379 (77,4%), Г+Ш₁+К+Н - 6 (1,2%), Г+Ш₃+К+Н - 27 (5,5%) сосудов.

Значительно преобладает рецепт Г+Ш₃+Н, меньше представлены рецепты Г+Ш₁+Н и Г+Ш₃+К+Н, остальные рецепты единичны.

Связь крупности шамота и его концентрации в составе формовочной массы представлена в табл. I.

* Далее в тексте будут использоваться сокращенные обозначения составляющих частей рецептов формовочных масс: Г - глина, Ш₁ - шамот мелкий, Ш₂ - шамот средний, Ш₃ - шамот крупный, К - кальцинированная кость, Н - навоз жвачных животных.

Таблица I

Круп- шамо- та	Кон- цен- трац.	I:I-I:2		I:3		I:4		I:5 и мень- ше		Общее количе- ство
		К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	
III ₁				6	10,9	29	52,7	20	36,4	55
III ₂				5	22,7	12	54,6	5	22,7	22
III ₃		117	28,8	190	46,8	85	20,9	14	3,5	406
Общее ко- личество		117	24,2	201	41,6	126	26,1	39	8,1	483 (100%)

Для мелкого шамота характерна концентрация I:4 - I:5, т.е. на четыре - пять частей глины приходится одна часть шамота, для среднего - I:4, для крупного - от I:I - I:2 до I:4. Компонент, присутствующий во всех рецептах - навоз жвачных животных, представлен различными остатками: очень крупными, плохо переваренными частицами веток (46, или 9,4%, сосудов), отпечатками стеблей и семян травянистых растений (378, или 77,1%, сосудов) и сильно измельченными остатками травы (66, или 13,5%, сосудов).

Изучение органических примесей в керамике имеет большие перспективы. На основании их анализа, привлекая данные остеологического исследования, можно будет более определенно говорить как о составе стада, развитии различных отраслей хозяйства, так и о времени производстве керамической посуды. Пока же можно говорить о том, что использовался навоз крупного рогатого скота (по остаткам стеблей и семян травы) и мелкого рогатого скота или диких животных (лося) (по остаткам веточного корма). Труднее объяснить сильную измельченность остатков травы, в целом характерную для птичьего помета, но здесь отсутствует наиболее показательный его признак - наличие отпечатков пуха. Вполне возможно, что замешивание глины производилось на выжимке из навоза. Эти факты известны в этнографии³. Концентрация навоза в составе формовочной массы колеблется от I:3 до I:5.

Несмотря на многочисленность рецептов, массовой является традиция составления рецепта Г+III₃+Н. Это свидетельствует о культурной однородности традиций на данной ступени гончарной технологии. Мы можем говорить только о сложной предыстории возникновения этой однородности, которая еще не завершилась, о чем свидетельствует, в частности, наличие "простого" рецепта Г+Н.

Использование разной концентрации шамота допустимо рассматривать как косвенное указание на разпыленность производства посуды по многим хозяйствам. Это не противоречит доремесленному характеру производства, когда посуда изготовлялась и использовалась в среде населения, связанного родственными отношениями.

Способы конструирования начинов. Создание начина - первая ступень непосредственного конструирования керамики. Особая ценность начинов как источников исторической информации состоит в том, что в условиях сменения различных технологических традиций начинны способны сохраняться в течение жизни нескольких поколений гончаров⁴.

Изучение начинов включает в себя сведения о программах конструирования и особенностях приемов непосредственного изготовления начинов при том или ином состоянии технологической структуры. В качестве показателей состояния технологической структуры служат сведения об объеме работы, выполняемой в рамках определенной ступени, и числе решаемых при этом узких технологических задач⁵. По этому признаку можно выделить производства с недифференцированной структурой (все или большая часть задач решаются одновременно) и с дифференцированной структурой (каждая задача решается отдельно). Уменьшение объема работы, выполняемой при конструировании начина, рассматривается как проявление дифференциации структуры.

По городу Луизице способы конструирования начина анализировались по 70 сосудам. Выделено две программы конструирования: донная и донно-емкостная.

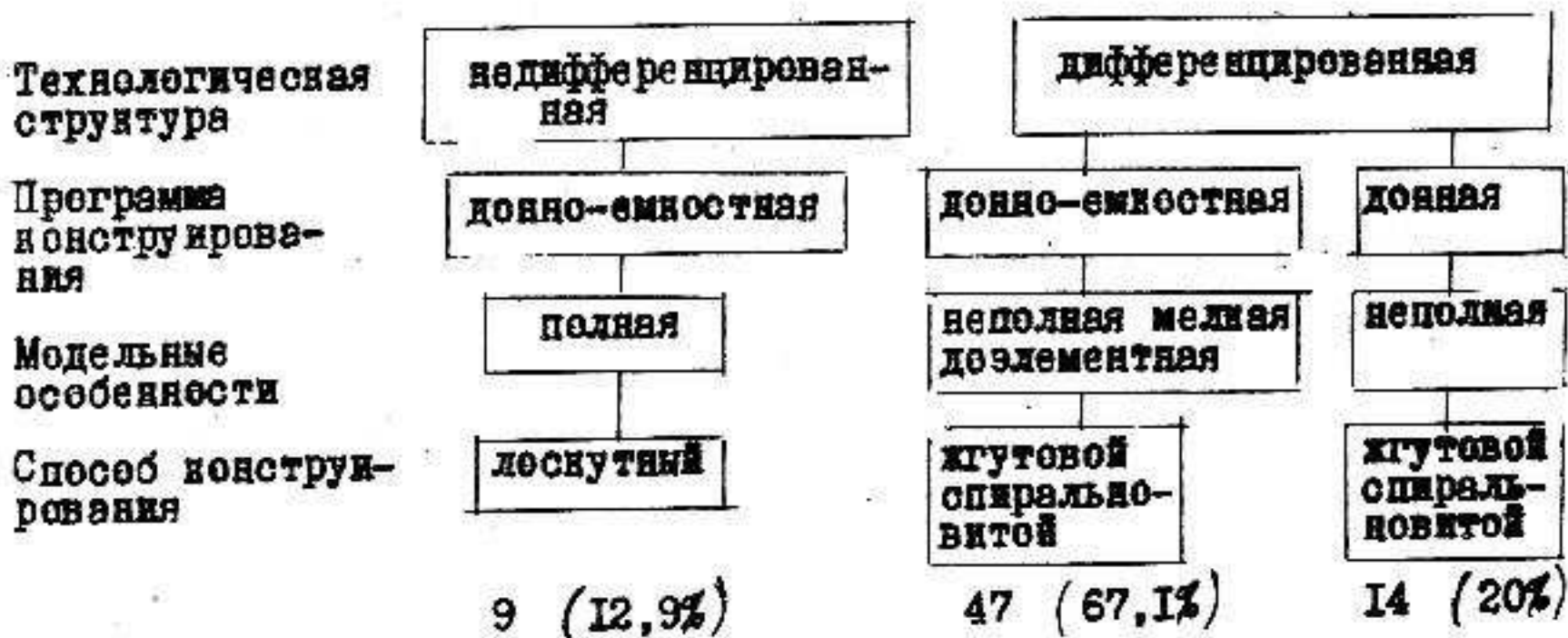

Рис.3. Способы конструирования начинов и состояние технологической структуры

Донные начинны относятся к группе составных спирально-витых (20% от общего числа исследованных сосудов). В пяти случаях донные

начины дополнительно выбивались колотушкой. Здесь налицо смешение культурных традиций. Донно-емкостные начинны делятся на полные и неполные. К полным относятся начинны, при изготовлении которых производился весь объем работы по созданию емкости сосуда. Эта группа начиннов изготовлена лоскутным налепом и характеризует производства с недифференцированной структурой.

Вторая группа донно-емкостных начиннов относится к разряду неполных, по модельным особенностям — к мелким доэлементным. Начинны этой группы изготовлены спиральным налепом.

Таким образом, среди исследованного материала городища Лбище нами зафиксированы три независимых группы навыков по изготовлению начиннов. Распределяя их в порядке развития технологической структуры, мы фиксируем определенную последовательность их формирования. Наиболее архаичными представляются полные донно-емкостные начинны, изготовленные лоскутным налепом. Следующими располагаются донно-емкостные начинны, изготовленные спиральным налепом. И последними по степени дифференциации процесса стоят донные начинны, изготовленные спиральным налепом. Эта отмеченная последовательность отражает этапы сложения этих явлений, но в конкретной ситуации они могут длительное время осуществляться друг с другом.

Такое разнообразие в традициях изготовления начиннов отражает глубокую культурную неоднородность, существовавшую в прошлом у населения, оставившего городище Лбище. Вполне возможно, что в сложении культурного облика жителей городища принимали участие различные в культурном отношении группы населения. В процессе совместной жизни на городище носителей разных традиций происходило сращивание, например, традиций составления формовочных масс; но традиции изготовления начиннов, как более устойчивые, в течение длительного времени оставались неизменными. Они отражают былую культурную специфику их носителей.

Способы конструирования полого тела. Полым телом принято называть фигуру, образующуюся после завершения строительства днища и стенок будущего сосуда⁶. По способности сохраняться в условиях смешения навыков конструирования полого тела занимают второе место после начиннов.

Аналізу способів конструювання пологого тіла підверглися 96 посудів. Зафіксовано три способи конструювання: лоскутний, спіральний і кільцевий.

Посуда, виготовлена спіральним способом із жгутів, становить 19,8% (19 посудів).

Широко представлен лоскутный налеп, наиболее архаичный способ конструирования. Следует, однако, заметить, что сосуществование с более прогрессивным способом — спиральным — приводит к его эволюции. Среди исследованного материала представлена небольшая часть сосудов, изготовленных лоскутным налепом из кусочков глины (8 сосудов, или 8,3%). При изготовлении основной массы посуды лоскутным налепом применялись короткие жгуты. Вероятно, здесь мы имеем дело с тенденцией перерождения лоскутного налепа в спиральный, прогрессивный способ конструирования. Использование коротких жгутов, наращиваемых по спиральной траектории, т.е. спиралевидный лоскутный налеп, характеризует собой промежуточное состояние между лоскутным и спиральным налепом.

То же можно сказать и о кольцевом способе конструирования. Для кольцевого налепа в его чистом виде характерно использование глиняных лент⁷. Среди исследованного материала не оказалось ни одного сосуда, изготовленного кольцевым налепом с помощью лент, все они изготовлены с применением жгутов (6 сосудов, или 6,3%). Переход на новый вид исходного материала — жгуты — является проявлением эволюции кольцевого налепа под влиянием спирального.

Таким образом, на ступени конструирования полого тела мы наблюдаем значительное разнообразие традиций, что является отражением неоднородности носителей гончарных навыков, существовавшей в прошлом. Но эти традиции не были неизменными на протяжении истории их существования на городище. Эволюция лоскутного и кольцевого налепов под влиянием спирального отражает процесс смещения на данном поселении носителей различных культурных традиций в этой области технологии.

Сопоставляя данные о способах конструирования полого тела с данными о способах изготовления начинов, мы получаем следующую картину. Для сосудов с донно-емкостным лоскутным начинном характерно полое тело, изготовленное лоскутным же налепом, комковатым или спирально-лоскутным. Донно-емкостный спиральный начин сочетается с несколькими способами конструирования полого тела: спиральным из жгутов, спирально-лоскутным из коротких жгутов и кольцевым из жгутов. Для сосудов с донным спирально-витым начинном характерно полое тело, изготовленное кольцевым налепом из жгутов и спирально-лоскутным налепом из коротких жгутов, т.е. одинаковые способы конструирования полого тела сочетаются с различными способами конструирования начиннов. Эти явления отражают процесс сращивания различных гончарных традиций, что, в свою очередь, свидетельствует о глубоком смещении

разных культурных традиций в гончарстве.

Обработка поверхностей - заключительный этап работы с необожженным изделием. По способности изменяться навыки обработки поверхностей занимают третье место после навыков отбора исходного сырья и составления формовочной массы.

Среди материалов лбищенского городища зафиксировано два способа обработки поверхности: заглаживание (335 сосудов - 68,3%) и лощение (93 сосуда - 18,9%), у остальных сосудов (62, или 12,7%) способ обработки поверхности определить не удалось.

В основном обработка поверхностей производилась ручными способами и только в нескольких случаях зафиксировано использование машинно-ручного способа (использование гончарного круга для частичного заглаживания).

Заглаживание проводилось пальцами, тряпкой, кожей, деревянным ножом. В силу того, что не всегда следы заглаживания поддаются четкой идентификации, о степени распространения различных способов в местной среде судить трудно. Можно лишь отметить, что основная масса посуды заглаживалась пальцами и реже - другими способами.

Лощение проводилось, как правило, по подсушенной основе. Причем лощению редко подвергалась вся внешняя поверхность сосуда, чаще лощились отдельные его части, поэтому часто следы лощения сочетаются со следами заглаживания.

В литературе часто встречается мнение о том, что лощеная посуда делается из формовочной массы с мелкими примесями, а грубая посуда со следами заглаживания - из формовочной массы с крупными примесями⁸. Мы попытались проверить это предположение. Оказалось, что прямой зависимости между крупностью минеральных включений и характером обработки поверхности не существует (табл.2). Известна посуда, содержащая в остатке формовочной массы крупный шмот, поверхность которой залощена, и наоборот.

Таблица 2

Крупность шмота	Способ обработки		
	заглаживание	лощение	нейский
Ш ₁	24 (7,2%)	29 (32,6%)	2 (3,3%)
Ш ₂	10 (6,0%)	12 (13,5%)	-
Ш ₃	299 (89,8%)	48 (53,9%)	59 (96,7%)
общее число и %	333 (100,0%)	89 (100,0%)	61 (100,0%)

Гораздо большая зависимость наблюдается между способами обработки поверхности и концентрацией минеральных включений. Здесь намечаются две традиции: в формовочных массах лощеной посуды зафиксирована преобладающая концентрация шамота I:4 - I:5, а в посуде с заглаженной поверхностью - I:2 - I:3, реже - I:4. Причем, эта закономерность более четко проявляется для лощеной посуды, для заглаженной - концентрация шамота колеблется (табл.3).

Таблица 3

Концентрация шамота	Способ обработки		
	заглаживание	лощение	неясный
I:I; I:2	100 (30,0%)	3 (3,4%)	14 (22,9%)
I:3	156 (46,8%)	9 (10,1%)	36 (59,0%)
I:4	72 (21,6%)	43 (48,3%)	11 (18,1%)
I:5 и меньше	5 (1,5%)	34 (38,2%)	-
<u>общее число</u> <u>и %</u>	333 (100,0%)	89 (100,0%)	61 (100,0%)

Таким образом, на данной ступени гончарной технологии нами зафиксированы различные традиции, особенности применения которых часто связаны с другой деталью технологии - концентрацией минеральных включений.

Использование гончарного круга. По внешнему виду практически вся лощенская керамика относится к той группе посуды, которую в литературе принято называть "лепной", т.е. изготовленной от руки. Дело в том, что когда говорят о керамике, изготовленной с помощью гончарного круга, имеют в виду высокую степень развития его функций - РФК 4-7, т.е. такую посуду, на которой следы использования круга очень четкие. Микроскопический анализ следов позволяет зафиксировать более низкие ступени развития функций гончарного круга.

По керамике городища Лоще выделено несколько групп, изготовленных как чисто ручными способами, так и с использованием гончарного круга.

Основная масса посуды изготовлена на плоской основе - подставке. О конструкции подставки судить сложно, можно лишь отметить, что ее наличие фиксируется в основном по следам подсыпки на днищах сосудов. В качестве подсыпки использовались песок и зола.

По 14 сосудам зафиксировано использование гончарного круга. Заключение об этом делалось на основании отпечатков осей гончарного

круга на днищах сосудов, особенностей обработки придонной части, а также следов сглаживания. Поскольку следы технического происхождения на днищах сосудов, внешне оставшихся "лепными", сохраняются не всегда (в силу последующего заглаживания необожженных изделий и механического нарушения следов при использовании посуды в быту), установить реальную частоту использования гончарного круга пока затруднительно. Можно только констатировать, что данное население было знакомо с гончарным кругом. Для материалов лбищенского городища отмечено очень низкое развитие функций гончарного круга - РФК I и 2, когда он использовался в роли поворотного столика и лишь частично - для заглаживания поверхностей верхней части сосудов.

Применение гончарного круга отмечено для населения, использовавшего довольно прогрессивную технологию изготовления керамики, в основном, донно-емкостную программу конструирования начина (спиральным способом) и изготовления полого тела спиральным налепом из жгутов и спирально-лоскутным налепом из коротких жгутов. Возникает вопрос о местном или неместном характере гончарного круга. Ответить на этот вопрос однозначно нельзя. Следы его использования фиксируются на небольшом числе сосудов, изготовленных названными способами, которые не представляются изначально существовавшими на городище. Сами эти факты связываются преимущественно с мисковидными сосудами. Все это дает основание предположить, что идея гончарного круга была заимствована.

Подводя итоги исследования технологии изготовления керамики населением городища Лбище, можно отметить следующее.

На всех ступенях гончарного производства зафиксирован неоднородный состав культурных традиций. Вероятно, в сложении культурного облика населения, оставившего городище Лбище, принимали участие несколько групп населения, глубоко различных в культурном отношении (об этом свидетельствует различие в способах конструирования начинков). На протяжении истории существования городища происходило смешение и частичное сращивание культурных традиций (например, на ступенях составления формовочной массы и конструирования полого тела).

В результате этих процессов к моменту изучаемого нами этапа существования городища можно наметить начало сложения культурной однородности населения. Но эта однородность, видимо, постоянно нарушалась инфильтрацией носителей иных культурных традиций.

Дальнейшее изучение керамики городища Лбище должно, на наш взгляд, вестись по следующим направлениям: I) изучение развития

форм глиняной посуды; 2) соотнесение данных изучения форм посуды с данными технологического анализа; 3) сопоставление данных, полученных в результате исследования лбищенской керамики, с аналогичными данными по другим памятникам и археологическим культурам.

Только в результате проведения всей этой работы можно будет определить с достаточной строгостью место городища Лбище среди ранне-средневековых древностей Среднего Поволжья.

Примечания

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. С.14.
2. Там же. С.243-244.
3. Маслова Г.С. Гончарство русского населения Восточной Сибири // КСИЭ, 1962. XXXVII. С.18.
4. Бобринский А.А. Указ.раб. С.124-130.
5. Там же. С.121.
6. Там же. С. 154.
7. Там же. С.164.
8. Матвеева Г.И. О происхождении именьевской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.1981. С.62.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ II-III ЧЕТВЕРТИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НОВОЙ ЭРЫ В ЗАКАМЬЕ

За последние годы на территории Татарии и Ульяновской области, преимущественно в зоне Куйбышевского водохранилища, изучен ряд разрушенных водой памятников II-III четверти I тыс. н.э. Среди них 4 могильника или отдельных захоронения и несколько поселений.

Четыре сильно разрушенных водой селища выявлены в зоне водохранилища в Старо-Майнском районе Ульяновской области на освобожденных в результате спада воды островах в пойменной части левого берега Волги. Черноземный слой на каждом из них смыт, и материал из культурного слоя находился на ровной глинистой или суглинистой поверхности на широккой, не менее 6 га, площади. Два поселения (II и III) изучены у п. Старая Майна и два (V и VI) — у бывшего села Головкино.

Наиболее выразительный материал (рис.1, рис.2) собран на II Старо-Майнском селище, расположенном в 1,5 км в юго-востоку от райцентра. На площади 700х600 м, вытянутой по линии северо-запад-юго-восток, встречаются фрагменты лепной плоскостонной керамики с примесью шамота в тесте, биконические напрасла, железные и бронзовые изделия.

В северо-западной части селища вскрыто 23 сильно разграбленных погребения II Старо-Майнского могильника, где ориентированные на восток погребенные лежали в довольно узких (60-70 см), но длинных (до 3 м) ямах. Среди погребального инвентаря — лощенные вувшины, миски; грубые, с шамотом в тесте, горшки; железные ножи, нож; красно-пестовые бусы; круглая бляха из раковины, бронзовые изделия и т.д. Поскольку многие вещи из этого могильника хронологически соответствуют азелинским и мазунинским древностям, памятник, возможно, предшествовал имеющемуся на этом месте поселению.

Керамика с поселения — грубая, лепная, с утолщенным плоским дном — типично именьковская. По заключению Н.П.Салугиной, одна из сковородок с нависокими краями была изготовлена из ожелезненной глины с добавкой (1:5) нежелезненной глины. К смеси этих глин в концентрации 1:5 добавлен крупный шамот и в концентрации 1:6 — навоз жвачных животных. Сосуд изготовлялся с помощью навивания жгутов по спирали с последующим выдавливанием стенок.

На этом же поселении найдены биконические и овальные напрасла, иногда покрытые точечным орнаментом (рис. 2, 7, 9), а также обломок лепной черно-лощенной снаружи и гладкой внутри миски из плотного, хорошо отмученного теста, с ребристым туловом и плоским венчиком (рис. 2, 2). Возможно, миска происходит из разрушенного водой захоронения II Старо-Майненского могильника.

Остальной вещевой материал с поселения состоит из бронзовых трубчатых подвесок (рис. I, 9, 10), серьги (рис. I, 11), пряжки (рис. I, 12), накладки (рис. I, 7), подвески (рис. I, 17), серебряной подвески (рис. I, 13), железных пряжки (рис. I, 23), панцирной пластины (рис. I, 19), втулки (рис. I, 21), булавок (рис. I, 21, 22), бусины из голубого стекла (рис. I, 9), керамических изделий (рис. I, 14, 24 - 26) и т.д. Многие из этих вещей (трубчатые прошивки, бусы из голубого стекла, серебряная подвеска, напрасла, глиняные крышки и т.д.) имеют аналогии в нижекамских именьковских памятниках, изученных Г.П. Старостиным¹.

Поселение датируется бронзовой пряжкой с овальной рамкой (рис. I, 12), близкой тураевским изделиям V в., хотя и с более коротким хоботком²; железной пряжкой с овальной приемной рамкой и большим круглым щитком (рис. I, 23), имеющей сходство с пряжкой из погребения 134 Варнинского могильника, относящегося к V - первой половине VI в.³; серебряной подвеской полуовальной формы (рис. I, 13), близкой подвеске из погребения 114 конца V - VI вв. из Варнинского могильника⁴ и другими вещами.

Интерес представляет круглая в плане и усеченно-коническая в разрезе крупная поделка диаметром 4,8 см и круглым отверстием диаметром 0,8 см (рис. 4, 3). Она изготовлена из темно-синего, почти черного, стекла, по лицевой стороне которого идут волнистые ленты из белого стекла. Аналогичные изделия известны в азелинских Тетюшском и Усть-Брыскинском могильниках. Такой же предмет, определяемый в качестве навершия меча, встречен в погребении Цибилюм-I-43, датированном второй половиной V - первой половиной VI в.⁵ Не исключено, что эта находка, как и вышеописанная миска, происходит из разрушенного погребения II Старо-Майненского могильника.

III Старо-Майненское селище размером 460x360, вытянутое по линии запад-восток, расположено в 2,5 км к югу от райцентра и в 700 м к юго-юго-западу от описанного селища. На всей его площади фиксируются обломки лепной с примесью шамота в тесте керамики, кости животных, биконические напрасла. В юго-западной части памятника на глинистой

отмели выявлены три округлых в плане черноземных пятна диаметром I м каждый, видимо, от хозяйственных ям. Здесь же найден круглодротовый бронзовый браслет (рис.4, 4).

У Головкинское селище расположено в 2,5 км южнее бывшего (до затопления) с.Головкино. На вытянутой по линии север-юг площади его размером 600х300 м среди обломков лепной с примесью шамота в тесте керамики и костей животных найдены украшенная косоребристым рельефным орнаментом бусина из голубого стекла (рис.1, 1), бронзовая круглорамчатая пряжка (рис.1, 2), орнаментированное тонкой резной линией или точечными наколами напрясло (рис.1, 3), заготовки для напрасел (рис.1,5) и т.д. В целом материал этого поселения также близок к данным именьевских памятников Нижнего Прикамья.

VI Головкинское селище размером 300х180 м, вытянутое по линии север-юг, расположено в 3,5 км к югу от бывшего с.Головкино. Керамический материал его идентичен посуде V Головкинского селища. Собранные на памятнике железный трехперый наконечник стрелы (рис.1, 8), оплавленная бусина из голубого стекла (рис.1, 6), бивонические напрасла (рис.1, 15) близки к материалу отмеченных именьевских памятников⁶.

Большая группа сильно разрушаемых водой археологических памятников II - III четверти I тыс. н.э. обследована в Куйбышевском районе ТАССР. Среди них памятники у с.Полянки, в районах города Куйбышева (ТАССР), у бывшей д.Соколовки, у с.Измери, у с.Коминтерн и другие.

У с.Полянки, расположенного в 30 км к северу от п. Старая Майна, изучено III поселение и погребение. Они располагались в 0,6 км к югу от села, на коренном берегу, разделяющем поймы рек Волги и Утки. Высота сильно разрушаемого водохранилищем берега 7-10 м. На III Полянском селище исследованы две ямы и два жилища. Округлые в плане ямы диаметром около 70 см достигали глубины 140-160 см. Яма наиболее хорошо сохранившегося полуземляночного жилища имела глубину 80 см. Частично разрушенная водой, подпрямоугольная в плане, размером 3,8 х 2,8 м., она была вытянута по линии северо-запад-юго-восток, имела отвесные стенки. В юго-восточной стенке находился вход шириной 60 см. В западной половине жилища отмечен ряд развалов сосудов. Посуда поселения значительно отличается от керамики именьевских селищ. Преобладают горшки с короткой шейкой, имеющей отогнутый наружу утолщенный, округлый, нередко покрытый нарезками венчик (рис.2, 1, 3, 4). Туловище некоторых сосудов ребристое (рис. 2, 3). Диаметр сосудов по венчику от 3 до 25 см.

По заключению Н.П.Салугиной, в тесте этой посуды примешивался ша-

мет в концентрации 1:3 - 1:5, редко 1:6. В одном случае (№ 54) тесто наполовину состояло из шамотной примеси (концентрация 1:2). Другим компонентом в тесте были органические остатки (навоз жвачных животных, сильно измельченная органика возможно, птичий помет). Обычная примесь органических остатков 1:5 - 1:6; реже 1:4, 1:8.

Из других находок на поселении следует отметить обломки двух барабанообразных изделий, глиняных нагресел, стеклянную синюю бусину и железный нож (рис. 1, 39; рис. 2, 6, 8). Барабанообразные изделия, изготовленные из глины с большой примесью рыхлого шамота и органических остатков, коричневато-желтые снаружи и черные в разломе, имели диаметр 12-14 см, высоту 8 см. По центру у них находилось круглое отверстие диаметром около 2 см (рис. 1, 39).

Аналогии материалу Ш Полянского селища имеются, прежде всего, в памятниках славянского типа Куйбышевской и Ульяновской областей, датированных, предварительно, III - IV вв н.э.⁷ Как по форме, так и по орнаментации близки сосуды⁸. Представляется, что функционально близки барабанообразные изделия (рис. 1, 39) и конусообразные сосуды с поселения Славяно I.⁹ Последние напоминают находку на IV Старо-Куйбышевском (именьковском) селище (рис. 1, 40). Это изделие с заглаженной поверхностью, имея коническую форму высотой 15 и диаметром основания 14 см, в изломе было серо-коричневого цвета, с органическими примесями и шамотом в тесте. Расширенная часть его, судя по следам стертости, служила основанием, а на верхней, суженной площадке крестообразно пересекались две широкие выемчатые линии. В нижней половине изделия имелось сквозное круглое отверстие. В целом данная поделка напоминала голову животного, может быть, свиньи.

К более позднему времени относится частично разрушенное обрывом погребение, обнаруженное на Ш Полянском селище. Здесь в яме глубиной 130 см, ориентированной по линии восток-запад, расчищены потревоженные кости человека, в том числе черепа со следами искусственной деформации и окиси бронзы, кости черепа и ног лошади, ребра животного, костяная накладна на лук длиной 23,5 см и шириной 2,7 см, изготовленная, по-видимому, из плечевой кости лося и имеющая вытянуто-трапециевидную форму. Скозы концевых частей ее обработаны мелкой насечкой и нарезкой для более прочного соединения с сухожильной обмоткой (рис. 1, 42). Такие накладны на сложный лук так наз. гунянского типа в VIII вене в Среднем Поволжье и Приуралье сменяются на более мелкие овально-вытянутые костяные накладны на лук легкого типа. Вследствие этого данное захоронение, вероятно, можно датировать концом VII-VIII вв. Идентичные по размерам и форме наклад-

ни встречены в погребении II5 кушнаренковского Такталачукского могиль-
ника¹⁰.

Большое именьковское селище исследовалось в течение ряда лет у бывшей д.Соколовки. Оно расположено на заливаемой в высокую воду ровной низине. На площади в несколько га встречаются фрагменты именьковской керамики, напояла, кости животных и другие предметы. В юго-восточной части поселения, на уровне материкового суглинка, зафиксирована подпрямоугольная в плане яма полуземляночного жилища размером 4x4 м, ориентированная по линии юго-юго-запад-северо-северо-восток. Вход, видимо, находился в юго-восточной части сооружения. К северо-востоку от жилища выявлены очертания четырех округлых в плане хозяйственных ям диаметром I - I,5 м.

На именьковском селище и городище Девичий городок, расположенном в 3,5 км к запад-юго-западу от с.Измери, с 1961 года проводятся охранно-спасательные работы. В результате их собраны большие коллекции керамики и других вещей. Представляют интерес найденные здесь конусовидный блок высотой 12 и диаметром основания 11 см и железные стержневые булавки с кольцевым завершением (рис. I, 33, 34).

Глиняный конусовидный блок с заглаженной поверхностью по цвету, составу теста, форме и, видимо, по функциональному назначению близок аналогичному блоку с IV Старо-Куйбышевского селища (рис. I, 40). Однако круглое, притом не сквозное, отверстие в нем было выполнено не в поперечном, а в продольном, начиная с верхней суженной части, сечении (рис. I, 41). Железные булавки с частично перебитым круглопроволочным стержнем и приемной петлей вверху имели длину около 9 см. В петле одной из них сохранилось кольцо (рис. I, 33, 34). Подобные изделия характерны для зарубинецкой, черняховской и именьковской культур¹¹.

До разрушения городища Девичий городок водохранилищем в основании его вала прослеживалась прокладка из сплетения крупных расколотых кремневых камней.

Значительное число изделий II-III четверти I тыс. н. э. собрано на многослойном I Измерском селище, расположенном в 2,5 км на запад-юго-запад от с.Измери, недалеко от Девичьего городка. Здесь найдены бронзовые и серебряные пряжки, обоймы, накладки, подвеска. Среди них - овальнорамчатая пряжка (рис. I, 27), аналогичная поделке из II Старо-Майненского селища (рис. I, 12) и по времени, видимо, близкая к ней; пряжка, круглая рамка которой изготовлена из ромбического в сечении дрота (рис. I, 36). Именьковским временем, вероятно, можно датировать овальнорамчатую пряжку с прямоугольным щитком для ремня

(рис. I, 28) и обоймы для ремней (рис. I, 29, 37). Подобная пряжка известна с Щербовско-Островного I селища¹². IV-V вв. н.э. датирует В.Б.Ковалевская пряжки с овальным щитком (рис. I, 30). Аналогии таким изделиям она указывает, в частности, в черняховской культуре¹³. Интерес представляет подвеска в виде литой фигурки (рис. I, 35), застывшей в характерной позе стращенной лошади. Подобная фигурка известна из погребения 28 Суворовского (азелинского) могильника. Как и измерская, горбоносая фигурка конька имела выступающие уши, выраженную гриву, прижатый хвост, выгнутые задние и присогнутые в коленях передние ноги, перетяжной, видимо, имитирующий путы, жгут на линии концов ног и на спине петлю для подвешивания¹⁴.

В западной части I Измерского селища встречаются серебряные накладки III-IX вв (рис. I, 31). Здесь же на отмели, в слое глины (чернозем мощностью до 90-100 см смыт), выявлена могильная яма с черноземным заполнением размером 240x60 см, вытянутая по линии север-юг. Сохранившаяся глубина захоронения - 30 см. В южной части его у дна расчищены лежащие в беспорядке череп, ребра, трубчатые и другие кости человека.

Еще один именьевский могильник открыт в 1984 году у с. Коминтерн. В подпрямоугольной яме на глубине 60 см расчищены сложенные в кучу обожженные кости человека, около которых стояли два сосуда (рис. 3, 6 - 7). Многочисленные сосуды из размытых захоронений собраны на этом месте в 1984 году и в предыдущие годы (рис. 2, 10 - 12; рис. 3, 2 - 5). Среди них интересен экземпляр со следами, оставленными пальцами при формировании стенок (рис. 3, 2).

Судя по развитым формам именьевской керамики, особенно, крупным горшкам с цилиндрической высокой шейкой, сильно раздутым туловом, имеющим обычно наибольший диаметр по верхней трети сосуда, и дном небольшого диаметра (рис. 2, 12; рис. 3, 7), могильник может быть датирован второй половиной VI - началом VII в. Этим временем, в частности, датируются подобные сосуды из Кушнаренновского могильника¹⁵.

На расположенном недалеко от могильника II Коминтерновском (именьевском) селище собраны фрагменты керамики, идентичной именьевской по составу и технологии, но покрытой ямочным орнаментом (рис. 3, 8 - 9). Подобная посуда широко встречается в бахмутинских памятниках Башкирии¹⁶. Впервые такая керамика зафиксирована так далеко на западе, почти в 300 км от основных районов бахмутинской культуры.

Из единичных находок, вероятно, именьевского времени, следует отметить железный наконечник пахотного орудия длиной 14 и

шириной 9 см (рис. I, 38), найденный на острове у с. Иржавац. Он имел довольно мощную втулку и слабо выраженные плечики.

Все эти материалы из зоны Куйбышевского водохранилища можно распределить по нескольким хронологическим этапам.

К первому из них относятся предметы III Полянского селища. Хотя из-за малочисленности и невыразительности материала датировка его затруднена, тем не менее по керамике он может быть сопоставлен со славянскими памятниками.

Вслед за ними можно поставить материалы не рассматриваемого здесь II Старо-Майненского могильника (рис. 2, 2; рис. 4, 3), синхронного мазунинским и азелинским древностям, а также, возможно, данным городища Лбище¹⁷.

Третий этап хорошо представлен материалом типично именьковских поселений V-VI и VII вв. Г. И. Матвеева отмечала сходство аналогичных именьковских древностей с зарубинецкими и постзарубинецкими¹⁸. Однако многие существенные элементы рассмотренных памятников близки соответствующим элементам культуры в черняховских материалах. Так, сходны с черняховскими расположение и размеры именьковских поселений, обычно занимавших обширную территорию в 4-6 га на ровных невысоких припойменных террасах (Головинские, Старо-Майненские, Соколовское и другие поселения). Близки размеры и конструкции жилищ, хозяйственных ям. В керамике памятников, особенно, раннего, видимо, славянского или лбищенского этапа, фиксируются остросеребряные, иногда чашеобразные сосуды, нередко с лощением, близкие черняховским (II Старо-Майненское и III Полянское селище). На II Старо-Майненском селище встречены глиняные крышки округлой формы с мелкоямочным орнаментом по краю (рис. I, 26). На Девичьем городке и некоторых других именьковских поселениях найдены железные стержневые булавы с кольцевидным навершием, близкие черняховским (рис. I, 21, 33, 34). Типологически, а также, видимо, функционально, соотносимы с черняховскими подцилиндрические и конусовидные массивные изделия из обожженной глины (рис. I, 39-41). В частности, на Черняховском селище у с. Черепия найдено много конусовидных блоков со сквозными поперечными отверстиями высотой 13-18,5 см и диаметром у основания 7-9 см¹⁹. Общими для всех этих изделий являются массивность, конусовидная или барабанообразная форма, наличие основания и верхней части, поперечное или продольное, сквозное или частичное отверстие для палки (?), с помощью которой эта поделка должна была в каких-то случаях демонстрироваться или перемещаться. Обычно такие предметы встречаются в помещениях, что может свидетельствовать, скорее всего, о культовом их назначении.

Четвертый этап представлен в Закамье немногочисленными одиночными захоронениями воинов-всадников, с материалом конца УШ- первой половины УШ в. Это названное Полянское захоронение; найденное в 1983 г. в нескольких километрах к западу от с.Комянтера Бурановское погребение с костями коня, мечом, стремянами и многочисленными золотыми украшениями, выполненными в геральдическом стиле; указанные материалы с I Измерского селища и т.д. Не исключена кушнаренковская принадлежность этих кочевников, занявших в УШ в. широкую территорию от Южного Урала до Волги.

Где-то во второй половине УШ в. в рассматриваемые районы проникают болгарские племена с салтовским обликом материальной культуры. Если раннеболгарские могильники (Кайбельский, Больше-Тарханский, "Золотая Нива" и другие) изучены сравнительно хорошо, то до недавнего времени не были известны болгарские поселения УШ-IX вв. В последние годы выявлены, в том числе и на именьковских селищах, следы временных, может быть, сезонных, поселений болгар и вступивших с ними в контакт, также пришлых, урало-прикамских этнических групп. Так, на II Старо-Майненском селище встречены обломок восьмигранного бронзового браслета с циркульным орнаментом, серая круговая плоскодонная керамика с рифлением, круглодонная лепная посуда с веровочно-гребенчатой орнаментацией (рис. 4, I, 2, 5, 6-9). Такие предметы, а также пряслица, выточенные из стенок круговых сосудов, характерные в целом для культуры ранних болгар на Волге УШ-IX вв., выявлены и у с. Головкино (рис. 4, 10-14).

В изучении раннеболгарских поселений предпринимаются только первые шаги. Несмотря на многолетние поиски, до сих пор неизвестны постоянные поселения ранних болгар, в то время как на языческих могильниках этого времени (Кайбельском, Танкеевском, Больше-Тарханском, Больше-Тиганском и других) изучено свыше 1700 погребений. Учитывая, что постоянные поселения и города волжских болгар появились, в основной массе, не ранее второй четверти - середины X в., а наиболее ранний, в достаточной мере фиксируемый археологический материал их датируется второй половиной X - началом XI вв.²⁰, можно констатировать, что в УШ-IX вв. они вели, преимущественно, кочевой, резко отличный от оседлого, именьковского, образ жизни. В могильниках ранних болгар нет каких-либо заметных следов культуры именьковского населения. Возможно, между ними и не было контактов, так как между именьковской и болгарской эпохами лежит хронологический этап (конец УШ- первая половина УШ вв.), когда Закамье, возможно, было занято приуральскими кочевниками.

1. Старостин Г.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. ДІ-32, М., 1967. С.81. Табл.17,8,16. С.87. Табл.20, 12, С.89. Табл.2 и др.
2. Генинг В.Ф. Туревский могильник У в.н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.С.99. Рис. 30,5 и др.
3. Семенов В.А. Варнинский могильник. Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980.
4. Там же. С.112. Табл.УІ, 7-9.
5. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии ІУ-УІ вв. // Древности эпохи великого переселения народов У-УІІІ веков. М., 1982.С.150.Рис.17,18.
6. Старостин Г.Н. Указ.раб. С.77. Табл.15,4-9. Табл.21.
7. Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П. Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев. 1981. С.108-109.
8. Там же. С.111.Рис.3; С.112.Рис.4; С.114.Рис.5; С.115. Рис.6.
9. Там же. с.116. Рис.7,1-3.
10. Казанов Е.П. Кушнареновские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С.120. Рис.4.2.
11. Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С.69. Рис.15; Старостин Г.Н. Указ.раб. С.85. Табл.19,23; Баран В.Ф.Черняхівська культура. Київ, 1981. С.204. Табл.ХХІХ, ІІ.
12. Старостин Г.Н. Указ.раб. С.85. Табл.19,25.
13. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии ІУ-ІХ вв.Пряжки // САИ. Вып.В І-2. М., 1979. Табл.1,12.
14. Генинг В.Ф. Азелинская культура ІІІ-У вв. // ВАУ. Вып.5. Свердловск-Ижевск, 1963. С.39. Рис.25.
15. Генинг В.Ф. Памятники у с.Кушнареново на р.Белой (УІ-УІІ вв.н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала.Уфа,1977.С.98. Рис.6.23; С.100. Рис.7,6 и др.
16. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура.М.,1968.С.143,Табл.22,23.
- 17.Матвеева Г.И. Раскопки городища Лбище // АО - 1982. М., 1984. С.159-160.
18. Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры.С.52-73.
19. Баран В.Ф. Указ.раб. С.202. Табл.ХХУІ.
20. Казанов Е.П. О некоторых вопросах истории ранней Волжской Болгарии (УІІІ-Х) по новым археологическим данным // Сборник в память на проф.Станчо Ваклинов. София. 1984. С.125-128.

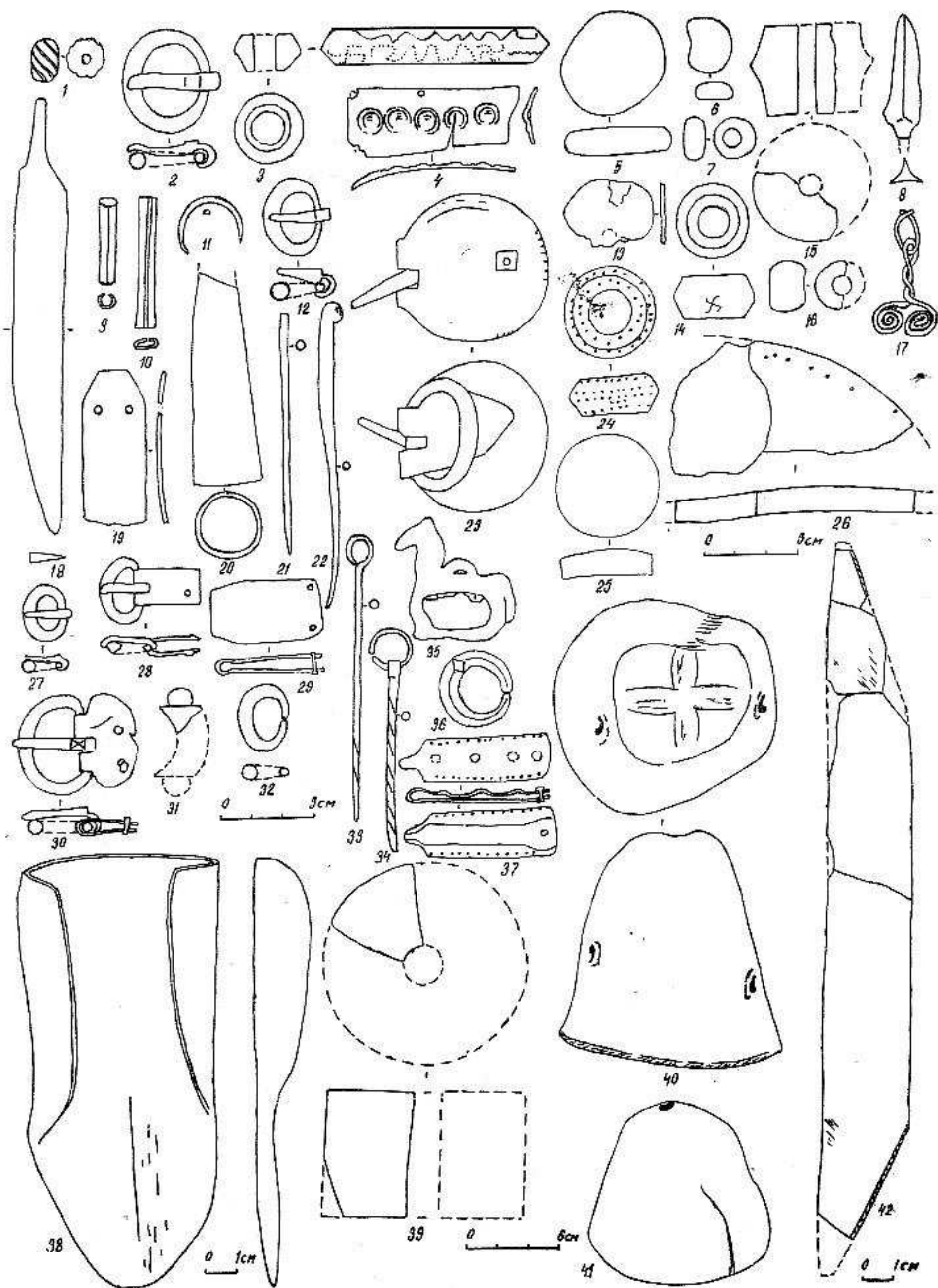

Рис. 1. Вещи из памятников Закамья IV-VII вв. н.э.:

I-3, 5, 18 - у Головкинское селище; 4, 7, 9-14, 16, 17, 19-26 - II Старо-Майнское селище; 6, 8, 15 - VI Головкинское селище; 27-31, 35-37 - I Имерское селище; 32-34, 41 - Девиный городок; 38 - Ирмавецкое местонахождение; 39 - III Полянское селище; 40 - IV Старо-Куйбышевское селище; 42 - могильник на III Полянском селище. 1, 6, 7, 16 - стекло; 2, 4, 9-12, 17, 27-32, 35-37 - бронза; 3, 5, 14, 15, 24-26, 39-41 - керамика; 13, 31 - серебро; 8, 18-23, 33, 34, 38 - железо; 42 - кость

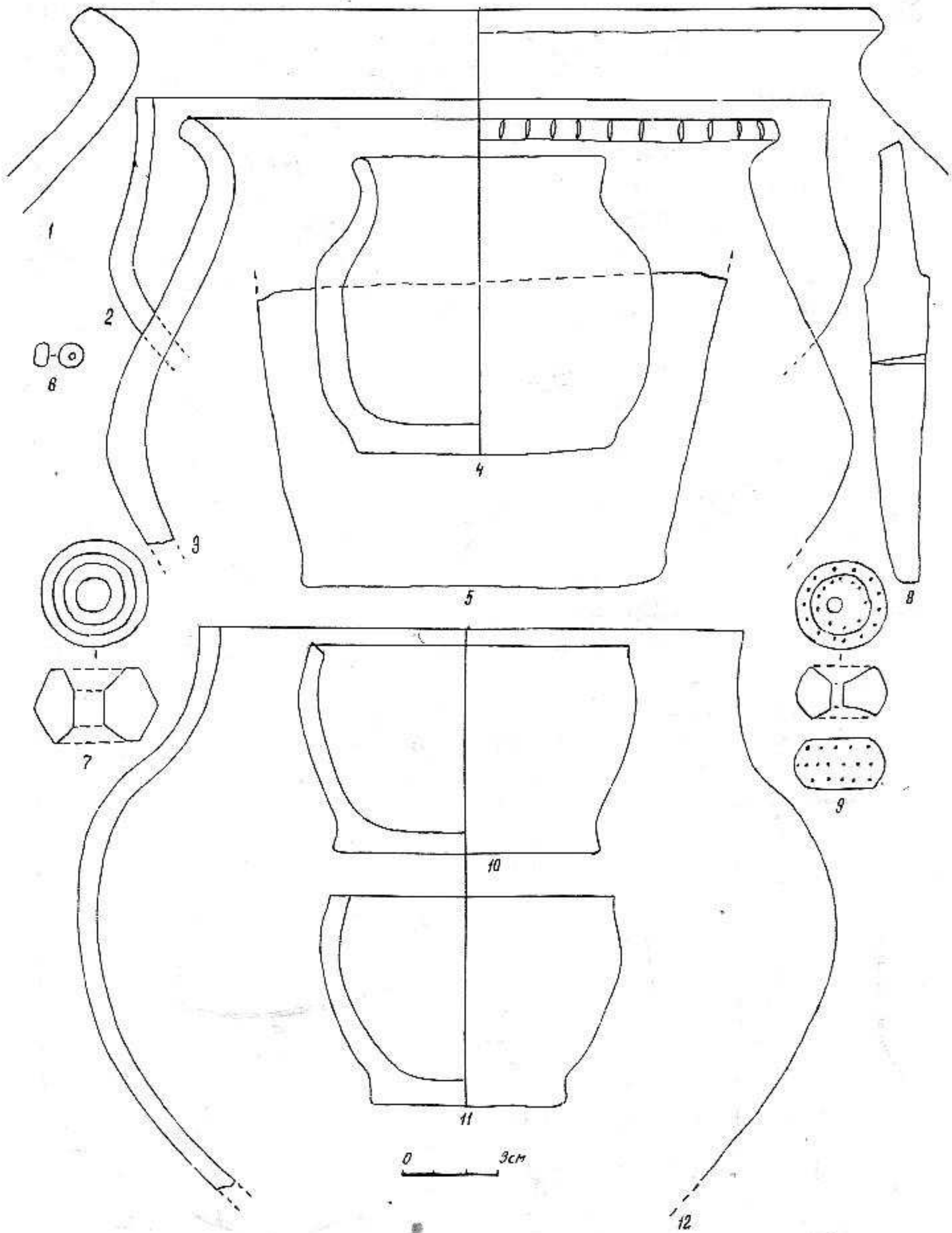

Рис. 2. Предметы из памятников Закамья:
 1, 3-6, 8 - Ш Полянское селище; 2, 7, 9 - П Старо-Майнское се-
 лище и могильник (?); 10-12 - П могильник у с. Коминтерн; 1-5, 7,
 9-12 - керамика, 6 - стекло, 8 - железо

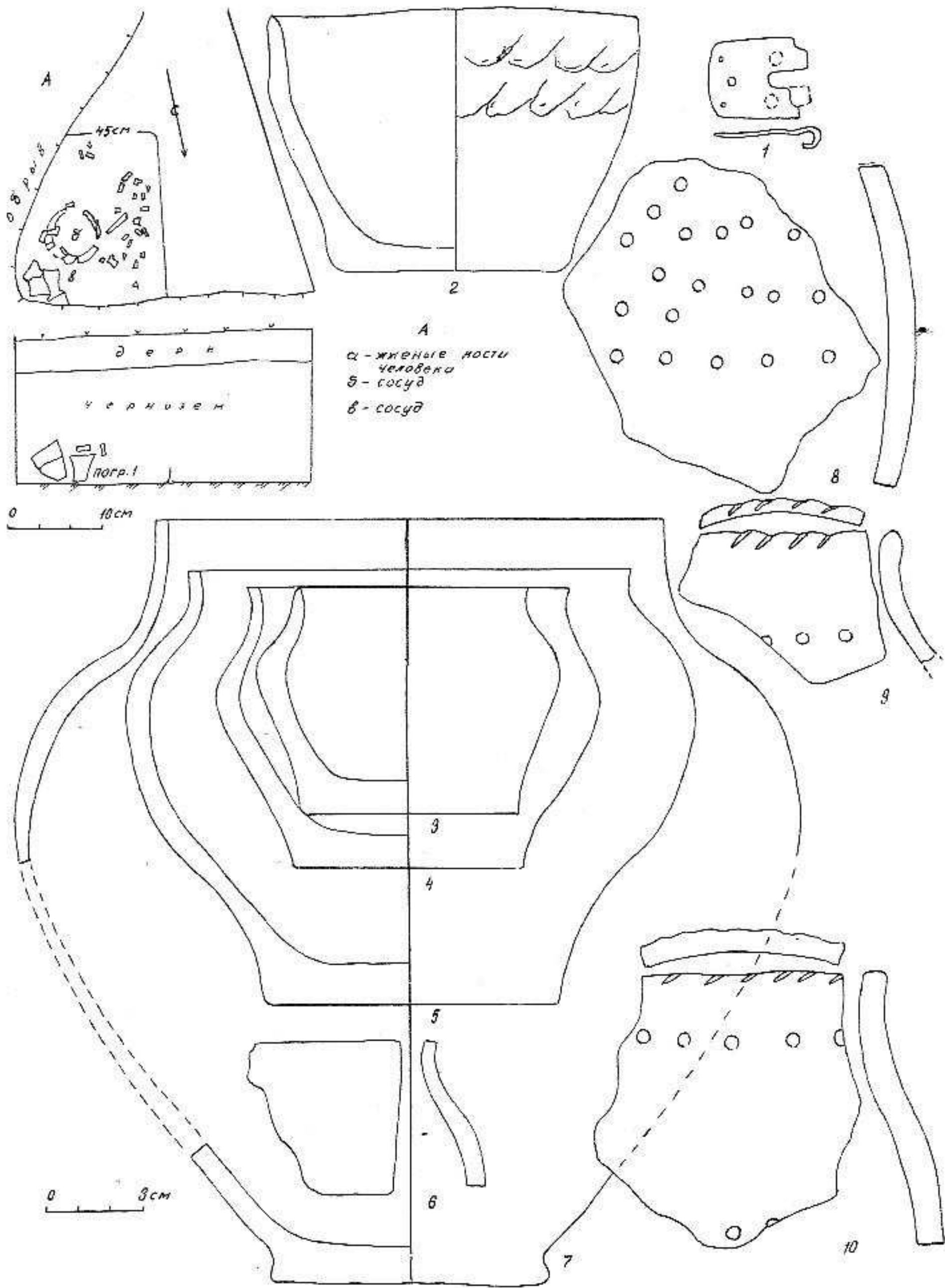

Рис. 3. Материалы именьковских памятников у с. Коминтерн:

А - план погребения I II-го могильника у с. Коминтерн. 1, 8-10 - находки на II Коминтерновском селище, 2-7 - керамика из II-го могильника у с. Коминтерн.

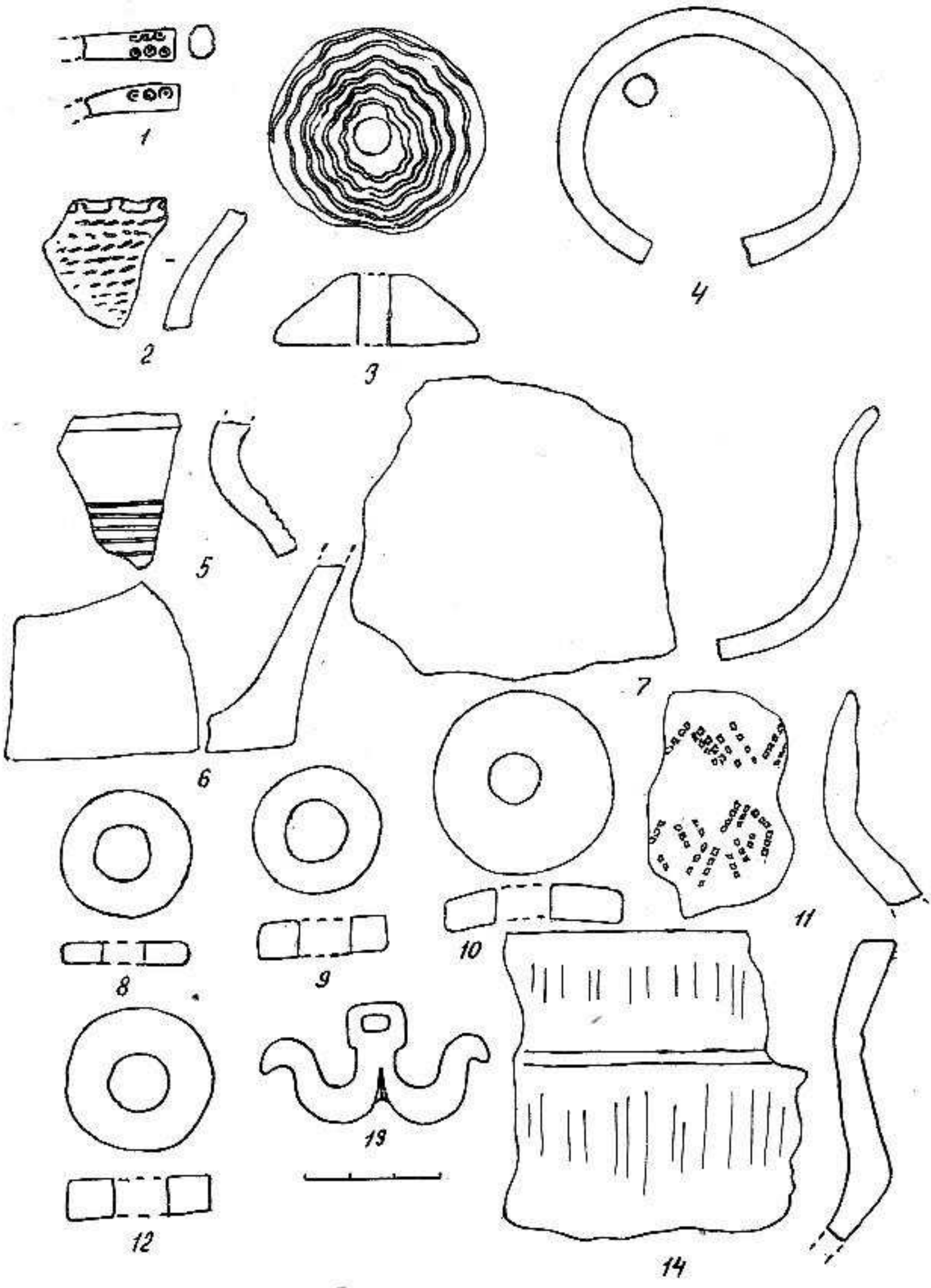

Рис. 4. Вещи из памятников Закамья:

1-3, 5-9 - А Старо-Майненское селце и могильник (?), 10-14 - находки у с. Головкино. 1, 4, 13 - бронза, 3 - стекло, 2, 5-12, 14 - керамика

О МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ГОРНАХ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В последние годы наряду с исследованием этногенеза именьковских племен пристальное внимание исследователей привлекают вопросы, связанные с изучением их хозяйства и ремесел. Археологические данные свидетельствуют о том, что пришлые племена именьковской культуры первыми в Среднем Поволжье в середине I тыс. д.э. освоили пахотное земледелие¹. Это стало возможным благодаря успехам в развитии способов добычи железа и его дальнейшей кузнечной обработке. Имеющиеся археологические материалы включают в себя многочисленные железные изделия кузнечного производства со многих именьковских памятников. Среди них ножи, сошники, серпы, топоры, кельты, дротинки, копья, стрелы, струги, тёсла, меткижи, пряжки, молотки, мечи и другие отдельные мелкие предметы. Металлографическое исследование именьковских коллекций кузнечного инвентаря позволило выявить технологический арсенал именьковских кузнецов, а также характерные черты, отличающие в целом технологию кузнечного производства именьковских племен от технологии местных финноязычных народов Среднего Поволжья².

К настоящему времени технологические аспекты черной металлообработки у именьковских племен в целом изучены достаточно хорошо. Этого нельзя сказать о степени изученности черной металлургии, включая вопросы конструктивных особенностей металлургических горнов именьковской культуры.

Наличие у именьковских племен довольно развитой металлургии железа подтверждается результатами раскопок ряда памятников. Остатки сыродутных металлургических горнов были найдены на Мавлашевском II городище и на Рождественском IV селище в пределах Тат. АССР³. Невзрачные остатки металлургии железа у именьковских племен отмечены в районе Посурья в Мордовской АССР. Там, на городище Ош-Павло были обнаружены значительное количество железной руды, куски железа и крицы. Находки криц и шлаков отмечены также на городище Ашва-Павло и на селище у с.Морга⁴. П.Д.Степанов высказал предположение, что место добычи железной руды находилось поблизости от городища Ош-Павло и что железнотермическое производство у именьковских племен имело широкое распространение в данном районе⁵.

Анализ немногочисленных остатков черной металлургии на имень-

новских памятниках позволил П.Н.Старостину сделать вывод о том, что тип металлургических горнов с IY-го Рождественского селища II-го Манлашевского городища был одинаковым: эти горны имели наземную конструкцию с глинобитными стенками и предгорновой ямой⁶. В предгорновой яме одного из горнов с Манлашевского городища был обнаружен фрагмент оплавленного глиняного сопла, что свидетельствует о применении здесь в металлургическом процессе режима принудительного воздушного дутья⁷.

Этими немногочисленными материалами до недавнего времени исчерпывалась фактическая источниковая база по проблеме именьковской черной металлургии. Поэтому всякие новые данные имеют большое значение.

Цель статьи - введение в научный оборот результатов археологического изучения еще одного металлургического горна, который мы относим к именьковской культуре. Горн был обнаружен летом 1982 года разведочным отрядом Средневолжской археологической экспедиции (руководитель доц. Куйбышевского госуниверситета Г.И.Матвеева) во время осмотра именьковского поселения у с. Кармалы в Ставропольском районе Куйбышевской области (на Самарской Луке). Поселение находится в 680 метрах к западу от с.Кармалы на левом берегу большого оврага, выходящего в р.Волге и пристани Лбище (рис.1). Кармалинское поселение было открыто И.Б.Васильевым в 1969 году. Анализ подъемного материала, а также полученного в результате шурфовочных раскопок на территории поселения позволил отнести его к развитому этапу именьковской культуры (V-VI вв. н.э.).

Горн находился на левом склоне оврага в 180 метрах восточнее поселения. Кго раскопки были проведены автором статьи со студентами Куйбышевского университета А.Набоковым и А.Ушаковым летом 1983 года. Остатки горна выглядели как темное сажистое пятно в размытом дождями пологом склоне оврага. Сверху пятно было кое-где перекрыто золистой прослойкой и участками обожженной глины кирпично-красного цвета. Уже первоначальные наблюдения позволили предположить, что горн имел ямную конструкцию с естественным дутьем. Для изучения всего горна на месте предполагаемого расположения его шахты был заложен раскопochный квадрат размером 2x2 м, ориентированный двумя сторонами параллельно линии склона оврага. Угол отклонения от оси С-Ю составил 37°. За нулевую точку отчета нивелировочных отметок был принят уровень южного угла раскопа.

На глубине 8 см ниже нулевой отметки в центральной части квадрата выявилась глинобитная площадка подковообразной формы, вытянутая

по линии СЗ-ЮВ на 110 см. Площадка представляла собой развал верхней наземной части горна и отличалась от материковой коричневой глины светло-красным цветом. По линии З-В ширина глинобитной площадки составляла 95 см. В ее центре было выявлено отверстие верхней части шахты горна, служившее для закладки шихты и выхода газов в процессе восстановления железа. Отверстие округлой формы, диаметр его по линии З-В равнялся 35 см. Глубина сохранившейся части шахты достигала 30 см.

Заполнение верхнего уровня шахты горна состояло из размельченных кусочков обожженной глины серого цвета. Ниже, на уровне 10 см от сохранившейся верхней части горна, залегали куски железного шлака мелких и средних размеров. Наиболее крупные куски шлака длиной 12-15 см и весом 1,5 - 2,5 кг были сосредоточены в северо-восточной части шахты горна. Ниже скопления шлаков залегал мощный слой углестого заполнения, в котором встречались отдельные кусочки железной руды красноватого цвета (гематит).

В нижней части горна, со стороны, обращенной к склону оврага, находился воздуходушный канал, коленообразно уходящий вниз. Ширина канала у выхода из шахты горна равна 25 см, высота 20 см, он постепенно раструбовобразно расширялся, и у устья ширина его составляла 50 см. Основную массу заполнения канала составляла углесто-золистая смесь, содержащая отдельные куски шлаков. Нижнюю часть воздуховода, как и дно шахты, устилала прослойка золы светло-серого цвета. Кроме того, в заполнении канала встречались отдельные небольшие кусочки железной руды. Воздуходувное отверстие служило не только для подачи воздуха в шахту, но и для извлечения крицы в конце металлургического процесса. В изученном нами горне основная железная крица была извлечена, и в шахте остались лишь отходы металлургического процесса.

Зачистка склона оврага перед воздуходушным каналом выявила на фоне материковой глины темное сажистое пятно с вкраплениями древесного угля, шлаками мелких и средних размеров, а также небольшими кусочками железной руды.

Зачистка материковой почвы вокруг глинобитной площадки позволила выявить следы трех деревянных столбиков (рис.2). К западу от верхней части шахты горна, на расстоянии 25 см от нее, отмечен след от столбика диаметром 8 см (ямка № 1); столбик был углублен в материковую глину на 9 см. К востоку от шахты горна, на расстоянии 62-63 см, зафиксированы следы еще двух столбиков меньших размеров (ямки № 2 и № 3). Диаметр ямки № 2 равнялся 4 см., глубина 5 см. Ямка № 3, углубленная в почву на 6 см, имела диаметр 4 см.

Расстояние между столбовыми ямками № 1 и № 2 было 120 см; № 1 и № 3 — 130 см; № 2 и № 3 — 40 см.

Вероятно, столбики служили опорой для перекрытия над шахтой горна. Наличие такого навеса давало возможность проводить процесс независимо от погодных условий. Видимо, неслучайно для сооружения горна был выбран южный склон оврага, наиболее интенсивно обдуваемый ветрами, так как горн работал с применением естественного дутья.

Объем сохранившейся части горна составлял 0,35 м³.

В процессе раскопок не было обнаружено никаких следов, указывающих на культурную принадлежность горна. Наиболее вероятно, что он был сооружен металлургами именьковского поселения, расположенного на расстоянии 180 м, за неглубоким оврагом. Многочисленные аналогии свидетельствуют о стремлении металлургов выносить сооружения своего производства за пределы территории поселений⁸. Это было связано не только с мерами противопожарной безопасности, но и со стремлением охранять в тайне секреты ремесла. Кроме того, выбор места определялся самой конструкцией горна с естественным дутьем.

Осмотр склонов оврага показал наличие выходов железной руды на расстоянии не далее 1-1,5 км от местонахождения горна в сторону Волги. Выходы руды имеются также в районе Лбищенского городища, расположенного в 6 км в югу.

По заключению геологов, эта руда относится к так называемым батским железистым песчаникам. Химического анализа руды не проводилось.

Исследованный нами горн был не единственным в этом месте, о чем свидетельствуют многочисленные мелкие кусочки железных шлаков, подобранные по дну и склону оврага по направлению к с. Кармалы.

Металлургический горн, раскопанный у с. Кармалы, значительно расширил наши знания о конструкциях металлургических печей у племен именьковской культуры. Кроме наземных шахтовых печей, работающих с применением искусственного дутья, именьковские металлурги знали ямную конструкцию горнов с естественным дутьем, которая типологически является более ранней⁹. В шахтовых печах с принудительным дутьем изменялись условия протекания металлургического процесса, в результате этого обеспечивалась большая степень науглероживания металла. Переход от ямного к сырдутным горнам с искусственным дутьем был серьезным шагом вперед на пути технического прогресса.

Конструктивные различия ямного горна у с. Кармалы и наземных горнов с IV Рождественского селища и II Махлашевского городища могут отражать различные хронологические этапы процесса развития

именьевской черной металлургии. Но не исключено, что эти различия имели локальный характер. Точный ответ на этот вопрос затруднен из-за слабой разработанности хронологии памятников именьевской культуры в целом.

Примечания

1. Матвеева Г.И. О происхождении именьевской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С.55.
2. Старостин П.Н., Хомутова Л.С. Железообработка у племен именьевской культуры // СА. 1981. № 3.
3. Старостин П.Н. Памятники именьевской культуры // САИ. Вып. ДІ-32. М., 1967. С.27; Гейннг В.Ф., Стоянов В.Е., Клебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с.Рождествено. Казань, 1962. С.19-20.
4. Степанов П.Д. Ом-Пандо. Саранск, 1967. С.103.
5. Степанов П.Д. Указ.соч., С.103.
6. Старостин П.Н. Памятники именьевской культуры... С.27.
7. Старостин П.Н. Указ.соч. С.27.
8. Рыбаев Б.А. Ремесло // История культуры древней Руси. М.;Л., 1948. С.82.
9. Яковлев В.Б. Развитие способов производства сварочного железа в СССР. Автореф.дис. канд.техн.наук. М., 1959. С.8.

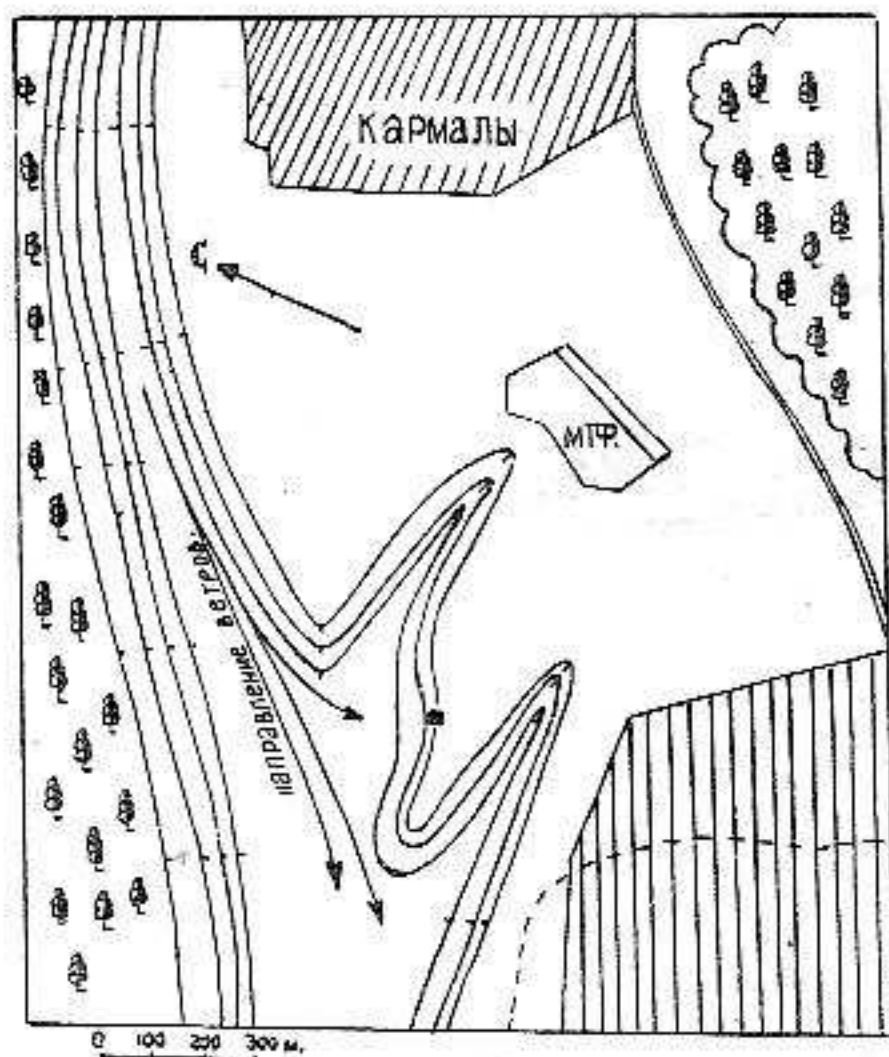

Рис. 1. План местонахождения металлургического горна у с. Кармалы:
 ■ - местонахождение горна;
 - - - граница поселения;
 ▨ - пашня; == - проселочная дорога; горизонталы проведены через 2 м

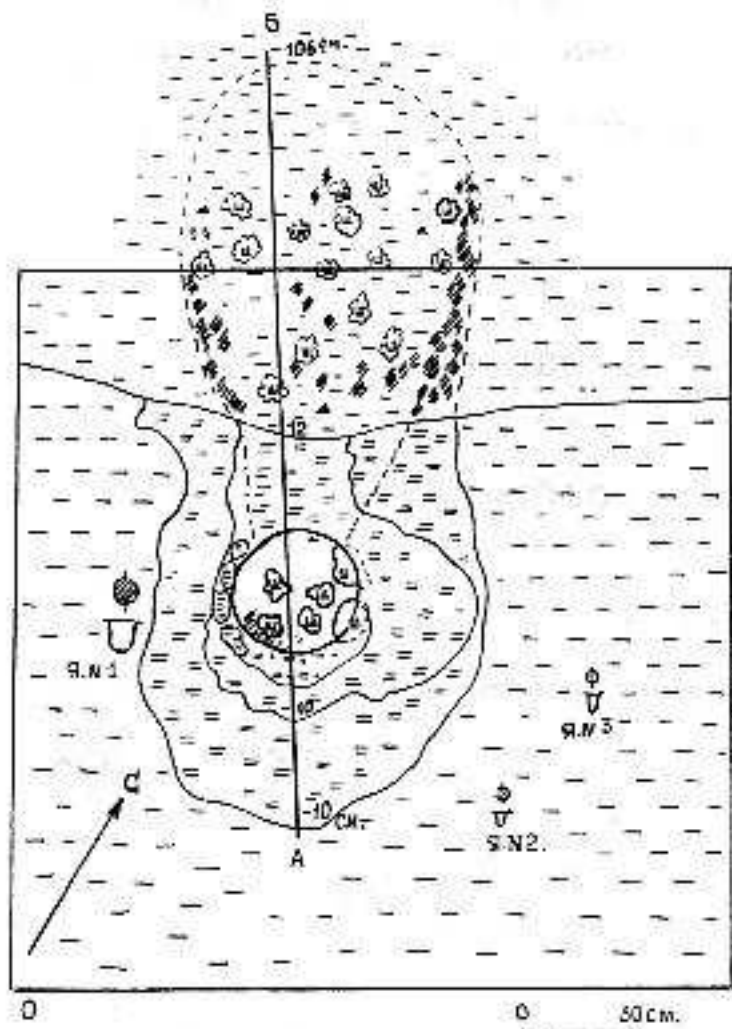

Рис. 2. План металлургического горна у с. Кармалы:
 [штрихи] - обожженная глина красноватого цвета; [штрихи] - угли, сажа; [штрихи] - железный шлак; [штрихи] - кусочки железной руды; [штрихи] - обожженная глина серого цвета; [штрихи] - граница воздуховоде; [штрихи] - граница выброса шлаков; [штрихи] - план и профиль столбовой ямки.

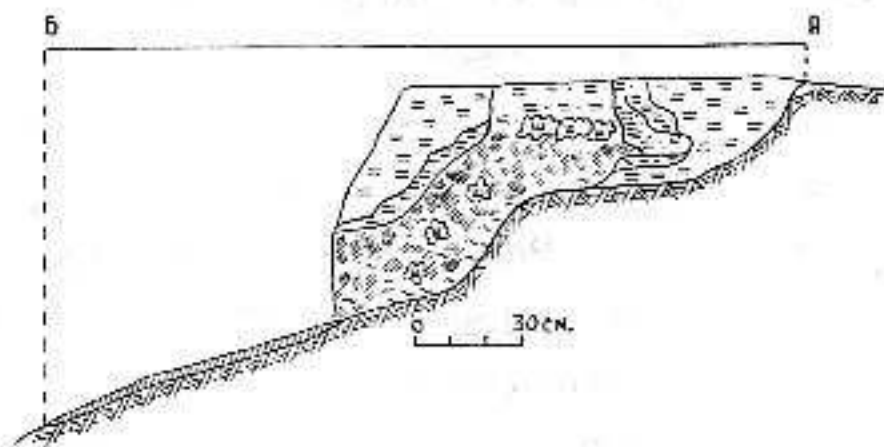

Рис. 3. Разрез металлургического горна по линии А-Б:
 [штрихи] - обожженная глина красноватого цвета; [штрихи] - обожженная глина серого цвета; [штрихи] - железный шлак; [штрихи] - угли, сажа; [штрихи] - зола; [штрихи] - прослойка выброса из шахты горна - угли, зола, шлаки; [штрихи] - материковая глина

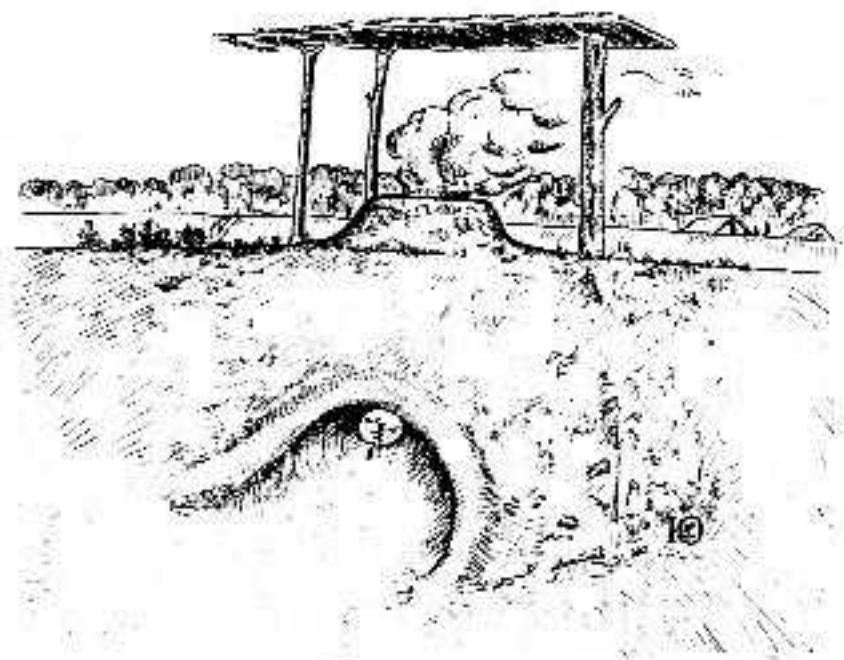

Рис. 4. Реконструкция металлургического горна у с. Кармалы

О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ
ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

Формы глиняной посуды давно уже стали объектами внимания археологов. Но до последнего времени многие вопросы методики их изучения остаются мало разработанными.

В статье излагаются основные подходы к выработке методики изучения форм глиняной посуды и некоторые итоги работы сотрудников лаборатории "История керамики" Института археологии АН СССР^I над методами анализа форм.

Преследуются два основных подхода к изучению форм — ассоциативный и аналитический. Первый связан с рассмотрением форм как целостных образов, а второй — как совокупностей элементарных частей, из которых они составлены. Основной акцент при ассоциативном подходе делается на выработке приемов общего обозначения форм, а при аналитическом — на разработке приемов выделения и изучения составных частей, образующих эти формы.

В рамках первого подхода можно выделить два основных способа выработки общей номенклатуры форм глиняной посуды: во-первых, на основе ассоциативных связей археологических форм посуды с формами иных предметных реалий; во-вторых, на основе таких же связей между формами современной посуды (известной, в основном, по этнографическим данным) и посуды, находимой в раскопках.

Стремление дать общие обозначения разным формам естественно и закономерно. И оба способа решения этой задачи оказались полезными. Благодаря первому из них, в нашей научной лексике и сегодня присутствуют такие обозначения, как "колоколовидная", "тюльпановидная", "грушевидная", "реповидная" форма и т.п. Но по мере накопления данных стало очевидным, что таким способом невозможно дать обозначения всем многообразным формам посуды. Поэтому археологов привлекла перспектива создания общей номенклатуры форм на основе их связей с формами современной глиняной посуды или посуды, бытовавшей в недавнем прошлом, названия которых дошли до нас в устной или литературной традиции. Благодаря второму способу в настоящее время широко используются такие обозначения как "горшок", "миска", "кувшин", "норчага", "хум", "пифос", "амфора" и т.п. Однако и таким

способом создать общую номенклатуру для всей археологической керамики оказалось невозможным. Например, для большинства форм эпохи неолита, которые известны по раскопкам в лесной и лесостепной зонах СССР, "подобрать" специальные названия до сих пор не удалось².

На наш взгляд, необходимо создание системы условных обозначений, которая опиралась бы на результаты изучения форм посуды из археологических раскопок, построенного на основе понятий и представлений, используемых в геометрии. Поясню приемы анализа форм именно на этой основе фактически давно уже ведутся как в нашей стране, так и за рубежом. Я имею в виду работы, в которых основной акцент сделан на аналитическом подходе к изучению формы. Важность выработки аналитических приемов проявилась уже при первых опытах относительной хронологизации с помощью типологического метода. Этот метод, прочно связанный с именем П.Риверса, О.Монтелюса, Г.Гильдебранда³ основан на идее группировки предметов одного назначения, однородных по внешнему виду и различающихся лишь деталями, в так наз. "типы" предметов. Внутри "типа" они располагаются по признакам усложнения, или, напротив, упрощения очертаний, создавая, как принято говорить "типологические ряды". Для металлических предметов типологический анализ был достаточно продуктивен. Но керамика оказалась для него слишком сложным объектом из-за отсутствия методики анализа форм. Именно это обстоятельство, как нам кажется, и сыграло роль своеобразного ускорителя развития аналитических приемов изучения глиняной посуды на основе геометрических идей. Первыми к их разработке обратились не археологи, а специалисты в области художественной керамики. Путем геометрических построений они искали способы создания новых форм. Некоторые исследователи склонны считать, что использование таких построений и расчетов восходит к эпохе классических античных древностей. Основанием послужили результаты изучения особенностей пропорциональности произведений античного искусства, в частности, форм глиняной посуды, осуществленные с помощью так наз. системы динамической симметрии Д.Хембиджа⁴. Опираясь на результаты измерения пропорциональности античных произведений (архитектурных сооружений, скульптур, утвари и т.д.) Д.Хембидж и его последователи (Л.Д.Каскей⁵ и Р.Гарднер⁶) пришли к выводу, что греческие мастера, в том числе и гончары, применяли стандартную шкалу пропорций для создания рисунков, по которым затем делали те или иные предметы. Шкала состояла из подобных площадей, вычисленных геометрически. Пользование ею не требовало каких-либо математических выкладок. На практике все сводилось к при-

менению прямоугольника и циркуля, с помощью которых вычерчивались формы будущих творений.

Р. Гарднер высказал мнение, что "основным принципом рисунка" являлся для древних мастеров принцип разрастания из одного центра исходного квадрата, расположенного на сирещении двух симметричных осей. Величина такого квадрата определяла дальнейшее разрастание рисунка будущего сосуда. Оно осуществлялось по квадратам, которые увеличивались в геометрической пропорции и площади которых были подобны площади исходного квадрата. По мысли Р. Гарднера, "этому закону подчиняется в природе рост всех организмов, развивающихся из одного ядра". "Греческие художники, — заключал он, — следовали закону природы".⁷

Однако среди изученных Л. Д. Каскеем античных сосудов Бостонского музея около 5% сосудов (9 из 191 экземпляра) не удовлетворяли закону динамической симметрии⁸. Объяснять это можно по-разному. Нам кажется правдоподобной мысль о том, что с помощью метода динамической симметрии Д. Хембиджа фиксировались не факты применения древними мастерами системы предварительных расчетов, а проявления общих закономерностей, каким подчинялись и подчиняются в наши дни процессы формирования очертаний различных предметов материального мира, включая и керамику.

Впрочем, совершенно исключать возможность того, что некоторые античные мастера керамики прибегали к помощи циркуля и прямоугольника для предварительного расчета форм будущих изделий, тоже, по-видимому, нельзя. Но от рисунка до его исполнения в глине лежит немалое расстояние, пройти которое без искажения первоначального замысла не так просто, как казалось названным исследователям. Судя по многолетним наблюдениям, проводимым нами на базе современных гончарных производств, осуществить без искажений оригинала копирование в глине практически невозможно⁹. Поэтому утверждение о предварительных расчетах пропорций изделий античных гончаров кажется малоубедительным.

В литературе имеются сведения, что древние мастера использовали идеи геометрии для создания форм. Так, Э. Моне-Герцен в статье, опубликованной в январском номере журнала "L'Amour de l'Art" (Paris, 1921), упомянул, сославшись на "хронику", правда, не назвав ее самой, что в древнем Египте и Греции существовал "закон золотой чаши", который позднее восточниками из Византии был привезен в Европу и его использовали западные архитекторы и золотых дел мастера.¹⁰ Пользовались ли им или каким-то иным "законом" гончары средневеко-

вой Европы - неизвестно. Но хорошо известно, что в эпоху Возрождения некоторые из них прибегали к предварительному вычерчиванию будущих форм. До нас дошли, например, эскизы сосудов, сделанные С. Серлио (1475-1552 гг.). Он был архитектором, но эскизы были предназначены для воспроизведения по ним сосудов именно гончарами¹¹.

Попытки создания оригинальных форм путем предварительного расчета их параметров, по-видимому, предпринимались в древности неоднократно. Но считать их явлением массовым даже для районов, где господствовали традиции античной культуры, нет достаточных оснований.

Греческие гончары, как и гончары других районов Старого и Нового Света, несравненно чаще прибегали к подражаниям, копируя образцы посуды из глины или других материалов. Такие сосуды-подражания хорошо известны по археологическим материалам, начиная с эпохи неолита. К этому приему широко прибегали и художники-керамисты нового и новейшего времени. И, по-видимому, именно широко распространенная практика копирования породила у части таких художников стремление найти собственные подходы к созданию оригинальных форм.

Сто лет назад, в Мюнхене, вышла в свет работа Леопольда Гмелина, посвященная разбору форм древней и современной глиняной посуды, в которой изложены представления автора о том, каким образом, опираясь на идеи геометрии, можно упорядочить данные о различных формах такой посуды¹². Он считал возможным систематизировать реальные формы путем их соотнесения с соответствующими геометрическими телами. Л. Гмелин различал два рода геометрических тел - генетические (относя к ним шар, цилиндр, однополый гиперболоид вращения) и производные от них "локальные тела", по отношению к которым предлагал делать акцент не на их форме в целом, а на частях, с учетом размещения центра тяжести. На представленной им общей схеме подразделения форм посуды (по особенностям очертаний тулова) даны не только простейшие формы в виде шара, цилиндра, конусов, но и криволинейные геометрические фигуры (рис. I). При всей условности этого способа ясно прослеживается стремление автора создать систему различения на основе мысленного "приведения" реальных форм к одному из геометрических образов.

Большее практическое значение для художников-керамистов имела работа К. Грассе¹³ - специалиста в области художественной керамики. Он предложил несколько иной способ систематизации форм глиняной посуды на основе их приведения к простейшим геометрическим телам или их сочетаниям. Для этого он рекомендовал производить измерение трех диаметров: у самого верхнего края формы, у ее основания и меж-

ду ними, там, где размещается наибольший диаметр. Если соединить прямыми линиями концы измеренных диаметров, то реальная форма примет вид одной или двух простейших геометрических фигур. На основе подобного приведения К.Грассе распределил все формы по 13 классам. Не нужно думать, однако, что речь шла о принципах классификации форм в современном археологическом понимании. По своему составу каждый класс форм К.Грассе чрезвычайно многообразен (рис.2). Автор меньше всего думал о нуждах археологов. Он хотел обратить внимание художников-керамистов, занятых поисками путей создания оригинальных форм, на богатейшие возможности, которые таят в себе разные соотношения указанных им диаметров.

Позднее классификацию К.Грассе несколько усовершенствовал другой специалист в области керамики - А.В.Филиппов¹⁴. Он разделял все классы форм на три группы, ввел для них обозначения и еще более упростил процедуру приведения реальных форм к условным, заменив учет наибольшего диаметра на диаметр реального сосуда на половине его общей высоты. Но суть классификации осталась прежней (рис.3).

Подобные классификации форм для археологии были неприемлемы по существу, но они достаточно убедительно продемонстрировали перспективность подхода к систематизации форм на основе их приведения к простейшим геометрическим телам или фигурам.

Идеи, связанные с разделением форм на составляющие их части, долгое время оставались как бы в "запасниках" исследовательского аппарата археологов, проявляясь, главным образом, в описаниях керамики. Со времени В.А.Городцова в глиняной посуде принято различать такие части как "тулово", "плечики", "край" ("венчик"), "устье", "шея" и др.¹⁵ Для многих сосудов, особенно происходящих из памятников эпохи бронзы, раннего и развитого железа, нетрудно было указать участки на контуре, где одна часть граничит с другой и т.д. Но общие правила деления форм на части долгое время не были изложены в литературе. Только в 1933 г. Г.Д.Бирхгофф, как бы суммируя накопленный практический опыт археологов, оформил его организационно. Он предложил вести наблюдения за "характерными точками" на линии контура. Всего им предложено четыре типа точек. Тип I - конечные точки (в самой верхней части контура, где линия внешнего контура переходит в линию внутреннего контура, и в нижней части контура, где он касается опорной плоскости). Тип 2 - точки касания на линии контура, отмечаемые в местах, где мысленная прямая линия, параллельная оси вращения сосуда, касается линии контура (они фикс-

сируют участия локального расширения или сужения линии контура). Тип 3 - точки на участках перегиба линии контура, где из выпуклой линия переходит в вогнутую или наоборот. Тип 4 - так называемые угловые точки, фиксируемые в местах, где линия контура резко меняет свое направление (они обычно совпадают с точками касания, выделенными в тип 2. ¹⁶).

Практически эти типы точек использовались археологами и до Бирхгоффа. На них просто не акцентировали внимания как на элементах методики изучения форм. Г.Д. Бирхгофф, по-существу, впервые сформулировал начальные представления о такой методике.

В отличие от художников-керамистов, археологи с самого начала нацелили применение идей геометрии на выработку правил анализа реальных форм посуды. Характерные точки Бирхгоффа сыграли при этом важную роль. Позднее список характерных точек был дополнен А.Шепард. Предложенная им методика анализа и классификации форм глиняной посуды из археологических раскопок (или отдельные элементы этой методики) широко вошла в современную исследовательскую практику. В основе методики - разделение контура сосуда на части или отрезки с помощью системы особых точек. А.Шепард принадлежит несомненная заслуга введения в исследовательский аппарат археологии довольно разветвленной системы геометрических понятий и терминов для изучения форм посуды ¹⁷.

Вся система анализа распадается на три этапа: 1) выделение характерных точек на контуре; 2) разделение контура сосуда на зоны, границами между которыми служат прямые линии, проведенные из точек перпендикулярно к оси симметрии сосуда; 3) группировка сосудов по признакам их сходства на основании порядка и состава характерных точек, выделенных на контуре. Последний этап разделяется как бы на две основные части. Вначале производится общая классификация форм сосудов в соответствии с предложенной Шепард системой их разделения на структурные классы (класс так называемых неограниченных сосудов, т.е. согласно принятой в нашей литературе терминологии - сосудов "открытых форм", имеющих наибольший диаметр у венчика; класс ограниченных сосудов, т.е. сосудов с "закрытой формой", имеющих наибольший диаметр на теле сосуда ниже его верхней части, и класс "независимых ограниченных сосудов"). Внутри классов формы делятся на сосуды с "простым", "неравномерно изогнутым", "составным" и "сложным" контуром. Вторую часть образуют приемы изучения пропорций форм в рамках каждого класса. С этой целью обычно используется прием вычисления отношения между высотой сосуда и его максимальным диаметром, широко применяемый и советскими археологами ¹⁸.

Известен и другой способ учета особенностей общей пропорциональности, предложенный Мэлмером в 1962 г.¹⁹ Введенный им показатель "индекс сосуда" находится из отношения:

$$\text{Индекс сосуда} = \frac{D_{\text{максимальный}}}{H_{\text{общее}}} \times 100$$

Нордстрем²⁰ предложил другой показатель, характеризующий особенность пропорциональности сосудов. С его помощью фиксируется особенность размещения максимального диаметра на линии контура. Речь идет об отношении радиуса максимального диаметра к высоте, на которой он находится от основания. Обе величины можно выражать в см или мм или же переводить в числовые индексы. Последние выражаются в процентах к общей высоте сосуда, которая берется за 100%, что удобно при сравнении сосудов, имеющих разные высоты. Этот способ учета особенностей пропорциональности привлекает тем, что применим и по отношению ко всем другим точкам на линии контура.

Таким образом, в рамках аналитического подхода к изучению форм глиняной посуды сложились довольно устойчивые взгляды на перспективность разработки методов их анализа на основе геометрических идей. Казалось бы, сложились условия и для разработки терминологического аппарата на терминологических основах.

В действительности к практическому решению такой задачи еще не приступали. Объясняется это тем, что пока еще накоплен слишком небольшой багаж знаний о самих формах как источниках исторической информации. К формам принято подходить с формальных позиций²¹. Нередко их рассматривают в роли объектов, с помощью которых можно и даже удобно изучать "различные стили", их изменения и т.п., что более напоминает не исторический, а искусствоведческий подход, особенно характерный для современных зарубежных работ²². Но он мало способствует выработке общенаучных взглядов на формы керамики как на источник исторической информации.

Именно над проблемами изучения форм глиняной посуды в роли источника исторической информации работают сотрудники лаборатории "История керамики" Института археологии АН СССР. Мы попытались прежде всего более четко определить цели и задачи исследования форм глиняной посуды.

Сформулировать ближайшие цели и задачи изучения форм позволило определение роли, какую они выполняют во всех глиняных сосудах. Дело в том, что все глиняные сосуды являются искусственными емкостями, а формы их характеризуют прежде всего особенности устройства таких емкостей, их конструкцию. Поэтому формы глиняных сосудов являются

овеществляемыми источниками информации о том, как были устроены (смонструированы) емкости. И в силу этого изучение их целесообразно направить не на расплывчатые по своему содержанию задачи выяснения стилистических или иных особенностей очертаний, а прежде всего на выяснение именно устройства (конструкций) глиняной посуды. Мне представляется, что лишь ответив на вопрос о том, как был устроен сосуд, практически возможно, во-первых, составить о нем достаточно строгое представление как об исторической реалии, а, во-вторых, приступить к выяснению свойств этих реалий в целом или частей, их составляющих, как потенциальных источников исторической информации.

Такое понимание задачи изучения форм позволило подойти к ним как к объектам системного анализа, направленного на вполне конкретные цели. В основу изучения положено представление о форме как об овеществленном результате приложения системы особого распределения физических усилий сжатия, расширения и подъема пластического сырья, выполнявшего роль строительного материала.

Одной из первых методических задач, которые потребовалось решить, была задача по выработке приемов, позволяющих выявлять естественную структуру в формах посуды. Казалось бы, широко вошедшие в исследовательскую практику приемы разделения форм на части с помощью характерных точек на линии контура делают эту проблему вполне разрешимой. Но в целом ряде случаев проявлялись признаки формального разделения форм, которые никак не согласовывались с представлением о них как овеществленных результатах приложения различных систем распределения физических усилий. Кроме того, с помощью практикуемых приемов разделения форм на части далеко не всегда глиняные сосуды могут быть подвергнуты такому разделению. Подход к данной процедуре и используемые методы ее реализации требовали уточнения. Нужно было найти способ разделения, который, во-первых, был бы одинаково приемлем для любых форм, а во-вторых, позволял выявлять во всех формах их естественную структуру.

Решающее значение в отыскании такого способа сыграло представление о формах как об овеществленных результатах приложения систем распределения физических усилий. Если не входить в технико-технологические детали, связанные с воспроизведением форм (они многообразны и обладают переменными свойствами), а остановиться лишь на общих особенностях актов их воспроизведения, то можно отметить следующее. В каждом акте воспроизведения участвуют два основных вида акцентированных физических усилий. Условно их можно назвать точечными и пространственными. Первые направлены на отделение одной

элементарной части от другой, именно их приложение ведет к возникновению на линии контура участков с повышенной локальной кривизной, вторые — на то, чтобы придать участкам формы, отделенным друг от друга точечными усилиями, определенные очертания. Эти два вида физических усилий представляют собой не частное явление в истории гончарства, а всеобщее, действовавшее на протяжении всей его истории. Поэтому задача по отысканию способов выявления естественной структуры сводится к поискам способов выявления и учета участков на линии контура, где проявляется случай приложения точечных усилий. Такие участки характеризуются повышенной локальной кривизной. Для их отыскания на линии контура любого сосуда, представленного в виде плоского изображения, наиболее простыми и удобными оказались шаблоны в виде набора кругов различного диаметра. При "пробивании" такого шаблона по линии контура легко заметить, что на участках с повышенной кривизной он опирается на линию контура не одной, а двумя точками, фиксируя тем самым место приложения точечных усилий (рис. 4). Наиболее удаленную от дуги шаблона точку, которая обычно располагается в центре участка, зафиксированного точками его касания, принято называть точкой наибольшей локальной кривизны (сокращенно — точкой НЛК).

Как показала практика разделения форм на части, с помощью таких шаблонов можно выявлять целиком или частично естественную структуру в любых формах, представленных в виде плоских изображений, и в том числе, в тех, которые не поддавались полному разделению на основе существующих подходов к решению этой задачи.

Точки НЛК (особенно выявленные по шаблонам с небольшим диаметром) могут совпадать или располагаться близко от точек касания, необходимых по формальным правилам. Но это обстоятельство ни в какой мере нельзя воспринимать как указание на то, что и точки касания, найденные по формальным правилам, способны фиксировать естественную структуру форм. Эти точки и структуре форм отношения не имеют. Они удобны для описания контуров и учета размерных особенностей сосудов (например, для выявления максимального и минимального диаметра и т.п.), но будучи формальными, никогда не "подменяют" точек НЛК. Наиболее показательны в этом отношении случаи несовпадения точек НЛК с точками, в которых фиксируются максимальные диаметры сосудов (рис. 5, а). Сам формальный подход к разысканию точек касания опирается на мнение о том, что ось симметрии, или (что более уместно для тел вращения) ось вращения, может быть представлена в виде прямой линии, перпендикулярной основанию или верхней границе сосуда. Именно по отношению к такой осевой линии разыскиваются точки касания

ния на контуре. Но в действительности у реальных сосудов, относящихся к телам вращения, ось не может быть описана прямой линией. В силу естественных колебаний, возникающих на гончарном круге (случай, когда можно было бы ожидать наибольшего приближения к идеальной оси вращения), реальная ось вращения в плоских изображениях оказывается представленной ломаной линией. Это в равной мере относится и к сосудам, сделанным без помощи гончарного круга, но также являющимся по общим принципам их построения телами вращения. Словом, используемые нами представления об оси вращения как прямой линии всего лишь абстракция. Поэтому в интересах изучения самих форм, а не их размерности, более оправданным является использование способа деления на части, который не связан с необходимостью ориентироваться на ось вращения. Такому требованию целиком удовлетворяет способ, основанный на разыскании точек НЛК. Если, разделив сосуд на части с их помощью, будем придерживаться формального правила нахождения оси вращения и попытаемся представить выделенные части как простейшие геометрические фигуры, то легко заметим, что число или размеры частей не одинаковы с левой и правой стороны реального контура (рис. 6). Такое несоответствие довольно обычное явление при работе с точками НЛК, которые фиксируют частную информацию о естественной структуре формы, представленной именно данным плоским изображением. В интересах анализа эту частную информацию целесообразно обобщать. Когда же мы пользуемся точками, с помощью которых принято учитывать размеры сосудов, на такие несоответствия мало обращается внимания. Точки НЛК более содержательны. Они интересны не только как средство выявления естественной структуры форм глиняной посуды, но и в роли источников информации о различных особенностях структур. В рамках данной статьи я не имею возможности обсуждать эти их свойства. Ограничимся общей информацией и, в частности, сведениями о том, какими правилами следует пользоваться при их отыскании.

Для этих целей используются шаблоны в виде кругов различного диаметра. Целесообразно, чтобы не делать набор шаблонов слишком громоздким, сосуды больших размеров (высотой более 20 см) путем их фотографирования и последующего вычерчивания или проецирования на экран привести к одной высоте, например, 20 см. Как показала практика, при этом достаточными оказываются наборы, составленные из кругов от 0,5 см до 15 см, различающиеся друг от друга на 1 см по диаметру, начиная от круга диаметром 2 см. Интервал между шаблонами от 2 см до 0,5 см достаточно сделать равным 0,5 см. Всего, таким образом, желательно располагать набором, состоящим примерно из 20 шаблонов.

Вначале точки НК находятся с помощью шаблонов наименьшего диаметра, и только по мере необходимости привлекаются шаблоны большего диаметра. Шаблон признается выбранным правильно, если в месте касания его линии контура (в двух точках) наблюдается зазор не более 1 мм, а дуга его не пересекает линии контура. В том случае, когда учет степени кривизны участков, где фиксируются точки НК, несуществен²³, а нужно произвести только само их выделение, зазор между линией контура и дугой шаблона может превышать миллиметровый предел примерно в два раза, не более (из-за возможных неточностей в определении местоположения точек НК). Иллюстрацией к этому правилу являются контуры сосудов, изображенные на рисунке 5, а, б. На левом контуре дан пример правильного использования шаблонов, а на правом — неверного их применения.

Таковы те несложные правила, какими целесообразно постоянно пользоваться при работе с шаблонами.

При изучении естественной структуры форм глиняной посуды целесообразно различать два вида непосредственных источников информации: 1) костяки форм; 2) внешние оболочки костяков. Костяками названы фигуры, образующиеся в результате последовательного соединения точек НК прямыми линиями, а оболочками — отрезки линии контуров, расположенные между точками НК, опирающиеся, как на свои основания, на прямые линии костяков (рис. 6).

Принято различать два вида костяков — полные и неполные. Полные костяки воспроизводят всю естественную структуру форм. Прямые линии, образующие такие костяки, не пересекают линии контура. Неполными названы костяки, образованные прямыми линиями, которые пересекают линию контура на том или ином участке (рис. 6).

При изучении особенностей устройства глиняной посуды (в интересах ее дальнейшей систематизации и выработки общей номенклатуры) в роли непосредственных источников информации выступают костяки форм. Во многих случаях с помощью точек НК удается выявить всю естественную структуру форм, т.е. данные об особенностях состава полных костяков. Но нередко с их помощью можно выделить только часть естественной структуры, т.е. выявить неполные костяки. Когда "неполнота" касается мелких частей, располагающихся в самой верхней или самой нижней части контура, ее допустимо пренебречь в силу незначительного влияния на общий вывод об особенностях устройства глиняных емкостей. Но искажения естественной структуры (а именно об этом свидетельствуют сами неполные костяки) могут наблюдаться и в частях, которые характеризуют особенности состава и крупных час-

тей, образующих емкости (например, тулова, плеча и т.п.). В таких случаях целесообразно произвести дополнительное разделение контура на части с тем, чтобы располагать полными костяками. Для этой цели находим точку перегиба линии контура (совершенно — точка ШК). Так как она находится в пределах какой-либо конкретной части, выделенной предварительно с помощью точек НК, то вначале из одной такой точки по направлению к другой проводим прямую, касательную линии контура. Место касания отмечаем штрихом и производим такую же операцию из другой точки по направлению к первой. В результате на линии контура получаем отрезок, ограниченный с двух сторон точками касания. В центре этого отрезка и фиксируется точка ШК (рис.7).

В результате привлечения точек НК и ШК, как правило, удается выявить полные костяки, т.е. всю естественную структуру форм глиняной посуды.

Однако в силу того, что практически все реальные формы, относящиеся к телам вращения, обладают асимметрией, выделенные нами элементарные части и их костяки в большинстве своем не являются правильными многоугольниками. Из-за асимметричности они имеют неравные боковые линии и непараллельные пограничные линии, с помощью которых отделяются друг от друга (рис.8, а, б). Сравнительное изучение составов полных костяков, представленных такими элементарными частями, весьма сложно обеспечить единообразными правилами. Поэтому вслед за выделением полной структуры необходимо устранить влияние асимметрии на ее элементарный состав, т.е. привести выделенные костяки частей к виду правильных многоугольников. Процедура устранения асимметрии сводится к двум последовательным операциям: 1) в построении условно идеальной оси вращения и 2) в вычерчивании среднего контура. Условно идеальная ось вращения может быть найдена с помощью простейших геометрических построений. Плоское изображение любого сосуда (без ручек и других скульптурных деталей) заключаем в прямоугольник, в котором его основание и самая верхняя часть касаются двух параллельных друг другу сторон, а две другие стороны касательны к участкам, где форма имеет наибольший диаметр (рис.8 а, б). Проведя диагонали, отметим на их пересечении первую точку на будущей идеальной оси вращения. Еще две точки найдем с помощью деления прямоугольника на две части. Для этого через первую точку проведем прямую перпендикулярную левой и правой сторонам прямоугольника. Образованные прямоугольники вновь разделим диагоналями и в месте их пересечения найдем две другие точки. Соединив все три точки прямой линией, получим линию, которую и принято называть идеальной осью вращения (Рис.8, в, г, д, е).

Чтобы вычертить средний контур, накладываем друг на друга, перегибая по идеальной оси, обе половины реального контура и производим само вычерчивание (рис. 9, а, б, в, г). Необходимо помнить, что все точки на линии среднего контура должны отстоять на равном расстоянии от соответствующих точек реального контура (его правой и левой половины). Вычерчивание его можно производить с разной точностью, предварительно отметив положение точек, наиболее важных для воспроизведения линии среднего контура (рис. 9, в, г). Полезным может быть заранее заготовленный трафарет для разметки таких точек.

Полученный средний контур является обобщением реального контура. Выделение на нем точек НК и ЦК позволяет теперь представить костяк в виде набора правильных многоугольников (прямоугольников, трапеций и треугольников). Тем самым достигается единообразие при ведении любых форм глиняной посуды к наиболее удобному для внутреннего и внешнего анализа виду (рис. 9, д, е). Под внутренним анализом понимается комплекс исследовательских процедур, с помощью которых формируется вывод об особенностях устройства конкретных образцов глиняной посуды. В качестве источника информации выступают костяки форм, вычерченные по обобщенным контурам сосудов. Внешним анализом принято называть комплекс исследовательских процедур, с помощью которых осуществляется сравнительное изучение конкретных образцов посуды и производится их группировка по признакам, характеризующим особенности устройства. Источником информации здесь являются данные (так или иначе обобщенные), полученные по каждому сосуду при внутреннем анализе.

Практический смысл разделения форм на части с помощью точек НК по реальным контурам состоит, в частности, в том, что с помощью такого разделения можно получить в численном виде приближенную информацию о степени асимметрии исследуемых форм. Она особенно важна при сравнительном изучении форм по средним контурам, когда необходимо оценить степень надежности выводов.

При всей важной "похожести" изложенного выше способа разделения форм на части на способ, практикуемый сегодня археологами, он резко отличается от них по существу. В основе его лежит представление о форме и ее структуре как о вещественном итоге приложения конкретных систем распределения физических усилий. Поэтому сама задача изучения форм приобретает конкретное физическое содержание. Исследуются не просто особенности тех или иных очертаний, а особенности названных труда Гончаров, сформулированные в формах глиняной посуды. Представляется, что именно на этой содержательной, а не формальной

основе и должны быть построены приемы изучения форм керамики как источника исторической информации.

Примечания

1. Лаборатория "История керамики" была создана в 1963 году по инициативе академика Б.А.Рыбакова. С самого начала стержневой темой научных исследований ее сотрудников стала тема, которая кратко может быть сформулирована так: "Керамика как исторический источник". Тогда же наметилось три основных направления ее разработки: 1) рассмотрение в роли источника исторической информации тех данных, которые могут быть получены в результате анализа техники и технологии гончарного производства; 2) рассмотрение в этой роли данных, о вещественных в формах глиняной посуды и 3) - в орнаментации посуды. В разработке методов анализа активное участие принимали Ю.Б.Цетлин, М.Г.Гусаков, И.А.Гей, Е.В.Волкова.

2. Направляется вывод, что с помощью ассоциативных способов решить данную проблему вообще нельзя удовлетворительно на материалах какой-либо одной страны. Можно было бы поступить иначе - свести все формы и их названия, используемые в разных странах, в единый "список" и (после устранения синонимии и противоречий, порожденных языковыми и иными традициями) дать формам обозначение на одном языке (скажем, на латыни). Правда, затем необходимо особо договориться о том, чтобы используемые в той или иной стране обозначения форм ("отменять" их вряд ли целесообразно) сопровождались указаниями на соответствия обозначениям, принятым в едином списке. Таким путем, по-видимому, идти можно. Но организационно следование по нему пока не обеспечено какой-либо договоренностью между археологами разных стран.

3. Ritt-Rivers. *The Evolution of Culture and other Essays*. Oxford, 1906;
Montelius O. *Die Methode - Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa*. Stockholm, 1903.

А.А.Монгайт. *Археология Западной Европы. Каменный век*. М., 1973. С.32.

4. М.Гика. *Эстетика пропорций в природе и искусстве*. М., 1936. С.133 и др.

5. Там же. С.141 и др.

6. Gardner R.W. Standardized proportion of the greek vase and ornament. - *Journal of the American Ceramic Society*. 1926, № 7, p. 426-436.

7. Там же. С. 428.

8. М. Гина. Указ. раб. С. 60.

9. Вообще методы физического моделирования форм, проводившиеся нами на базе современных гончарных производств, оказались чрезвычайно перспективными для выработки представлений о формах и процессах их эволюции. Особенно интересными и важными были опыты по воспроизведению новых и традиционных для гончаров образцов посуды. Они осуществлялись с небольшими перерывами в течение 1974-1981 гг. В них приняли участие 40 гончаров из различных районов РСФСР, БССР и УССР. В результате удалось собрать обширную "коллекцию" данных о формах, в частности о том, как изменяются из года в год традиционные формы, новые формы (подражания), выходящие из-под рук одних и тех же мастеров. Экспериментальный подход к изучению форм глиняной посуды, как выяснилось, обеспечивает надежную базу для формирования более конкретных и содержательных представлений о формах как источниках информации. И только, по-видимому, недостаточным вниманием к этому подходу можно объяснить тот факт, что среди специалистов разных поколений удерживаются в них самые приближенные и формальные представления. Одним из примеров является представление, высказанное о формах Д. Хембрижем и его последователями (см. Д. Хембридж. Динамическая симметрия, греческая ваза. Нью-Йорк. 1919).

10. М. Гина. Указ. раб. С. 60.

11. О. Шуазли. История архитектуры. Т. 2. М., 1937. С. 556.

12. *Amelin Z. Die Elemente der Gefäßbildnerie mit besonderer Berücksichtigung der Keramik. München, 1885.*

13. *Grasset E. Formes et Decoration der Vases. - Art et Decoration, juillet-December, 1909, t. XXVI, c. 131-140.*

14. По литературным данным известно, что схема классификации К. Грассе в том ее варианте, который был предложен А. В. Филипповым, в 1920-е и 1930-е годы помещалась в экспозиции Государственного музея керамики (Кусково) (см.: А. В. Филиппов. Оформление керамических изделий // Краткий путеводитель по производственно-показательному отделу музея / Издание Музея керамики. М., 1930. С. 36-37.). Публикуемая схема классификации взята из научного архива А. В. Филиппова, хранящегося в лаборатории "История керамики".

15. В. А. Геродцов. Русская доисторическая керамика. М., 1901. С. 22-31.

16. *Birkhoffe J. D. Aesthetic measure. Cambridge, 1933;*
См.: Shepard A. Ceramics for the archaeologist. Washington, 1956,
с. 225-227.

17. Там же. С.224-245.

18. В действительности, как выяснилось проверкой "чувствительности" этого показателя по формам разной сложности, он позволяет получить неискаженное представление об общей пропорциональности только в случае, когда речь идет о формах простейших очертаний (например, в виде цилиндра, конуса). Его использование для форм более сложных ведет к искаженным представлениям об общей пропорциональности из-за недостаточного объема исходной информации, которая привлекается для расчетов.

19. Nordström H.A. *Cultural Ecology and Ceramic Technology. Early Nubian Cultures V and IV millenium B.C. Stockholm. 1942. S. 72-73.*

20. Там же.

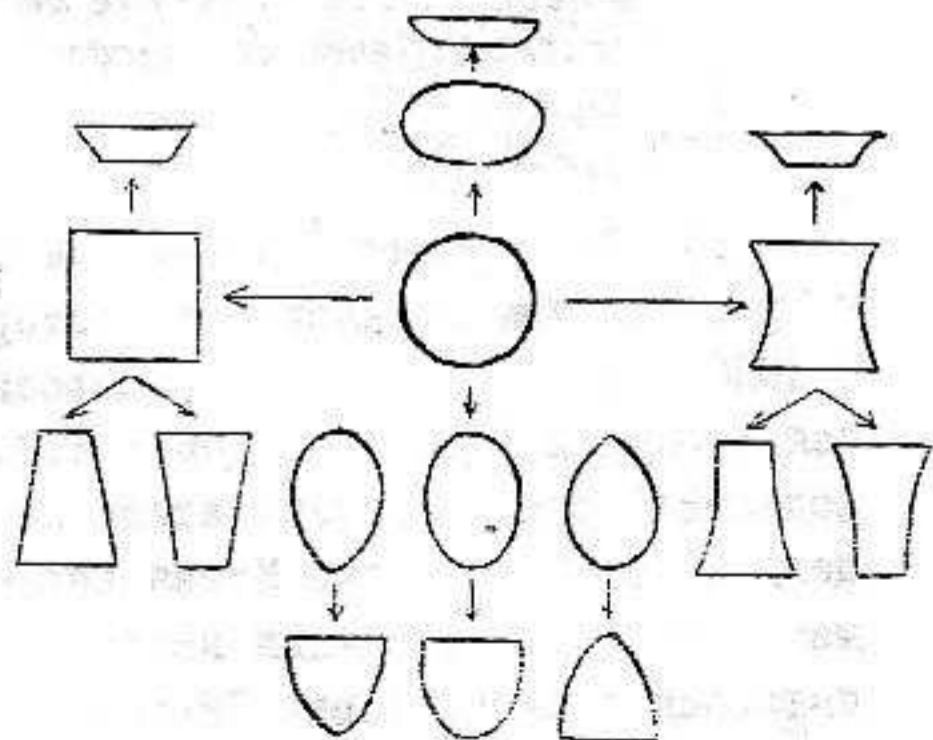
21. Имеется в виду прежде всего широко распространенная практика суждения о формах через изучение особенностей их размерных проявлений в контуре. Но, как справедливо заметил Х.А.Нордстрём, "...размер сосуда представляет собой независимую величину по отношению к свойствам контура" (*Nordström H.A. Op.cit. P. 68-69*).

Поэтому существующая практика (полезная во многих отношениях) нуждается в расширении путем разработки методов анализа самих форм, а не только их размерности.

22. Birkhoffe G.D. *Op.cit.*; Nordström H.A., *Op.cit.*

23. С помощью шаблонов, в частности их диаметров, можно не только фиксировать местоположение участков, где проявляются точечные усилия, но и важные особенности самих усилий (степень их концентрированности, особенности направления, кратности на разных участках контура и т.д.).

Рис. I. Схема систематизации форм глиняной посуды Л.Гмелина, основанная на сопоставлении тулова сосудов с геометрическими телами

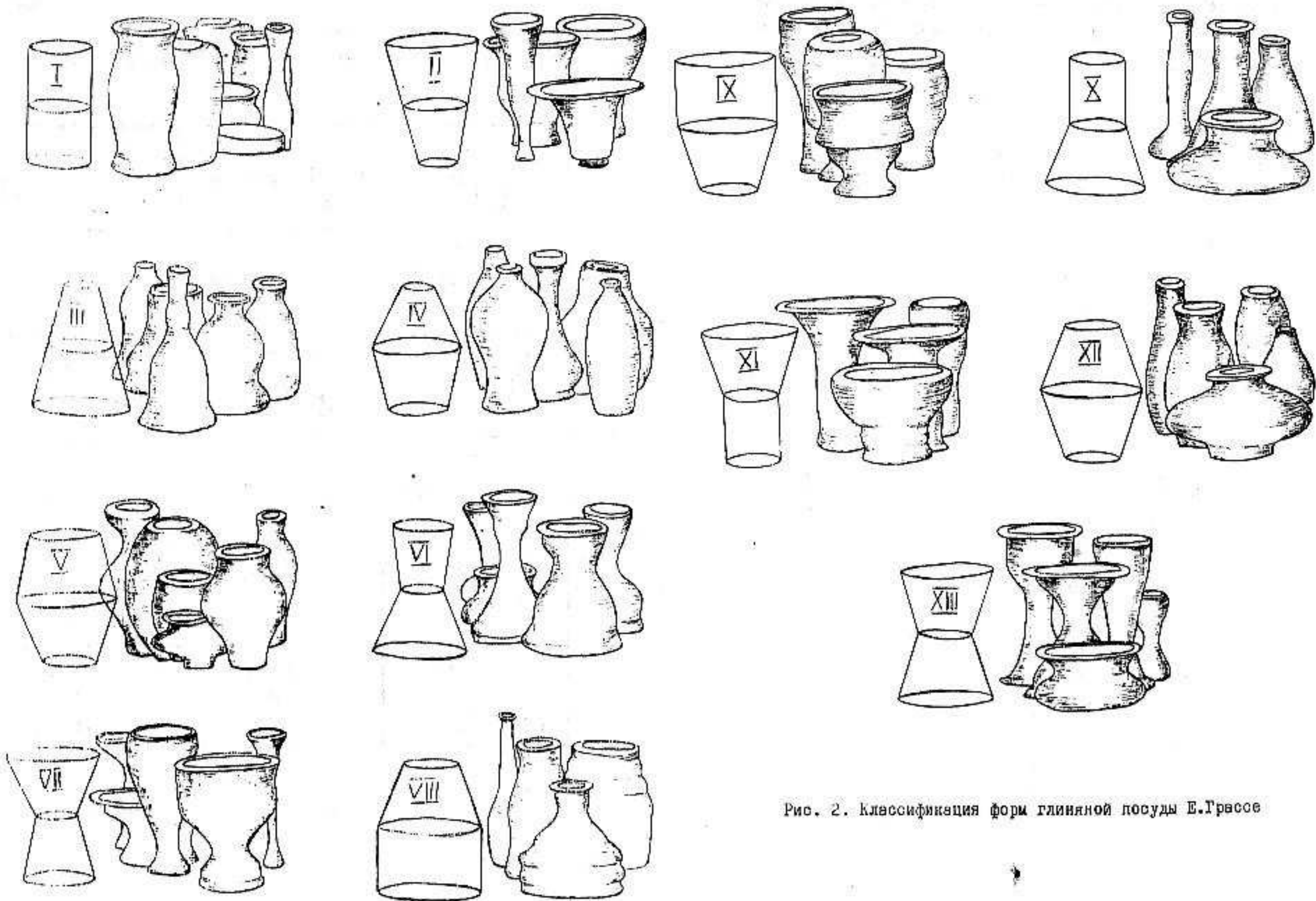

Рис. 2. классификация форм глиняной посуды Е.Грассе

Группы форм

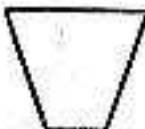
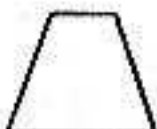
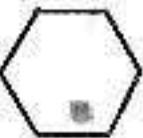
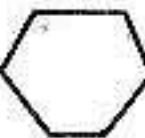
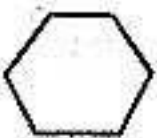
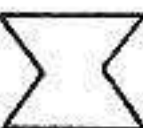

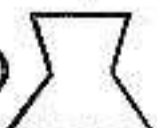

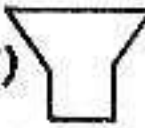
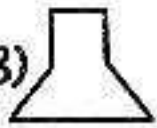
ИОТОВЫЕ I B = H	ИПСИЛОННЫЕ V B > H	ЛЯМБДОВЫЕ Λ B < H
I 	V 	Λ
I(C >) 	V(C >) 	Λ(C >)
I(C <) 	V(C <) 	Λ(C <)
	V(C = B) 	Λ(C = H)
	V(C = H) 	Λ(C = B)

Рис. 3. Классификация форм глиняной посуды А.В.Филиппова
 В – верхний диаметр сосуда, Н – нижний диаметр, С – средний диаметр сосуда

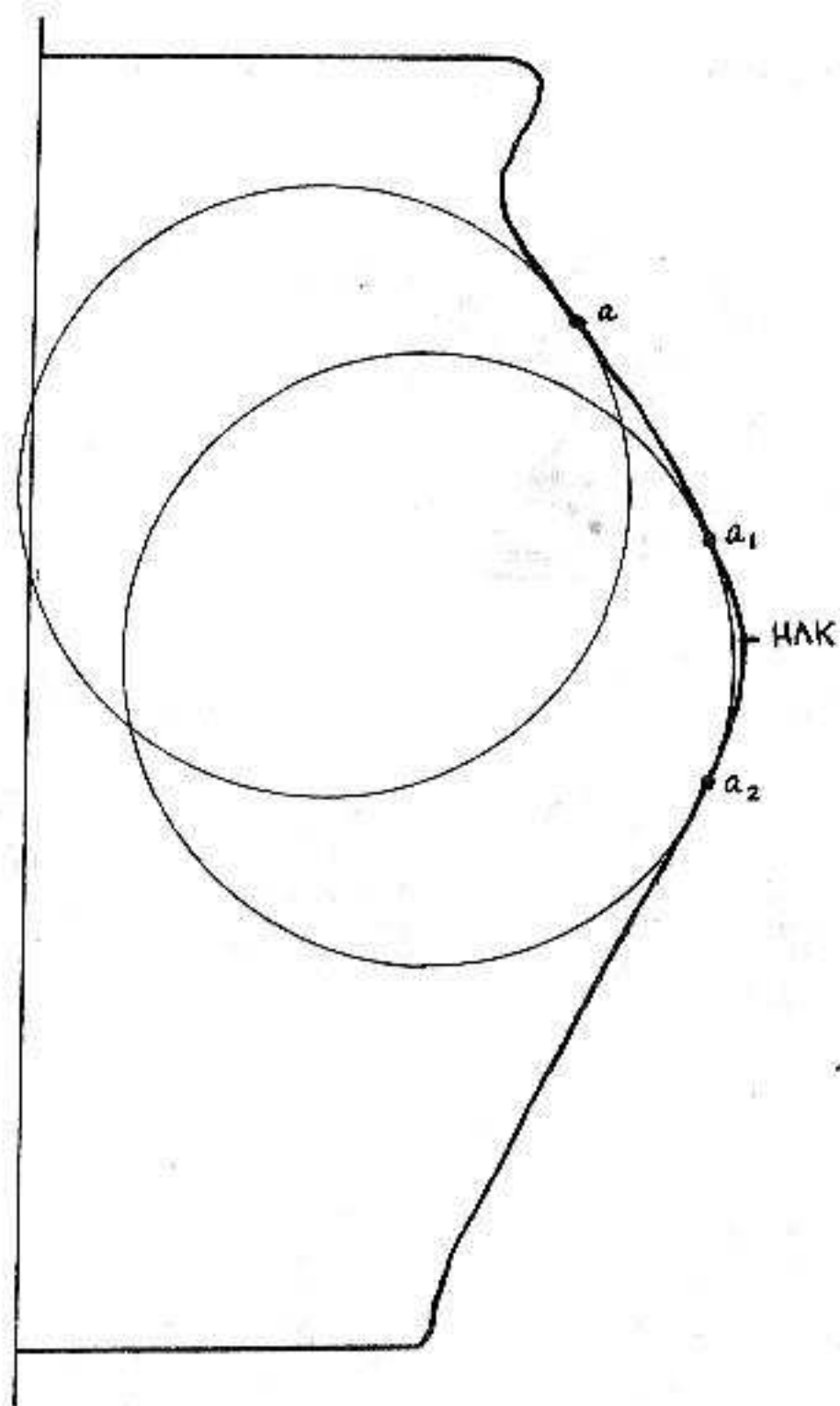

Рис. 4. Схема выделения точек НЛК:
 а – участок на линии контура, где шаблон касается этой линии одной точкой; а₁, а₂ – участок, где шаблон касается линии контура двумя точками, фиксируя тем самым местонахождение повышенной локальной кривизны

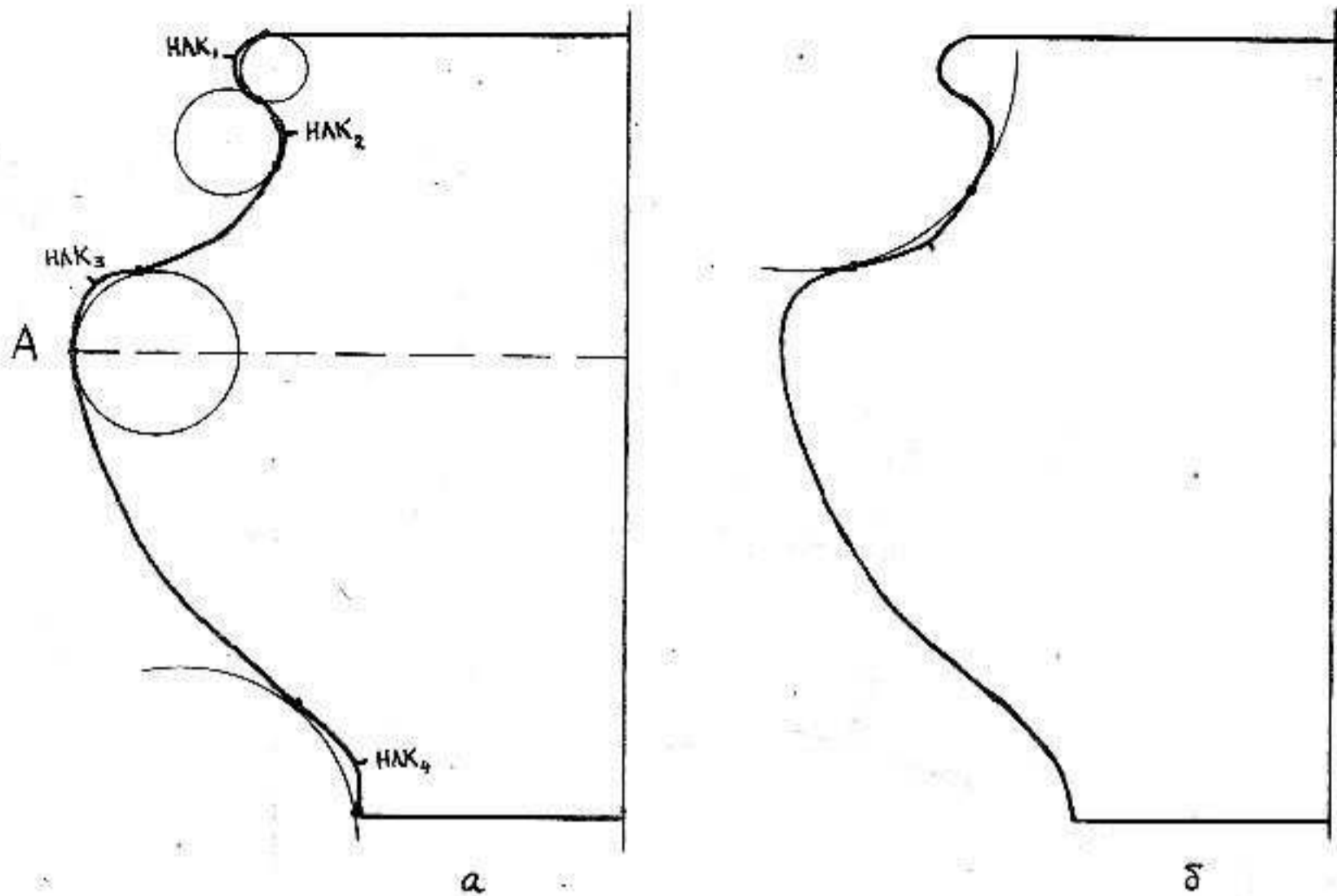

Рис. 5. Схема правил работы с шаблонами:
 а - пример правильного использования шаблонов для выявления точек
 НК; б - пример ошибочного их использования; А - точка, фиксиру-
 ющая местоположение максимального диаметра на линии контура

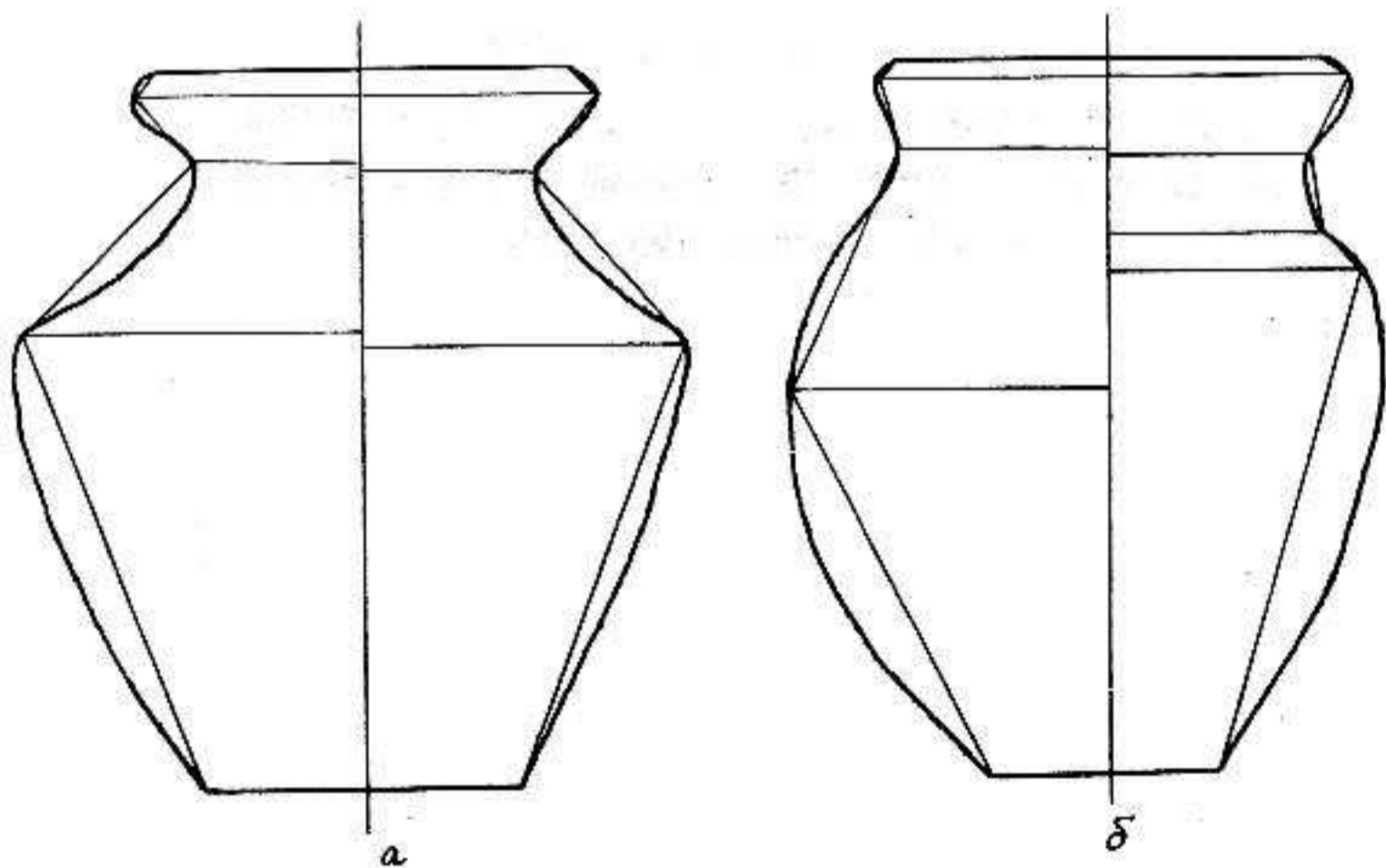

Рис. 6. Образцы сосудов (а, б), разделенных на части точками НК,
 и результаты выделения костяков и оболочек в составе левой и пра-
 вой половины их контуров

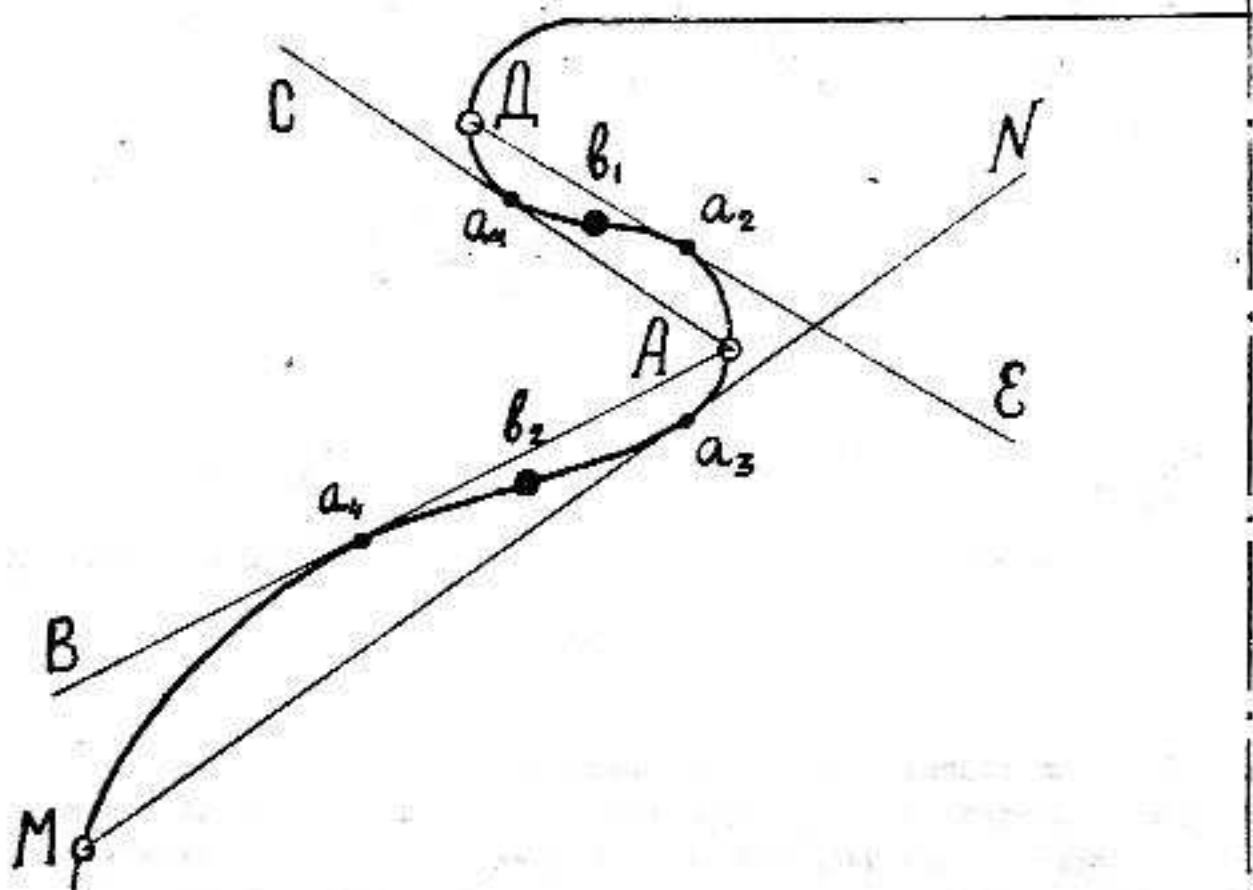

Рис. 7. Схема нахождения точек ПЛК:

А, Д, М - точки НЛК; a_1, a_2, a_3, a_4 - точки касания линии контура прямыми ДЕ, АС, АВ, МН; b_1, b_2 - местоположение точек ПЛК

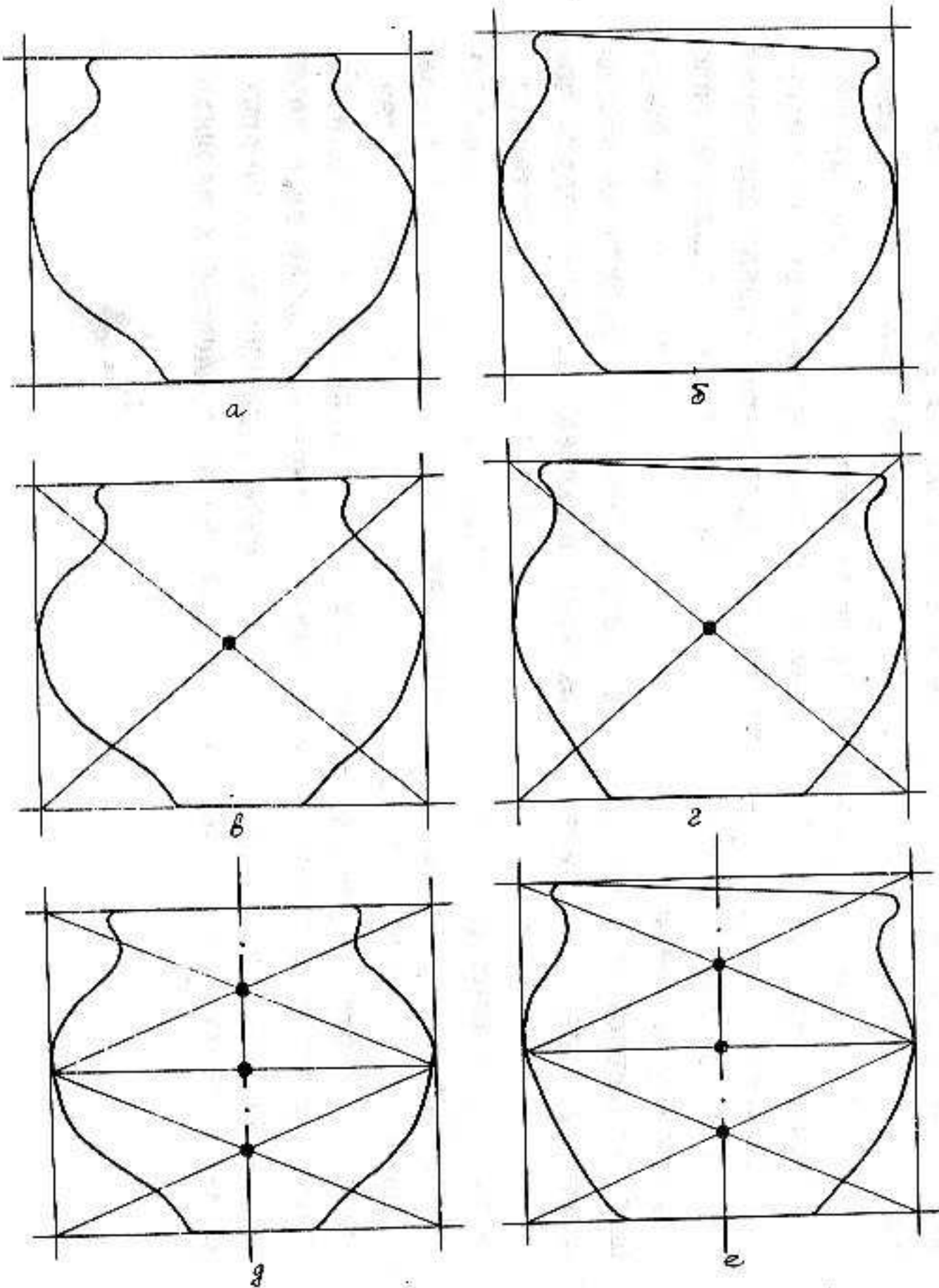

Рис. 8. Примеры использования геометрического способа определения условно идеальной оси вращения у сосудов, представленных реальными контурами.
 Условные обозначения: а, б - заключение реальных контуров в прямоугольник; в, г - нахождение первой точки на условно идеальной оси вращения; д, е - нахождение двух других точек и проведение условно идеальной оси вращения

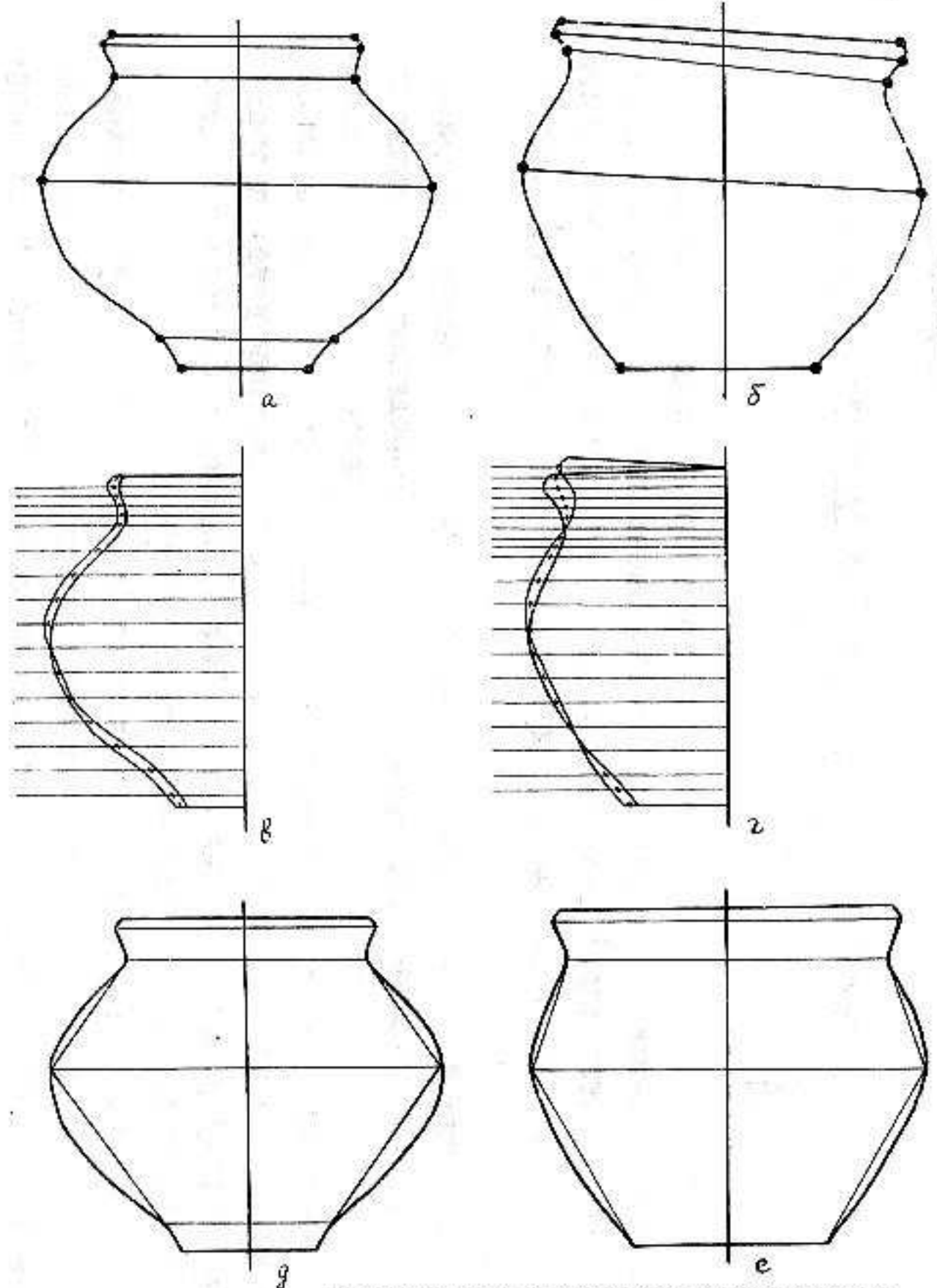

Рис. 9. Схема последовательности устранения асимметрии реальных контуров и вычерчивания средних (обобщенных) контуров сосудов:
 а, б - общий вид реальных контуров сосудов после их разметки с помощью точек НК и нахождения условно идеальной оси вращения; в, г - совмещение реальных контуров по условно идеальной оси вращения и предварительная разметка точек на линии среднего контура; д, е - общий вид тех же сосудов, представленных средними контурами, и результаты выделения в их структуре частей, костяков и оболочек форм

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н.Э.

I тыс. н.э. — период, когда на территории Среднего Поволжья и Приуралья протекали сложные процессы, связанные с массовыми перемещениями и интеграцией различных племен, приводившие к возникновению новых культурных образований, формированию новых этнических общностей.

В I тыс. до н.э. Волга была своеобразным естественным рубежом между двумя крупными этническими массивами: городецким на западе и аяаньинским на востоке. К началу I тыс. н.э. расселение племен осталось прежним, но потомки аяаньинцев — пъявоборские племена отодвинулись от Волги дальше на восток и заняли компактный район в среднем течении р. Камы и в низовьях р. Белой. Позже, в Среднем течении р. Белой, жили племена кара-абызской культуры.

В первых веках н.э. на территорию городецкой культуры начинают проникать массы пришлого населения, вступающие в контакты с местными племенами. В результате этого городецкая культура претерпевает настолько существенные изменения, что памятники позднего ее этапа, датируемые с I по V век н.э., правильнее было бы выделить в особую культуру, в которой собственно городецкие черты, выражены уже довольно слабо. Не позднее II века н.э. на территории городецкой культуры исчезает керамика с текстильным и регожным орнаментом; на смену ей появляется лишенная орнаментации или орнаментированная насечками по венчику посуда. По форме это остросеребряные или округлобочные горшки и миски, не имеющие ничего общего со слабопрофилированными сосудами городецкой культуры. По характеру обработки поверхности сосуды делятся на грубые бугристые и покрытые лощением. Лощеные сосуды часто имеют черный цвет. Мнение о том, что подобная посуда бытовала наряду с регожной на первом этапе развития городецкой культуры, ошибочно, т.к. на городищах, существовавших только в I тыс. до н.э. (Каменная Коза, Торновское и др.), гладостенной керамики нет. Состав глиняного теста, формы, орнамент появившейся в первых веках н.э. керамики свидетельствуют об отсутствии генетической связи ее с городецкой посудой. Остросеребряные горшки и миски, по мнению некоторых исследователей, имеют сходство с керамикой зарубинецкой и черняхов-

своей культуре¹. Погребальный обряд городецких племен I тыс. до н.э. неизвестен, в I тыс. н.э. на территории городецкой культуры появляются грунтовые могильники, в которых наряду с труположениями встречаются единичные трупосожжения в округлых или овальных ямах небольшого размера. Памятники городецких племен I тыс. до н.э. бедны металлом, но с первых веков н.э. на территории городецкой культуры широкое распространение получают различные металлические изделия: наконечники копий и дротинов, двулезвийные и однолезвийные мечи, конские удила, пластинчатые кресала, пинцеты, гривны с проволоочной обмоткой и напускными бусинами, охваты ремней, нередко встречаются шпоры. Все эти вещи не имеют местных прототипов², но находят аналогии в зарубинецкой, пшеворской и балтских культурах.

Наряду с типичными для финно-угорских памятников литыми украшениями широкое распространение получают украшения из тонкого медного листа с орнаментом в виде полугорошин, нанесенных с обратной стороны, и точек вокруг них. Подобные украшения характерны для латенизированных культур, в частности, для зарубинецкой и пшеворской.

Появление западных элементов на территории городецкой культуры неоднократно отмечалось исследователями³.

Перечисленные изменения, происшедшие на территории городецкой культуры, столь существенны, что их невозможно считать результатом развития городецкой культуры. Они, несомненно, обусловлены притоком групп населения с запада, что, в свою очередь, было вызвано обстановкой, сложившейся в Поднепровье и Поднестровье в середине I в. н.э. В 40-х годах I века зарубинецкие племена покинули Полесье и ушли на территорию Волыни и Верхнего Поднестровья, где смешиваются с населением пшеворской и липецкой культур⁴. Вероятно, это переселение связано с появлением готов на Нижней Висле, с их продвижением на юго-восток. Возможность подобного передвижения подтверждается находкой вельбарского погребения середины I тыс. н.э. на р. Сейме в Пересыпках⁵. В середине I в. н.э. значительно сокращается численность зарубинецкого населения в Среднем Поднепровье, что связано с вторжением сарматов⁶. Зарубинецкие племена уходят не только на запад (Волынь, междуречье западного Буга и Днестра) и юго-запад (Кижий Буг), но на северо-восток (Десна) и на восток. На Верхней Оке они приняли участие в формировании мещинской культуры. Под их влиянием произошли существенные изменения в дьяковской⁷ и, как уже отмечалось, в городецкой культуре. Видимо, в движение на восток были вовлечены наряду с зарубинецкими племенами группы смешанного пшеворско-зарубинецкого населения Волыни. С конца I в. н.э. на территории

городецкой культуры появляется керамика, находящая аналогии в пшеворской культуре. Например, на Ахунском городище в Пензенской области найдены высокие вазообразные сосуды и ребристые миски пшеворского облика⁸.

Почти одновременно с появлением западных групп населения с Востока из Прикамья на территорию городецкой культуры проникают племена пьяноборской культуры. В результате интеграции пьяноборских и городецких племен при участии пшеворско-зарубинецких компонентов складывается культура поволжских финно-угров II-V вв., которую часто называют позднегородецкой. Процесс смешения пришлого и местного населения нашел отражение в Андреевском кургане в Мордовии.

Невозможно согласиться с А.Х. Савиновым, который считает Андреевский, Писеральский и Сергачевский могильники памятниками степных гунно-тюркских племен, продвинувшихся в Поволжье, ссылаясь на наличие в погребениях этих могильников однолезвийных мечей, сложных луков и частей коня⁹. На самом деле остатков сложных луков в этих могильниках не встречено. Длинные однолезвийные мечи значительно отличаются от палашей, появившихся в конце VI - начале VII вв., и тому же они бытовали в Поволжье и Приуралье задолго до гуннского нашествия в памятниках пьяноборской культуры (Нургулинский и Сасыкульский могильники)¹⁰.

Все мечи Андреевского могильника, кроме типично-сарматских, находят аналогии в Западной Европе. Западное же происхождение имеют фибулы "Авцисса" и восьмеркообразные пряжки и некоторые другие вещи. Основная масса вещей из погребений находит аналогии в памятниках пьяноборской культуры. Слабопрофилированные мискообразные сосуды из Андреевского могильника имеют по форме некоторое сходство с городецкими, но отличаются от них приземистостью и отсутствием рогожных или сетчатых отпечатков.

Обычай помещать в могилы череп и ноги лошади был распространен не только у тюркоязычных племен, но и у других групп населения, например, у балтов¹¹.

На территории городецкой культуры зарубинецко-пшеворские элементы быстро растворились в массе финно-угорских, пришедших из Прикамья, и местных городецких племен. Иными были судьбы пришельцев на левобережье среднего течения р. Волги, которое было очень слабо заселено к моменту их появления. Здесь зарубинецко-пшеворское население сохраняло свою этническую чистоту и однородность. В последнее десятилетие в Среднем Поволжье выявлены населения славянского типа, материальная культура которых не имеет местных генетических корней и на-

находит близкие аналогии на западе в памятниках Верхнего Поднепровья, исследованных Д.Н.Козаком¹². К числу этих поселений относится селище, исследованное С.А.Агаповым, В.И.Пестриковой и Н.П.Салугиной, у с.Славкино Сергиевского района Куйбышевской области¹³. Сходство его с псеворскими поселениями проявляется в топографии: оно расположено на краю террасы среди болотистых долин. Прослеженные на Славкинском поселении углубления, в которых сосредоточены скопления керамики, представляют собой прямоугольные жилища со слабо углубленным в материк основанием¹⁴, они также имеют параллели в псеворской культуре¹⁵.

Значительное сходство с псеворскими имеют некоторые типы сосудов. Сосуды III типа с очень короткой, сильно отогнутой наружу шейной и утолщенным венчиком, свешанным внутрь¹⁶, находят аналогию среди сосудов II типа поселения Поберезцы, имеющих "отогнутый утолщенный профилированный венчик и высокие хорошо выраженные плечики"¹⁷. Сосуды U типа с плавным переходом от венчика к тулову и утолщением с внутренней стороны на месте перехода¹⁸ близки к сосудам I типа поселения Подберезцы, имеющим слегка отогнутые утолщенные венчики и слабо выраженные плечики¹⁹. Сосуды I и II типов Славкинского поселения²⁰ также находят аналогию среди керамики поселения Подберезцы²¹. Только один тип горшков с очень короткой шейной и крутыми плечиками²² не встречен на поселении Подберезцы, но он имеет прототипы в керамике полесского варианта зарубинецкой культуры²³. Миски, найденные на Славкинском поселении²⁴, имеют некоторое сходство с мисками псеворских памятников Верхнего Поднепровья²⁵. Так же, как и на псеворских поселениях, орнаментирована лишь очень незначительная часть славкинской посуды (4,2%). Эта черта отличает ее от зарубинецкой керамики, где процент орнаментированных насечками и задицами по венчику сосудов значительно выше. Орнамент на славкинской посуде также состоит из насечек и задиц и располагается на венчиках. Совпадают типы пряслиц славкинского поселения и селища Подберезцы²⁶.

Датируемых материалов на Славкинском поселении не найдено, но близость его керамического материала к керамике поселения Подберезцы, датируемого I-III веками н.э., позволяет предполагать синхронность этих поселений. В то же время важно отметить, что материалы Славкинского поселения выглядят гораздо архаичнее материалов городища Лбище, датируемого на основании ряда находок III-IV веками.

Славкинское селище - не единственный памятник этого типа в Среднем Поволжье; неподалеку от него в Сергиевском и Шенталинском районах выявлено еще несколько аналогичных поселений. Близи к Слав-

кинский материалы нескольких поселений в Старо-Майнском районе Ульяновской области и в Татарской АССР (селище Поляны).

Следующий этап в истории населения Среднего Поволжья представлен памятниками лбищенского типа, получившими название от городища, расположенного на Самарской Луке у деревни Лбище Ставропольского района Куйбышевской области. На площади около 3 тысяч кв. м. исследовано 85 сооружений, 30 из которых представляют собой очажные котлованы жилищ, имевшие овальную, прямоугольную, округлую или неправильную форму. Размеры котлованов различны. Самые большие из них 5 x 2,5 м, самые малые - 1,5 x 1,5 м. Глубина котлованов от 0,25 до 0,6 м. На дне котлованов встречаются следы открытых очагов в виде скопления угля и золы с пятнами прокаленной глины под ними. Иногда в 1-2 м от котлованов встречаются одиночные столбовые ямы или горизонтально лежащие обугленные бревна, представляющие собой остатки наземных конструкций жилищ. Судя по всему, жилища были наземными, срубными. Их размеры превышали размеры котлованов. Углубление очагов было необходимо во избежание пожаров. В котлованах была сосредоточена основная масса найденной на городище керамики, часто встречались целые сосуды и их развалы.

Жилищные котлованы городища Лбище имеют сходство с подобными сооружениями, выявленными В.К. Воляником на поселении у с. Подрижье на Волыни²⁷. Некоторые котлованы, имевшие овальную и подквадратную форму, близки к жилищам, исследованным В.Д. Бараном на поселениях черняховской культуры Верхнего Поднепровья и Западного Буга (Рипнев II)²⁸.

Керамический материал делится на две неравные группы. К первой относятся немногочисленные фрагменты сосудов городищской культуры с рогожным орнаментом. Они составляют менее 1% всей найденной на городище керамики. Вторую, основную группу посуды составляют сосуды, сформованные из глины с примесью шамота и навоза. По обработке поверхности они делятся на грубые бугристые и тщательно заглаженные или подощенные.

Основные категории сосудов: горшки, миски, миниатюрные сосудики, воронкообразные крышки и диски, служившие крышками или лепешницами.

Объем данной статьи не позволяет подробно остановиться на типологии керамики, тем более, что ей посвящена особая статья. Отметим лишь, что горшки делятся на ряд типов, одни из них находят аналогии в зарубинецкой культуре, другие - в лепной посуде черняховской культуры, третья - в позднесарматских памятниках. Еще более разнообраз-

разны миски. Большинство их имеют прототипы в пшеворской (рис. I) и зарубинецкой культурах.

Диски - лентницы, или крышки, находят аналогии в зарубинецкой и пшеворской культурах, особенно они многочисленны в смешанных зарубинецко-пшеворских памятниках²⁹. Вероятнообразные крышки известны в памятниках зарубинецкой³⁰ и черняховской культур³¹. Таким образом, ближайшие аналогии керамике городища Лбище можно найти в зарубинецкой, черняховской и пшеворской культурах, однако в целом лбищенская керамика грубее и примитивнее.

Вещевой комплекс городища Лбище хорошо укладывается в рамки III-IV веков. Многие вещи находят аналогии на западе, главным образом в черняховской культуре. Прежде всего это относится к двучленной прогнутой подвязной фибуле из сооружения IЗ. Подобные фибулы А.К. Амброз³² датировал концом IV в., допуская возможность их бытования в начале V в. Орнамент в виде косога креста весьма характерен для бронзовых изделий пшеворской и черняховской культур.

Бронзовые пряжки с полуовальной рамкой с несомкнутыми концами и подвижным язычком находят ближайшие аналогии в памятниках III-IV вв. черняховской и пшеворской культур. Браслет с утолщенными орнаментированными концами находит аналогии в памятниках киевского типа³³ и черняховской культуры³⁴.

Перечень западных аналогий можно было бы продолжить, но и приведенных данных достаточно для того, чтобы с уверенностью говорить о западных пшеворско-зарубинецких истоках культуры населения, оставившего памятники типа городища Лбище. В Среднем Поволжье выявлено несколько памятников, материалы которых близки лбищенским. Это селище на соседнем с городищем мысу, городище у с. Переволони Сызранского района и некоторые другие. Материалы этих поселений свидетельствуют о западном происхождении их обитателей. Окончательно решить вопрос об исходном районе миграции пока невозможно. Не исключено, что им могла быть Волынь и междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга, где с конца I в. н. э. протекали процессы интеграции зарубинецких и пшеворских племен. Сходство некоторых форм керамики, вещей и конструкций жилищ, памятников Лбищенского типа с черняховскими обусловлено участием в их формировании общих компонентов (племена зарубинецкой и пшеворской культур).

Не исключено, что переселение зарубинецкого, пшеворского и смешанного пшеворско-зарубинецкого населения в Среднем Поволжье было необратимым. Близость материалов Славянского поселения к материалам пшеворских памятников Поднепровья раннего римского времени сви-

детельствует о миграции пшеворских племен в Среднее Поволжье в конце I века н.э. Появление памятников Лбищенского типа, видимо, связано с проникновением в Поволжье новых масс переселенцев смешанного пшеворско-зарубинецкого происхождения. Их уход на восток был, видимо, обусловлен движением готов к Черному морю. Пришельцы распространились не только на территории Среднего Поволжья, но и проникли на территорию Приуралья. С их приходом связаны значительные перемещения местного финно-угорского населения на рубеже II и III вв. В это время племена кара-абызской культуры покидают правобережье Среднего течения р. Белой и переселяются в Бельско-Уфимское междуречье и в Среднее Прикамье, где в результате интеграции их с пъяноборским населением при известном влиянии пришлых западных элементов складывается мазунинская (раннебахмутинская культура). Несмотря на очевидную пъяноборско-кара-абызскую основу, в этой культуре есть много западных привнесенных черт. Например, встречаются украшения из тонкого бронзового листа с орнаментом в виде полугорошин, нанесенных с обратной стороны. Такое распространенное в мазунинской культуре украшение, как фибула в виде бабочки, имеет отдаленные западные прототипы. Некоторые типы мазунинских пряжек также близки в прямом пшеворской и черняховской культур.

К середине V в. н.э. пшеворская культура прекратила существование. Количество памятников этой культуры во много раз превышало число более поздних славянских поселений. Очевидно, что с территории пшеворской культуры ушли значительные массы населения³⁵. Видимо, часть их переместилась в Поволжье и приняла участие в формировании именъковской культуры.

К первой половине V века относится уникальный памятник - Туравский курганный могильник, находящийся на правом берегу р. Камы, напротив устья р. Ик. В.Ф. Геннинг, исследовавший этот могильник, выдвинул гипотезу о принадлежности его населению западно-сибирского происхождения³⁶. А.Х. Халиков, ссылаясь на наличие кольцевых наконечников, каменных закладов над могилами, а также ступеней и подбоев в стенках могил, сопоставляет его с кочевническими курганами Южной Сибири и севера Средней Азии³⁷. В Средней Азии он ищет аналогии предметам вооружения и доспехам. Однако большая часть предметов погребального инвентаря находит аналогии на западе и юго-западе, что было отмечено самим В.Ф. Генингом, например, он указывает, что пряжки и наконечники ремней входят в "широкий круг причерноморских изделий". Пряжки с утолщенным кольцом и вращающейся задней пласти-

ной широко представлены в черняховских памятниках III-IV вв.³⁸. Пряжки с золотыми городками и инкрустацией и наконечники ремней пластинчатые и в виде коробочек он сравнивает с подобными изделиями из керченских катаномб³⁹. Аналогии массивной железной пряжке восьмиугольной формы он находит в могильнике Шагвар⁴⁰. Яитарные бусы, сходные с тураевскими, представлены в кладе у с. Турии, кольца от удил с металлическими обоями - в керченских катаномбах⁴¹.

Список этих западных и юго-западных аналогий можно продолжить: ножи с серповидно изогнутым клинком известны в пшеворской и черняховской культурах⁴³. Скрепки ремней, подобные тураевским, встречаются в пшеворской культуре. Медные стержни квадратного сечения из погребений Тураевского могильника, часто встречающиеся в памятниках имениковской культуры, находят аналогии в материалах зарубинецкого поселения Пилепенкова гора в Среднем Поднепровье⁴⁴ и т.д.

Следует отметить одну особенность Тураевского могильника: несмотря на наличие в могилах богатых наборов оружия, в них представлено только 7 наконечников стрел. Три из них, черешковые, находят аналогии в Поволжье и Приуралье. Три других, втульчатые, как верно отмечает В.Ф.Гейнинг, для этих районов не характерны, но известны на западе. Малое количество стрел отличает Тураевский могильник от памятников восточных кочевников, т.е. у последних лук и стрелы были главным оружием.

Погребальный обряд Тураевского могильника, как и его инвентарь, находит аналогии на западе. В первых веках I тыс. н.э. на значительной территории западной Европы - от Южной Норвегии на севере до Чехословакии на юге, от низовьев Эльбы на западе до Волны на востоке - встречаются погребения военных вождей, совершенные, как правило, под курганными насыпями и сопровождаемые богатыми наборами вещей. Эти погребения получили название княжеских. Большинство исследователей считает, что их появление определено экономико-социальными преобразованиями в варварской среде, распадом родового строя, выделением местных княжеских династий⁴⁵. Есть такие погребения и в пшеворской культуре. Самые ранние из них относятся к середине I в. н.э., самые поздние - к III-IV⁴⁶ вв. Многие из них совершены по обряду трупосожжения, несмотря на то, что в пшеворской культуре господствовал обряд трупосожжения. Погребальный инвентарь обычно очень богат и включает римский импорт. Над погребениями часто имеются курганные насыпи. Стены могильных ям обычно обложены камнем или деревом, иногда могилы перекрыты деревянным настилом. Часто встречаются деревянные намеры, гробы или колоды⁴⁷. Ориентировка разная, наиболее часто

встречается южная, с различными отклонениями⁴⁸. По погребальному обряду Тураевский могильник имеет сходство с княжескими погребениями шеворской культуры. В нем погребены мужчины-воины, сопровождаемые оружием, над погребениями насыпаны курганы, некоторые могилы имеют обкладки из каменных плит, в могилах встречены деревянные гробы. Ориентировка погребенных - юго-западная. Отмечены случаи, когда топор вбит в дно могилы⁴⁹, что также весьма характерно для "княжеских" погребений⁵⁰. Единственное отличие Тураевских курганов от княжеских курганов на западе - наличие нескольких погребений под насыпью, в то время как там эти погребения обычно одиночные.

К Тураевскому могильнику хронологически и в культурном отношении близок другой памятник - Старо-Майнское городище в устье р. Майны в Ульяновской области. На городище исследовано 6 жилищ. Одно из них представляло собой квадратную полуземлянку с печью-каменной в северо-восточном углу. Остальные жилища - слегка углубленные в материк основаниями прямоугольные постройки. В углах и вдоль длинных стен четырех из них обнаружены столбовые ямы. Оба описанных типа жилищ не известны в памятниках Поволжья и Приуралья предшествующего периода. Жилища столбовой конструкции находят аналогии в зарубинецкой⁵¹ и шеворской⁵² культурах. Самое большое жилище (сооружение 7) имело некоторое сходство с большими домами черняховской культуры⁵³. Квадратные полуземлянки с центральным столбом или без него, впоследствии получившие широкое распространение в именьковской культуре, имеют прототипы в памятниках зарубинецкой и киевской культур. Появление их в Поволжье и Приуралье также связано с перемещением в эти области западного населения.

Несмотря на слабую изученность памятников первой половины I тыс. н.э. можно с уверенностью говорить о том, что в сложении именьковской культуры приняли участие потомки племен, оставивших памятники славянского и лонченского типов, а также группы населения, переселившиеся с запада в период великого переселения народов из Поднестровья, а возможно и более западных районов. Видимо, все эти группы были родственны по языку и своему происхождению. В результате их слияния к середине V века сложилась именьковская культура. К VI веку ее территория значительно расширилась в результате ассимиляции части племен азелинской культуры. В этот период она охватывала огромную территорию - от Средней Суры на западе до р. Балой на востоке, от правобережья р. Камы на севере до устья р. Самары на юге. На этой территории выявлены сотни поселений, располагавшихся гнездами, обычно состоящими из городища

и нескольких селищ. Жилища прямоугольные, с основанием, углубленным в материал на 0,3 - 1 м. Некоторые из них имели центральный столб, но в большинстве центральный столб отсутствовал. Жилища отапливались глиняными печами или открытыми очагами. В настоящее время в результате многолетних работ казанских археологов в Среднем Поволжье выявлено три могильника и ряд одиночных погребений именьковской культуры⁵⁴. В них безраздельно господствует обряд трупосожжения. Погребения не имеют в настоящее время никаких внешних признаков, но, видимо, имели их в древности, т.е. случаи нарушения поздних могил ранними крайне редки. Все погребения ямные, т.е. кальцинированные кости сожженных умерших сохранились не в урну, а непосредственно в могильную яму. Эти особенности погребального обряда, как уже отмечалось⁵⁵, сближают именьковские погребения с зарубинецкими. Ряд других черт сближает именьковский погребальный обряд с пшеворским. В погребениях обеих культур количество костей может быть различным - от нескольких косточек до сравнительно большого скопления⁵⁶. Кости чаще всего очищены от остатков костра и даже как будто вымыты⁵⁷. Основная масса костей обычно лежит на дне могилы, но в верхней части заполнения иногда встречаются отдельные косточки⁵⁷. В обеих культурах встречаются погребения, где костные остатки лежат, образуя два скопления⁵⁹.

Во всех могильниках именьковской культуры около трети погребений содержат отдельные фрагменты сосудов. Обычай помещать в могилу обожженные черепки от сосудов был широко распространен в пшеворской культуре⁶⁰. В других культурах он встречается редко. Погребальный инвентарь в погребениях именьковской культуры включает те же категории вещей, что и погребения пшеворской культуры: сосуды, личные вещи покойника, бусы, бронзовые украшения, орудия труда индивидуального пользования (ножи, пряслица, шилья). Почти все вещи имеют следы пребывания в огне, многие из них умышленно изломаны. Эта черта весьма характерна и для могильников пшеворской культуры⁶¹. В зарубинецких могильниках вещи в погребениях обычно не изломаны и гораздо реже носят следы пребывания в огне. Таким образом, в погребальном обряде именьковской культуры переплетаются зарубинецкие и пшеворские черты.

Керамика именьковской культуры содержит в глиняном тесте шамот и навоз. Сосуды делятся на горшки, миски, банки, стопки, миниатюрные сосудики и диски-лепешечницы. Нами уже отмечалось сходство некоторых типов сосудов с зарубинецкими⁶². Другие типы горшков⁶³ имеют прототипы в пшеворской культуре⁶⁴. Диски-лепешечницы и миниатюрные сосуды одинаково характерны для пшеворской, зарубинецкой культур,

а также встречаются в более поздних культурах, связанных своим происхождением с вышеуказанными культурами. Таким образом, основные черты именьковской культуры свидетельствуют об участии в ее формировании племен зарубинецкой и пшеворской культур. После переселения в Поволжье пришлые племена вступали в контакты с местным городецким и пьяноборским населением, впитывая культурные традиции этого населения. Никаких восточных влияний и тем более свидетельств о перемещении в Среднее Поволжье в первой половине I тыс. н.э. племен из Зауралья в археологических материалах нет. Лишь с второй половины VI века в Приуралье, а затем и в Поволжье начинают появляться группы сибирского населения. Ими были племена кушнаренковской культуры. Наиболее ранние погребения с кушнаренковской керамикой на территории Башкирии датируются VI в.

Примечания

1. Калмыкова В.А. Ахунское городище в Пензенской области // Вестник Московского университета. Серия IX. 1971. С.78.
2. Ледяйкин В.И. О преемственности между городецкой и древнемордовской культурами // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск. 1975. С.37.
3. Бфименко П.П. Рязанские могильники // МЭ.3,1.Л.,1926; Третьяков П.Н. Северные восточно-славянские племена // МИА.6.1941. С.28; Седов В.В. Рязано-Овские могильники // СА. Л.1966. № 4.
4. Каспарова Н.В. Новые материалы могильника Овержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры. Вып.17. 1976. С.140.
5. Кухаренко Ю.В. Погребение у с.Пересыпки // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С.33-35.
6. Максимов К.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. С.25.
7. Розенфельд И.Г. Керамика дяковской культуры // Дьяковская культура. М. 1974. С.177.
8. Калмыкова В.А. Уж.соч. С.74. Рис.3,1.
9. Халиков А.Х. Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тыс.н.э...// В настоящем сборнике. С. 73.
10. Иванов В.А. Вооружение и военное дело у финно-угров в эпоху железа. 1984. С.18.
11. Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М., 1969. С.120; Вайтунскене. К изучению культуры коня в Литве // СА. 1986. № 2. С.101-105.

12. Козак Д.Н. Поселение пшеворской культуры в с.Подберезцы Львовской области // СА. 1985. № 1.

13. Агапов С.А., Пестрикова В.И. Салугина Н.П. Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С.108.

14. Там же. С.109. Рис.2.

15. Козак Д.Н. Ук.соч. С.75. Рис.2. *Prahistoria ziem Polskich (róznych okrzeg lateński i okrzeg zżymski) т. V, Wzrostław - Warszawa - Krakow - Gdańsk, 1981.*

16. Агапов С.А. и др. Ук.соч. С.112. Рис.4,1.

17. Козак Д.Н. Ук.соч. С.82. Рис.8,2.

18. Агапов С.А. Ук.соч. С.111, Рис.3,1,3.

19. Козак Д.Н. Ук.соч. С.81. Рис.7,5, С.82. Рис.8,1.

20. Агапов С.А. и др. Ук.соч.С.111, Рис.3, 1,3.

21. Козак Д.Н. Ук.соч. С.31. Рис.7.

22. Агапов С.А. С.111. Рис.3,7.

23. Максимов В.В. Ук.соч. С.15. Т.1У, 7.

24. Агапов С.А. Ук.соч. С.114. Рис.5.

25. Козак Д.Н. Ук.соч., С.79. Рис.5,6,8,12.

26. Агапов С.А. Указ.соч. Рис.8, 4-12; Козак Д.Н. Ук.соч. С.84.Рис.9, 19,26.

27. Волыняк В.К. Поселение у Подрижье на Волыни // АО. 1971, М. 1971, С.361.

28. Баран В.Д. Черняхівське культури. Київ, 1981. С.20.

29. Козак Д.Н. Памятники рубежа и первых веков н.э. в Поднепровье и западном Побужье // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С.90.

30. Максимов В.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.

31. Баран В.Д. Ук.соч. С.20. Рис.4, 6.24,рис.7.

32. Амброс А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М., 1966. С.60-61.

33. Терпиловский В.В. Ранние славяне Подесенья III-IV вв. Киев, 1984. С.103. Т.10, 1.

34. Баран В.Д. Ук.соч. С.260. Т.4, XXXII.

35. Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. М., 1976. С.207.

36. Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в н.э. // Из археологии Волго-Камья. С.108.

37. Халилов А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов

Поволжья и Приуралья. Казань, 1971. С.12.

38. В.Ф.Генинг. Туряевский могильник У в н.э. С.104.

39. Там же, С.104.

40. Там же. С.106.

41. Там же. С.106.

42. Там же.

43. *Prähistoria Ziemi polskich, T. V, Warszawa, 1981.*

44. Максимов В.В. Зарубинецкое городище Филипенкова гора // Археология. 1971. № 4. С.51. Рис.8,1.

45. Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. // Погребальный обряд племен северной и центральной Европы в I тыс. до н.э. - I тыс.н.э. Москва, 1974. С.77.

46. Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М., 1969. С.119.

47. Никитина Г.Ф. Ук.соч. С.78; Кухаренко Ю.В. Ук.соч.С.119.

38. Никитина Г.Ф. Ук.соч. С.73.

49. Генинг В.Ф. Туряевский могильник. С.69.

50. Никитина Г.Ф. Соч. С.89.

51. Максимов В.В. Зарубинецкое городище Филипенкова гора.С.44.

52. Козак Д.Н. Поселение пшеворской культуры в с.Подберезцы Львовской области. С.76. Рис.3.

53. Ринман Э.А. Этническая история населения Падвестровья и прилегающего Подунавья в первых веках н.э. Москва. 1975. С.88-105.

54. Старостин П.Н. Именьковские могильники. В настоящем сборнике.

55. Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев. 1981. С.60-61.

56. Никитина Г.Ф. Ук.соч. С.60.

57. Там же. С.60.

58. Там же. С.62.

59. Там же.

60. Там же. С.59.

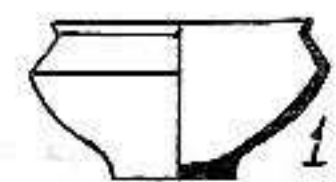
61. Там же. С.60.

62. Матвеева Г.И. Ук.соч. С.62-67.

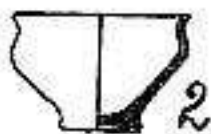
63. Генинг В.Ф. Селище и могильник у с.Рождествено // МИА, 80. С.139. Рис.6,2.

64. *Kietlińska A., Dąbrowska J. Stenarzysko z okresu wpływów rzymskich w wsi Spicymierz pow. Turzek MS. IX. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1963, T.IV, 7.*

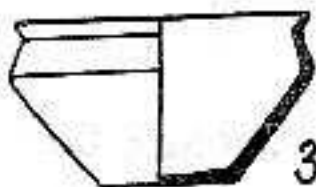
65. Генинг В.Ф. Селище и могильник у с.Рождествено С.137.Рис.5,2,5.

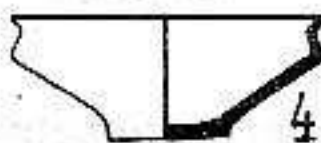
1

2

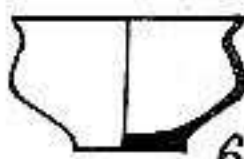
3

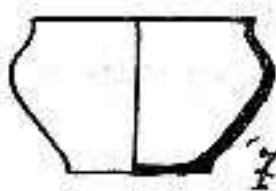
4

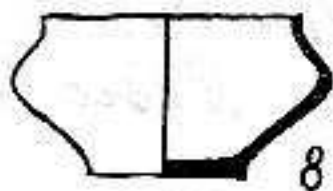
5

6

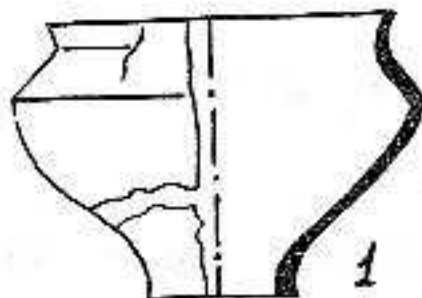

7

8

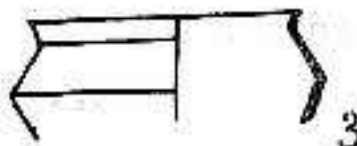
А

1

2

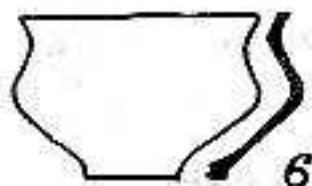
3

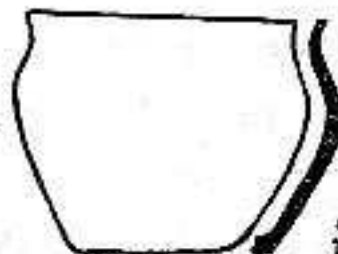
4

5

6

7

8

Б

Рис. I. Миски с городища Лбище (А) и с могильника Спицymeж (Б) пшеворской культуры